

Лица. Эпизоды. Факты

СТАЛИН

БОЛЬШАЯ
КНИГА О НЁМ

Лица. Эпизоды. Факты

Сборник

Сталин. Большая книга о нем

«Издательство АСТ»

2014

Сборник

Сталин. Большая книга о нем / Сборник — «Издательство АСТ»,
2014 — (Лица. Эпизоды. Факты)

Иосиф Виссарионович Сталин – одна из самых неоднозначных фигур в оценке не только современников, но и историков. Его называют героем и палачом, освободителем и трусом, вождем и деспотом. Его личность была возведена в культ еще при жизни, а уже в 1956 году на XX съезде прозвучал доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях»...

Содержание

Часть I. Жизнь Иосифа	6
Глава 1. Легенда о матери	7
Глава 2. Первая любовь	25
Глава 3. Роковой выстрел	34
Глава 4. Светлана Аллилуева	45
Глава 5. Родные лица	62
Глава 6. Ищите женщину!	86
Глава 7. «Переплавка» Кобы	93
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Сталин. Большая книга о нем

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Часть I. Жизнь Иосифа

(Оболенский И.В. Мемуары матери Сталина. 13 женицин Джугашвили; Троцкий Л. Сталин. Опыт политической биографии. Том 1)

Глава 1. Легенда о матери

(Оболенский И.В. Мемуары матери Сталина. 13 женщин Джугашвили)

Удивительно, но в биографии Сталина, где, казалось бы, все известно «от и до», самой загадочной фигурой является его мать.

Что мы знаем о Екатерине Геладзе, кроме того, что ее звали Кеке и что она как-то призналась сыну: «А лучше бы ты стал священником»?

В 2005 году я первый раз приехал в Тбилиси и, как и большинство туристов, отправился на Мтацминду (в переводе с грузинского «святую гору»), где похоронен Александр Грибоедов.

Могила автора «Горе от ума» и его жены Нино Чавчавадзе находятся в гроте. А над ним располагается пантеон, где преданы земле великие грузины.

Вместе со мной был мой коллега, журналист из Тбилиси. Он читал по-грузински надписи на памятниках и переводил мне имена легендарных писателей, актеров, общественных деятелей, обретших последний приют на старом тбилисском кладбище.

Указав на черную стелу, увенчанную белым мраморным вазоном и такой же белой лентой, он произнес: «А это – могила матери Сталина. Здесь похоронена Кеке».

Так я впервые услышал это имя.

Спустя три года я снова оказался в Тбилиси. Свет увидела моя книга «Судьба красоты. Истории грузинских жен». После того как ее перевели на несколько языков, а вскоре последовало и второе издание, меня стали считать чуть ли не главным знатоком историй грузинских красавиц. И я был готов согласиться с этим лестным титулом.

Пока одна из тбилисских старушек, с которой мы на удивление быстро нашли общий язык, не сказала, что историю грузинской женщины, изменившей ход всей мировой истории, я так и не написал.

– Кого вы имеете в виду? – спросил я.

– Как? – удивилась старушка. – Разве есть варианты? Конечно же, мать Сталина.

Поначалу эти слова привели меня в замешательство. Но потом я понял, что моя знакомая права. Не появившись у Кеке третьего ребенка, как знать, каким оказался бы век двадцатый.

Первым делом, конечно же, я заглянул в энциклопедию. Но там о моей будущей героине сказано не так много:

«Родилась в Гамбареули в семье садовника Георгия Геладзе и Мелании Хомезурашвили в 1859 году, умерла в Тбилиси 13 мая 1937 года».

Самая полная официальная версия биографии матери Сталина впервые была изложена... в некрологе по случаю ее смерти. Где, кстати, у Екатерины Геладзе указан другой год рождения.

Не с матери ли впоследствии брал пример ее знаменитый сын, запутывая своих будущих биографов?

Тбилисская газета «Заря Востока» (№ 129 от 8 июня 1937 г.) писала: «Екатерина Георгиевна Джугашвили (урожденная Геладзе) родилась в 1856 году в селении Гамбареули, близ города Гори, в семье крепостного крестьянина. До 9 лет Екатерина Георгиевна росла в деревне и вместе со всей семьей испытывала крайнюю нужду и тяжкий гнет помещика.

В 1864 году, после отмены крепостного права, семья Геладзе переселилась из деревни в город Гори. Отец Екатерины Георгиевны умер рано, и семья осталась на попечении матери. Благодаря заботам матери и братьев Екатерина Георгиевна обучилась грамоте. В 1874 году 18-летняя Екатерина Георгиевна вышла замуж за Виссариона Ивановича Джугашвили, рабочего фабрики Адельханова в Тбилиси».

Но энциклопедию и газетную статью прочтет любой, ничего нового здесь не откроешь. Где же взять информацию о матери одного из самых загадочных и противоречивых правителей минувшего столетия?

И тут, словно по заказу, мне стали встречаться люди, которые либо лично знали Кеке (да, такие еще оставались в Тбилиси), либо могли рассказать о ней со слов своих родителей.

А под конец мне в руки и вовсе попал документ, способный изменить устоявшееся представление о многом и многих.

Но – обо всем по порядку.

Главный вопрос, который по-прежнему любят обсудить в Грузии (и не только), заключается в том, кто же был истинным отцом Сталина – сапожник Виссарион Джугашвили, богатый предприниматель Эгнаташвили или вовсе путешественник Пржевальский, чье изображение на фото действительно имеет много общего с внешностью Сталина.

Причем ясности по этому поводу нет даже в семье самого Сталина.

Его внучка Галина, дочь сына Якова, вспоминала:

«Портниха Альбина (существо мистическое и суперсветское: серебряные черепа на пальцах, независимая прическа), провожая меня до дверей старой коммуналки с необъятными потолками, вдруг перешла на шепот и, как-то даже по-плебейски озираясь, сообщила (до того мы говорили о детях), что по самым проверенным сведениям, подтвержденным «совершенно подлинными» документами, мой дед вовсе не сын Пржевальского и Катерины-матрасницы (о чем знает весь свет), а Пржевальского и некой грузинской княжны «очень, очень» знатного происхождения...

Называли другие имена – двух или трех местных князей, богатого домовладельца-соседа. По счастью, эти версии хоть не лишали Катерину права материнства.

...В пестром хороводе этих «баллад» самая незавидная роль доставалась все-таки не Катерине (этакой горской Кармен), а злополучному прадеду моему, сапожнику Виссариону Ивановичу. Трубадуры уверяли, что даже и фотография его не фотография вовсе, а то ли муляж, то ли подретушированный снимок самого Деда. Единственный их аргумент удивлял незатейливостью: «А почему она (фотография) только одна? Тогда их было бы много!»

...Как они жили? Думаю, вначале Катерина была сильно увлечена шутником, балагуром и заводилой Виссарионом Ивановичем (возможно, он верховодил в мужских компаниях – и это льстило ей, а дома был с ней разговорчив и ласков). Позднее же началась обычная и скучная семейная история».

Что ж, вот эту самую «обычную и скучную» историю мне и предстоит рассказать.

Основываясь на воспоминаниях тех самых грузин, которым есть что поведать.

И читая документы из собрания Тбилисского филиала Института Маркса-Энгельса-Ленина. (Сегодня в бывшем здании этого заведения, роскошном, спроектированном самим архитектором Щусевым, собираются устроить пятизвездочную гостиницу.)

Кроме сухой информации, там хранились документы, которых вполне хватило бы на целый роман. Их авторы – ровесники и друзья маленького Иосифа, для которых он навсегда остался просто Сосо.

Записка Михаила Цихитатришвили о предках Сталина по отцовской линии:

«Одно из крупных крестьянских восстаний произошло в Анануре. Там царские офицеры арестовали 10 повстанцев, среди которых был крестьянин Заза Джугашвили – прадед И.В. Сталина (по линии отца).

Зазе удалось сбежать из-под стражи и скрыться в Горийский уезд, где его взяли в крепостные князя Эристави.

Здесь Заза Джугашвили снова поднял среди крестьян восстание. По подавлении восстания Джугашвили бежал в Геристави и некоторое время был там пастухом. Однако местопребывание его было обнаружено, и Зазе пришлось и отсюда скрыться, после чего мы видим его в Диди-Лило.

У Вано Джугашвили (дед И.В. Сталина) родились два сына – Бесо (Виссарион) и Георгий. Вано развел в Диди-Лило виноградники и установил деловые связи с городом, куда нередко водил и своего сына.

После смерти Вано одного из сыновей его – Георгия – убили в Кахетии разбойники, а Бесо (отец И.В. Сталина) поселился в Тифлисе и стал работать на кожевенном заводе Адельханова. Здесь он выдвинулся как прекрасный работник и получил звание мастера.

...Когда Барамов открыл в Гори сапожную мастерскую, он выписал из Тифлиса лучших мастеров, в том числе и Бесо Джугашвили.

Бесо скоро стал известным мастером. Большое количество заказов дало ему смелость открыть собственную мастерскую. Друзья решили женить его. Они сосватали ему невесту – Кеке Геладзе».

Конечно же, все эти воспоминания были записаны сотрудниками Института, а потому не стоит удивляться «святости и сиянию», которые от них исходят. Над образом коммунистического божества трудились и на совесть, и за страх.

Георгий Элисабедашвили – о матери Сталина:

«Мать Сосо – Кеке – была прачкой. Она зарабатывала мало и с трудом воспитывала своего единственного сына Сосо. После того как Виссарион Джугашвили уехал из Гори, Сосо остался на попечении своей матери. Мать очень любила Сосо и решила отдать его в школу. Судьба улыбнулась Кеке: Сосо приняли в духовное училище. Ввиду тяжелого положения матери и выдающихся способностей ребенка Сосо назначили стипендию: он получал в месяц три рубля. Мать его обслуживала учителей и школу, зарабатывала до десяти рублей в месяц, и этим они жили».

Светлый образ матери «отца народов» описывает и Симон Гогличидзе:

«Кто в Гори не знал эту живую и трудолюбивую женщину, которая всю свою жизнь проводила в работе? У этой одаренной от природы женщины все спорилось в руках – кройка и шитье, стирка, выпечка хлеба, расчесывание шерсти, уборка и т. п. Некоторые работы она брала сдельно. Она работала также поденно и брала шитье на дом».

Но кем же на самом деле была мать Иосифа, или Сосо, как его тогда называли?

Сегодня, когда при рассказе о родителях Сталина уже нет необходимости выставлять их «святым семейством», разобраться в этом особенно интересно.

Великий противник Сталина Лев Троцкий писал:

«Как большинство грузинок, Екатерина Джугашвили стала матерью в совсем еще юном возрасте. Первые трое детей умерли во младенчестве. 21-го декабря 1879 года родился четвертый ребенок, матери едва исполнилось двадцать лет». (Здесь Троцкий ошибается – Иосиф был третьим ребенком Кеке и Бесо. – Прим. И.О.)

В своей книге «Сталин» бывший соратник вождя уделил немало внимания отношениям в семье Джугашвили – между Виссарионом и его молодой женой. Щедро цитируя воспоминания все тех же ровесников и друзей Иосифа, что хранились в Институте.

Прежде всего бросается в глаза тот факт, что официально собранные воспоминания обходят почти полным молчанием фигуру Виссариона, сочувственно останавливаясь в то же время на трудовой и тяжелой жизни Екатерины.

«Мать Иосифа имела скудный заработок, – рассказывает Гогохия, – занимаясь стиркой белья и выпечкой хлеба в домах богатых жителей Гори. За комнату надо было платить полтора рубля». Мы узнаем таким образом, что забота об уплате за квартиру лежала на матери, а не на отце. И дальше: «Тяжелая трудовая жизнь матери, бедность сказывались на характере Иосифа», – как если бы отец не принадлежал к семье. Только позже автор вставляет мимоходом фразу: «Отец Иосифа – Виссарион – проводил весь день в работе, шил и чинил обувь». Однако работа отца не приводится ни в какую связь с жизнью семьи и ее материальным уровнем. Создается впечатление, будто об отце упомянуто лишь для заполнения пробела. Глур-

джидзе, другой товарищ по духовному училищу, уже полностью игнорирует отца, когда пишет, что заботливая мать Иосифа «зарабатывала на жизнь кройкой, шитьем и стиркой белья».

Иремашвили (однокурсник Сталина по Горийскому духовному училищу и Тифлисской семинарии, в 1922 году покинувший СССР и ставший автором первой биографической книги о Сталине, увидевшей свет в 1932 году в Берлине. – прим. *И.О.*) с теплой симпатией характеризует Екатерину, которая с большой любовью относилась к единственному сыну и с приветливостью – к его товарищам по играм в школе. Урожденная грузинка, Кеке, как ее обычно называли, была глубоко религиозна. Ее трудовая жизнь была непрерывным служением: Богу, мужу, сыну. Зрение ее ослабело из-за постоянного шитья в полутемном помещении, и она рано начала носить очки. Впрочем, кавказская женщина за тридцать лет считалась уже почти старухой. Соседи относились к ней с тем большей симпатией, что жизнь ее сложилась крайне тяжело. Глава семьи, Бесо (Виссарион), был, по словам Иремашвили, сурового нрава и притом жестокий пьяница. Большую часть своего скудного заработка он пропивал. Вот почему заботы о квартирной плате и вообще о содержании семьи ложились двойной ношей на мать. С бессильной скорбью наблюдала Кеке, как Бесо своим отношением к ребенку «изгонял из его сердца любовь к Богу и людям и сеял отвращение к собственному отцу». «Незаслуженные, страшные побои сделали мальчика столь же суровым и бессердечным, как был его отец». Иосиф стал с ожесточением размышлять над проклятыми загадками жизни.

Ранняя смерть отца не причинила ему горя; он только почувствовал себя свободнее. Иремашвили делает тот вывод, что свою затаенную вражду к отцу и жажду мести мальчик с ранних лет начал переносить на всех тех, кто имел или мог иметь какую-либо власть над ним».

Внешне все выглядело благостно. Во время интервью – почти невероятно, что Сталин давал интервью (!) иностранным (!) журналистам, – немецкий писатель Эмиль Людвиг спросил у хозяина Кремля:

– Что сделало вас мятежником? Может быть, это произошло потому, что ваши родители плохо обращались с вами?

В ответ прозвучало:

– Нет! Мои родители были простые люди, но они совсем не плохо обращались со мной.

Сотрудник Государственного Национального музея Грузии Владимир Асатиани рассказывал мне весной 2010 года, как, с его точки зрения, все обстояло на самом деле:

– Семья Джугашвили жила в Гори почти нищенски. Глава семейства, Бесо, дни и ночи пил. Ни гроша не приносил домой, а жену избивал.

Кеке была смазливая, веселая девушка. В доме Якова Эгнаташвили, владевшего лавками, работала прачкой. И в один из дней согрешила с Яковым.

Об этом все знали. Сам Бесо называл Иосифа «Набичвари» (ублюдок), постоянно избивал его. Поэтому левая рука у Сталина была почти парализована.

В одной из драк Бесо и умер.

Он хотел, чтобы Иосиф, как и он, стал сапожником. Но деньги на обучение в духовной семинарии дал именно Яков Эгнаташвили.

Если у вас есть время, могу рассказать об этом подробнее.

Моя мать, Александра Васильевна Шульгина, работала секретарем комиссии по борьбе с беспризорными в Грузии (в Москве такой комиссией руководил Дзержинский). Специально для детей работников ЦИК Грузии в бывшем Дворце царского наместника на Кавказе был устроен детский сад, в который я ходил.

А в это же время в этом Дворце жила мать Сталина Кеке. Потом уже, когда я ходил в школу, я снова оказался в этом Дворце и видел мать Сталина. Она была очень простой женщиной, носила чихти-копи (грузинский женский головной убор, состоящий из картонного ободка и тканевого верха. – *И. О.*). У нее были клетушки, в которых жили куры. И она выходила их кормить.

Что я думаю о том, что настоящим отцом Сталина был Эгнаташвили? Я не думаю, я знаю.

Женой моего дяди была очень красивая женщина, которая работала в редакции газеты – то ли «Заря Востока», то ли «Коммунист». А редактором этой газеты был Василий Эгнаташвили, сын Якова Эгнаташвили, состоятельного жителя Гори. У Василия и тетки завязался роман, и они поженились. У моей мамы сохранились хорошие отношения с теткой, и я продолжал бывать у нее дома.

У тетки были сын и дочь, которых фактически усыновил Василий Яковлевич. Дочь окончила медицинский институт и стала актрисой кино, Лиана Асатиани ее зовут. А сын был бедным мальчиком, постоянно хулиганил. И чтобы приучить его к порядку и заставить взяться за ум, его решили отдать в Суворовское училище. После войны в Тбилиси находилось Нахимовское училище, а в Кутаиси – Суворовское училище войск КГБ. Туда его и определили. Через какое-то время училище перевели в Ленинград, и парень тоже переехал туда.

Резо его звали.

Но вскоре в дверь тбилисской квартиры его родителей раздался стук – на пороге стоял Резо, которого за хулиганство отчислили из училища и привезли обратно в Грузию. Снова дома был скандал.

А в это время в Москве началась очередная сессия Верховного Совета СССР, депутатом которого был Василий Эгнаташвили, занимавший уже пост секретаря Верховного Совета Грузии. В сталинское окружение он тогда был не вхож, но секретаря Сталина Поскребышева знал хорошо. В один из дней он зашел с ним поздороваться.

– Что ты в таком плохом настроении? – спросил его Поскребышев.

– А чему радоваться? Сына из Суворовского училища отчислили.

– Как? За что?

– Да хулиганил.

Тогда Поскребышев взял трубку правительственной «вертушки» и позвонил командующему училищем генералу Львову:

– Ты что, Николай Васильевич, о... уел совсем? Внука Сталина отчислил?

На следующий же день в Тбилиси за Резо приехал полковник и забрал его обратно в Ленинград. Там на плацу построили все училище и объявили, что курсант Эгнаташвили назначается старшиной курса.

Самое удивительное, что подобное отношение и доверие заставили Резо действительно взяться за ум и стать почти отличником. После училища он поступил в институт иностранных языков и потом долгие годы работал советским резидентом за границей.

Когда Эдуард Шеварднадзе стал первым человеком в Грузии, он пригласил Резо в Тбилиси и назначил его председателем местного КГБ. Но так получилось, что сын родной сестры Резо Лианы стал пианистом и во время гастролей в Испании пошел в американское посольство и попросил политическое убежище. Лексо Торадзе переправили в США, а целый месяц о нем не было вообще никаких известий. Лиана с ума сходила. Когда стало известно, что он бежал в Америку, Резо выгнали из КГБ. А отец Лексо не выдержал разлуки с сыном и очень быстро умер.

Сам Сталин детей Якова Эгнаташвили не признавал за братьев. Но неожиданно в 30-х годах взял Александра (довольно разбитного, надо заметить, парня) в Москву и сделал его начальником 9-го управления Кремля, отвечавшего за охрану Кремля. Он имел чин генерал-полковника. Попутно выдвигали и другого сына Якова Эгнаташвили – Василия. Он был, как я говорил, секретарем Верховного Совета Грузии.

Александр умер в 1948 году. Похоронили его в Гори. Я был на тех похоронах, они были очень пышные.

После смерти Александра Сталин приблизил к себе Василия. Тот подолгу жил у Сталина, а когда вожь приезжал в Цхалтубо, они все время проводили вместе.

После смерти Сталина, буквально на следующий день, Василий был арестован. Берия обвинил его в доносах на него самого и его окружение, так называемую менгрельскую группу. Василия Эгнаташвили освободили на второй день после ареста Берии.

Едва закончив свое повествование, Владимир, или Вилли, как его называли в Тбилиси, Асатиани предложил познакомить меня с Тамарой Геладзе.

– Почему у нее такая фамилия? Не родственница ли она матери Сталина? – спросил я.

– Не просто родственница, а внучка ее родного брата. Она вам сама обо всем расскажет.

И вот через несколько минут я уже разговариваю с Тамарой Геладзе. Ей немного за 70, и внешне она очень похожа на Светлану Аллилуеву, дочь Сталина и свою троюродную сестру.

Любопытно, но сама Светлана признавалась, что во время пребывания в Грузии ей не удалось познакомиться со своими родственниками со стороны Кеке.

«В Грузии было много незаметных, скромных дальних родственников с ее стороны, все они никогда ничего себе не требовали и старались жить незаметно. Инженер, винодел, дирижер оркестра, учитель – они были грузинами и никогда не стремились к Москве. Я знала лишь троюродную сестру отца – старуху Евфимию, как-то перед войной приехавшую в Москву повидать отца, и он узнал ее после нескольких десятилетий.

Сейчас я никого не могла разыскать, чтобы расспросить их о бабушке. Партия и правительство дали мне шофера, но не захотели помочь найти родственников-грузин. Может быть, могли бы рассказать мне что-либо о преследовании их после хрущевской речи? Я не знаю ничего о них, кроме того факта, что они существовали, так как они были детьми этой Евфимии».

Что ж это за время такое было, когда даже о родной бабушке Светлана узнавала не от знавших старуху родных, а из официальных слов работников музея?

«Музей в Гори хранил фотографии бабушки, ее старые очки, больше ничего... Все остальное мне надо было добывать в глубинах памяти “коллективного подсознательного”, в фантазиях, в той церкви, куда она всегда ходила, и в очень немногих рассказах очевидцев. Хотя ее и поместили во “дворец”, последние годы ее жизни обозначены отрезанностью от родичей и друзей: к ней никого не пускали. Кто знает, была ли мирной ее кончина? Отец приехал повидать ее незадолго до ее смерти, и тут она ему и выдала свое последнее материнское слово. Кто узнает, чем прогневили старуху партийные и чекистские стражи? По какой причине она приготовила сыну столь полное презрение к его земной славе? Но ничто не могло изменить ее, она была – как эти горы, как эта сухая земля и скалы».

Выходит, мне повезло больше. Я сумел познакомиться с ближайшей родственницей Кеке. Тамара Геладзе немного смущалась интереса к ее семье:

– В Грузию часто приезжали историки, которые интересовались Сталиным. Но никто из них ни разу не выразил желания повстречаться со мной. Я тоже никогда не стремилась к публичности. Зачем мне это нужно? Хотя, наверное, есть что рассказать.

Мой дед Сандаля (Андрей было его полное имя) являлся родным братом Кеке. Он был гончаром, работал в мастерской в селении Гамбареули.

Жили поначалу в деревне Свенети, потом перебрались в Гамбареули. Их отца звали Георгий, он был крестьянин. Старшего брата тоже звали Георгий, Гио его назвали. Он был женат, но детей у них не было. Затем шла Кеке, Екатерина. И младший брат, Сандаля, мой дед.

Кеке была мудрая женщина. Не образованная, а именно мудрая. Очень деловая, не сплетница, как многие женщины. О ней самой много что говорили. Что и легкомысленная, и погулять любит. Но на самом деле она была не такой. Да и в Гори ничего про нее дурного не говорили.

Потом уже много небылиц появлялось. Где-то даже написано, что Сталин чуть ли не сын Александра Третьего.

Это же чушь. Кто-то писал, что он сын Пржевальского, который был проездом в Грузии. Называют его отцом и Давришева, он был начальником полиции. Но это тоже сплетня.

Что касается Эгнаташвили, то однозначно ответить на вопрос, был ли он отцом Сталина, нельзя. Но! Кеке была женщиной верующей, соблюдала все обряды и правила. И мечтала, чтобы ее сын стал епископом. Она как-то увидела торжественное шествие, связанное с епископом, и ей этого же захотелось и для сына.

Верующая женщина никогда бы не допустила, чтобы настоящий отец ребенка стал его крестным отцом. А ведь именно Эгнаташвили был крестным Сталина.

Я в свое время спросила бабушку – правда ли то, что говорят об отношениях Кеке и Эгнаташвили? И она ответила, что этим слухам во многом способствуют сами братья Эгнаташвили.

Сталин был хорошо знаком с детьми своего крестного отца. У одного, Саши Эгнаташвили, в Баку были трактир и гостиница, в которых прятался Сосо.

Другой брат, Василий, был человеком другого склада. Очень простым.

Вот простой пример. В Цхнети, поселке неподалеку от Тбилиси, было две дачи – одна, строго охраняемая, принадлежала главному коммунисту Грузии Филиппу Махарадзе, а другая – открытая, незащищенная, Василию.

У Кеке со стороны мужа родственников фактически не было, а с теми, кто был, отношений она не поддерживала.

С женой старшего брата, Гио, тоже.

А вот с моей бабушкой, женой Сандалы, Кеке дружила. Бабушку звали Лиза Нариашвили. У нее было трое детей. После смерти Сандалы ее взяли к себе сестры, которые жили в Тифлисе.

Одна сестра бабушки, Софья Петровна, была замужем за офицером Гиго Кавкасидзе. Полковником он был, дворянином. Другая сестра была замужем за Иосифом Кибилашвили. Я его называла папа Иосеби. Он служил в русской церкви Александра Невского.

И еще была Като, белошвейка. У нее была машинка «Зингер» первого выпуска. Она шила женское шелковое белье с кружевами. Ее муж был столяром, они жили на Мтацминда.

Сестры очень дружили. Носили грузинские национальные костюмы. Только Соня, которая долго жила в России, носила русское платье.

А братья бабушки были ремесленниками, жили в Гори. Один из них, Матвей Нариашвили, был очень умный. Он очень заботился о Кеке. Правда, был с тяжелым характером, его все боялись. Но с Кеке у него сложились хорошие отношения, и он очень помогал в воспитании маленького Иосифа.

Если бы Кеке была легкомысленная, как говорят, то исключено, что о ней бы хорошо отзывались. А Матвей даже дал ей с мужем Бесо место для постройки дома в Гори.

И для меня лично это аргумент, что она не была такой уж влюбчивой (на этом месте сегодня и располагается тот маленький дом, где родился Сталин. – *И.О.*).

Кеке была очень приятной, всегда аккуратно одетой. И всем нравилась. Она была очень трудолюбивая, никогда не сплетничала. Не позволяла себе выйти из дома без головного убора, хотя многие просто повязывали себе платок на голову, и в принципе этого было достаточно. А она всегда надевала чихти-копи, грузинский национальный головной убор.

«Ах, какая она изящная! – говорили про Кеке. – Какая чистоплотная!»

Главная черта ее характера – быть хорошей матерью. И еще она была своему сыну другом, он с ней всем делился.

Кеке была очень своенравная. Когда ей говорили, что вот, мол, ваш сын такой бедовый, такие вещи творит, она отвечала: «Мой сын собирается стать царем».

Кеке очень помогла моя двоюродная бабушка Като, та самая белошвейка. Хозяином их дома на Мтацминда был некий Чагунава, бухгалтер в семинарии. Он и помог Сосо сдать экзамены. Конечно же, о помощи его попросила Като.

Кеке так и пишет о ней: «Мне помогла моя родственница определить сына в училище».

А зачем было помогать Кеке, если бы она не была примерной женой?

Другие сестры бабушки к Кеке относились свысока. Но никогда о кавалерах Кеке не говорили. А время было такое, что стоило появиться хотя бы поклоннику, сразу пошли бы разговоры.

Так что я лично не думаю, что отцом Сталина был не Бесо.

Кто-то пишет, что Кеке была сына. Не могло этого быть, она его обожала (об этом своей дочери Светлане говорил сам Сталин. – *И.О.*).

Она была трудовая женщина, много работала. Отец хотел, чтобы Сосо стал сапожником. Сам Бесо работал на фабрике Адельханова.

Когда он появился в Гори, все девушки мечтали выйти за него замуж. Но он выбрал Кеке. Она говорила потом, что муж спился из-за того, что дети умирали. Когда родился Сосо, она не хотела для него профессии отца. Тогда-то с мужем и случился разлад. Кеке видела сына только слушателем духовной семинарии.

Это, пожалуй, главная роль, которую мать сыграла в жизни (кроме дарования оной) Иосифа – сделала все, чтобы сын поступил в семинарию.

Из воспоминаний Льва Троцкого:

«С похвальным листом Горийского училища в своей сумке пятнадцатилетний Иосиф впервые очутился осенью 1894 года в большом городе, который не мог не поразить его воображение: это был Тифлис, бывшая столица грузинских царей».

Не будет преувеличением сказать, что полуазиатский, полувосточный город наложил свою печать на молодого Иосифа на всю жизнь. В течение своей почти 1500-летней истории Тифлис многократно попадал во власть врагов, 15 раз разрушался, иногда до основания. Вторгавшиеся сюда арабы, турки и персы оказали на архитектуру и нравы города глубокое влияние, следы которого сохранились и по сей день. Европейские кварталы выросли после присоединения Грузии к России, когда бывшая столица стала губернским городом и административным центром Кавказского края. Ко времени вступления Иосифа в семинарию Тифлис насчитывал свыше 150 000 жителей.

Русские, составлявшие четверть этого числа, состояли, с одной стороны, из ссыльных сектантов, довольно многочисленных в Закавказье, с другой – из чиновников и военных. Армяне представляли с давних времен наиболее многочисленное (38 %) и зажиточное ядро населения, сосредоточивая в своих руках торговлю и промышленность. Связанные с деревней грузины заполняли низший слой ремесленников и торговцев, мелких чиновников и офицеров, составляя, как и русские, примерно четвертую часть населения.

«Рядом с улицами, имеющими современный европейский характер, – гласит описание 1901 года, – ютится лабиринт узких, кривых и грязных, чисто азиатских закоулков, площадок и базаров, окаймленных открытыми восточного типа лавочками, мастерскими, кофейнями, цирюльнями и переполненных шумной толпой носильщиков, водовозов, разносчиков, всадников, вереницами вьючных мулов и ослов, караванами верблюдов и т. д.»

Отсутствие канализации, недостаток воды при жарком лете, страшная въедчивая уличная пыль, керосиновое освещение в центре, отсутствие освещения на окраинах – так выглядел административный и культурный центр Кавказа на рубеже двух столетий.

«Нас ввели в четырехэтажный дом, – рассказывает Гогохия, прибывший сюда вместе с Иосифом, – в огромные комнаты общежития, в которых размещалось по двадцать – тридцать человек. Это здание и было тифлисской духовной семинарией».

Благодаря успешному окончанию духовного училища в Гори Иосиф Джугашвили был принят в семинарию на всем готовом, включая одежду, обувь и учебники, что было бы совершенно невозможно, повторим, если бы он успел проявить себя как бунтовщик. Кто знает, может быть, власти надеялись, что он станет еще украшением грузинской церкви? Как и в подготовительной школе, преподавание велось на русском языке. Большинство преподавателей состояло из русских по национальности и русификаторов по должности. Грузины допускались в учителя только в том случае, если проявляли двойное усердие. Ректором состоял русский, монах Гермоген, инспектором – грузин, монах Абашидзе, самая грозная и ненавистная фигура в семинарии.

«Жизнь в школе была печальна и монотонна, – рассказывает Иремашвили, который и о семинарии дал сведения раньше и полнее других, – запертые день и ночь в казарменных стенах, мы чувствовали себя как арестанты, которые должны без вины провести здесь годы. Настроение было подавленное и замкнутое. Молодая веселость, заглушенная отрезавшими нас от мира помещениями и коридорами, почти не проявлялась. Если время от времени юношеский темперамент прорывался наружу, то он тут же подавлялся монахами и наблюдателями. Царский надзор над школами воспрещал нам чтение грузинской литературы и газет. Они боялись нашего воодушевления идеями свободы и независимости нашей родины и заражения наших молодых душ новыми учениями социализма. А то, что светская власть еще разрешала по части литературных произведений, запрещала нам, как будущим священникам, церковная власть. Произведения Толстого, Достоевского, Тургенева и многих других оставались нам недоступны».

Дни в семинарии проходили как в тюрьме или в казарме. Школьная жизнь начиналась с семи часов утра.

Молитва, чаепитие, классы. Снова молитва. Занятия с перерывами до двух часов дня. Молитва. Обед. Плохая и необильная пища. Покидать стены семинарской тюрьмы разрешалось только между тремя и пятью часами. Затем ворота запирались. Переключка. В восемь часов чай. Подготовка уроков. В десять часов – после новой молитвы – все расходились по койкам. «Мы чувствовали себя как бы в каменном мешке», – подтверждает Гогохия.

Согласно официальной версии, Иосиф Джугашвили был исключен из духовной семинарии. Мать утверждала обратное: «Он не был исключен, я его сама взяла».

А одноклассник Сосо по семинарии, Гогохия, вспоминал:

«Иосиф перестал уделять внимание урокам, учился на тройки – лишь бы сдать экзамены. Свирепый монах Абашидзе догадывался, почему талантливый, развитый, обладавший невероятно богатой памятью Джугашвили учиться «на тройки», и добился постановления об исключении его из семинарии».

Что касается «свирепого монаха Абашидзе», то он впоследствии стал ректором Духовной семинарии Тифлиса.

Иосиф учился на пятом курсе семинарии, когда ректор застал его за чтением запрещенной книги. Отец Димитрий попытался забрать ее у Джугашвили, но тот вновь вырвал книгу из рук священника.

«Ты разве не видишь, с кем имеешь дело?» – воскликнул ректор семинарии. И услышал ответ семинариста: «Вижу перед собой черное пятно и больше ничего».

В мае 1899 года Иосиф Джугашвили покинул стены семинарии. Как писал «Духовный вестник Грузинского экзархата», он был исключен из-за неявки «по неизвестной причине» на экзамен. Сам Иосиф в 1931 году объяснит свое исключение более красочно: «за пропаганду марксизма». А его пути с бывшим ректором семинарии еще пересекутся.

О судьбе отца Димитрия Абашидзе мне рассказал владыка Димитрий, митрополит Батумский и Лазский Грузинской Православной церкви.

В годы Советской власти бывший ректор семинарии и облеченный неограниченной властью бывший семинарист поддерживали отношения. Абашидзе не раз писал в Москву с прось-

бами освободить из заключения служителей церкви. Сталин выполнял просьбы священника и помогал ему, как говорили, в том числе и материально. А один раз даже спас жизнь.

Накануне Великой Отечественной отец Димитрий оказался в Киеве, где был снова арестован. В НКВД поступил донос на человека, который посмел «исключить из семинарии великого Сталина». Но и в этот раз никаких санкций не последовало.

Когда Киев был оккупирован фашистами, монах Антоний (это имя взял себе отец Димитрий, приняв монашеский постриг) проводил службы в Киево-Печерской лавре. Там он и встретил мученическую смерть. В 1942 году его расстреляли немцы.

Сегодня схиархиепископ Антоний (Абашидзе) причислен к лику святых Украинской православной церкви.

Кеке воспитала в сыне чувствительность к женским просьбам. Особенно к просьбам матери. Пусть и чужой.

Я почувствовал это после изучения записки, созданной примерно в 1898 году, когда Иосиф Джугашвили был еще семинаристом.

Читаешь и начинаешь думать – а ведь он и правда мог стать хорошим священником.

Орфография сохранена:

«О. Инспектор!

Я не осмелился бы писать Вам письмо, но долг – избавить Вас от недоразумений на счет неисполнения мною данного Вам слова – возвратиться в семинарию в понедельник – обязывает меня решиться на это.

Вот моя история. Я прибыл в Гори в воскресенье. Оказывается умерший завещал похоронить его вместе с отцом в ближайшей деревне – Свенеты. В понедельник перевезли туда умершего, а во вторник похоронили. Я решил было возвратиться во вторник ночью, но вот обстоятельства, связывающий руки самому сильному в каком бы отношении ни было человеку: так много потерпевшая от холодной судьбы мать умершего со слезами умоляет меня «быть ея сыном хоть на неделю».

Никак не могу устоять при виде плачущей матери и, надеюсь простоте, решился тут остаться, тем более, что в среду отпускаете желающих. Воспитан. И. Джугашвили».

Записка хранится в Государственном архиве Саратовской области (ГаСо), где есть отдельный фонд, в котором собрана коллекция личных бумаг саратовских епископов. Большую ее часть составляют бумаги Преосвященного Гермогена, бывшего в 1901–1903 гг. Вольским Викарием, а позднее (1903–1912 гг.) епископом Саратовским и Царицынским. Среди этих документов сохранилась часть, относящаяся к периоду служения Владыки Гермогена в городе Тифлисе ректором Тифлисской Духовной Семинарии (1893–1901 гг.).

Не менее любопытно и письмо преподавателя Тифлисской семинарии отца Василия (Карбелашвили), с которым меня познакомила правнучка автора. Отец Василий в свое время преподавал у Иосифа. И в мае 1923 года не побоялся написать своему бывшему ученику:

«Глубокоуважаемый батано Сосо!

Вы удивитесь воспоминаниям старого учителя и такому длинному письму, которое вам должно напомнить, что было, и заставить задуматься о том, что есть, и том, что будет.

Вспомним, как мы в последний раз встретились. Ты ушел из семинарии и, по-моему, удостоверился в том, что я был прав. И думаю, что буду прав в будущем.

Я сказал тебе и скажу еще раз. Бедные те люди, которые не уважают историю. Которые избегают образования и не почитают учения Христа. Самый лучший переворот и с самыми хорошими последствиями произошел в Англии в 1850 году и был осуществлен христиан-социалистами. Потому что они учли религиозные требования и этим остановили возвышение подонков. А в 1848 году Франция проиграла революцию, потому что именно этот элемент не был учтен. Это моя глубокая вера и непреклонное, основанное на жизненном опыте, убеждение.

Сейчас начнем про нашу беду. Мы находимся в такой ситуации, что даже варварство Чингизхана и Осмал шаха кажется мечтой. В Мегрелии не слышны звуки колоколов, закрыли церкви, преследуют и арестовывают священников и очень много несправедливых сплетен распространяют среди народа. Неужели это полезно для правительства?

Светицховели (древний собор во Мцхете. – *И.О.*) и остальные большие храмы хотят переделывать в театры. В ночь Пасхи насильно закрыли церкви и запретили службы. Насилие над церковью происходит. Что среди народа тайно вызывает недовольство. В некоторых местах верующие взялись за оружие. Как, например, в деревне Мухрани.

Много я могу тебе написать. Но мое возмущение не дает мне силу. Да и не хочу тебя, и так утружденного многими делами, переутомить.

Сосо! Какой веры бы ты ни был, ты грузин. Тебя вырастила грузинская земля. И любовь к родине и к своему народу из твоего сердца ничто не вырежет.

Еще раз прошу, чтобы прекратилось гонение на церковь и религию.

Что вы даете нации, когда вы унижаете ее веру и святыни и уничтожаете великую культуру?

Может, ты обижаешься, мой Сосо?

Но, может, послушаешь много повидавшего, натерпевшегося и проплакавшего? И что-нибудь приятное напишешь твоему старому учителю, который беспокоится о твоём сердце и о тебе.

Жду ответа».

Никаких последствий для автора послание не имело. Епископ Бодбе и Алаверди Василий (Карбелашвили) умер своей смертью в 1936 году.

Может быть, для Сталина первые годы действительно вера имела какое-то значение?

По воспоминаниям приемного сына вождя Артема Сергеева, уважение к вере оставалось в бывшем семинаристе всегда:

«Выражения с упоминанием Бога дома употреблялись. «Слава Богу», «Не дай Бог», «Прости, Господи», например, и Сталин сам нередко говорил.

Я вообще не слышал от Сталина ни одного плохого слова в адрес церкви и веры. Помню такой случай году в 1931-м или 32-м. Напротив школы, где учился Василий (младший сын Сталина. – *И.О.*), во втором Обыденском переулке был храм. Как-то, когда там шла служба, мальчишки возле пробовали стрелять из пугача. Василий в этом участия не принимал, а рассказывал отцу об этом.

Отец спрашивает: «Зачем они это делали? Они же, молящиеся, вам учиться не мешают. Почему же вы им мешаете молиться?» Далее спросил Василия: «Ты бабушку любишь, уважаешь?» Тот отвечает, мол, да, очень. Сталин говорит: «Она тоже молится». Василий: «Почему?» Отец отвечает ему: «Потому что она, может, знает то, чего ты не знаешь».

Рассказывает Тамара Геладзе:

– В начале тридцатых годов Кеке ездила в Москву. Но жить в Кремле ей не понравилось, и она вернулась в Тбилиси.

«Не захотела в Кремле, будет в сырой земле», – сказал Берия.

Тут ей дали комнату в бывшем Дворце царского наместника, она сама захотела только одну комнату. В театре имени Руставели у нее была своя ложа. Каждый день она читала газеты. И даже успела написать несколько страниц мемуаров.

Моя сестра Тина была у нее в гостях. Кеке сама попросила ее прийти: «Хочу посмотреть на дочь Шалико». Она рассказывала, что Кеке угощала ее пирогом назуки, который едят при диабете. «Как ты похожа на Сосо», – сказала ей Кеке. Потом сестра была на ее келехи (так называют в Грузии поминки. – *И.О.*).

О Кеке много пишут неправды. Некоторые, например, описывают ее: «Высокая, строгая брюнетка». А она на самом деле была невысокой, рыжей и с веснушчатым лицом.

Она работала белошвейкой – делала батистовое белье для женщин. С кружевами. Вообще она занималась всем – готовила, стирала. Но ее специализацией было мбасмава.

Она стирала тюль для чихти-копи и лечаки (нечто вроде тончайшего покрывала, головного платка, который ниспадал вдоль головы и плеч, а крепился на чихти – картонной основе самого убора. – *И.О.*), натягивала его на решетке и потом расписывала – наносила белой краской штрихи, которые во время стирки стирались.

Богатые женщины носили кружева, женщины попроще – тюль.

Кстати, мой дед расписывал керамическую посуду. Носил серебряный пояс, который могли носить далеко не все ремесленники.

Мой папа Шалва был самым младшим в семье и не знал Сталина.

Кеке спрашивала, виделся ли он с Иосифом, когда тот приезжал в Тбилиси. Но папа ответил: «Нет, к чему нам было видаться? Мы ведь не знакомы».

Папа работал агрономом в Гаграх. Он собирался поехать в Калифорнию, учиться разведению цитрусов. Но его непустили, времена уже изменились.

Он был идеалистом, для него квартира и прочие вещи ничего не значили, он уехал в Гагры и занимался цитрусами.

У него уже была вторая жена, моя мама.

Когда в 1937 году умерла Кеке, приходившаяся моему отцу теткой, Берия послал папе телеграмму, чтобы тот приехал на похороны. Но папа отказался: «Не поеду, меня на тех похоронах и арестуют». Но его все равно вскоре арестовали. На допросе следователь сказал ему: «Вместо Кремля мы тебя в Хабаровск отправим».

В камере он оказался вместе с крестьянином Ивановым, который приехал на Кавказ на заработки. «А тебя за что арестовали?» – спросил отец Иванова. А тот ответил: «А меня не арестовали, а посадили слушать, что ты говоришь, и потом докладывать об этом».

К счастью, вскоре отца освободили. Может быть, родство со Сталиным – они же были двоюродными братьями – сыграло роль. Или, как я думаю, Кеке заступилась.

Он поехал в Москву и пошел к Эгнаташвили. Саша Эгнаташвили был ровесником папы. Он и жил у него. Саша встречу со Сталиным организовать не смог. «Зря ты приехал. Единственное, чем ты себя сможешь оправдать, – если на кого-нибудь донесешь».

В юности меня эти слова так возмутили, думала, какой ужасный человек этот Саша. Такое посоветовал папе.

Но потом мне объяснили, что он просто дал папе понять, что ему все равно никто не поверит.

И папа приехал в Тбилиси и жил у своего брата, который работал в системе железных дорог. А потом его вызвал Берия. И спросил, есть ли у него квартира. «Нет». – «Однокомнатная устроит?» – «Да, у меня жена и девочка».

Ему предложили на выбор несколько роскошных квартир. Но во всех жили люди, которые на тот момент уже подверглись репрессиям и должны были выезжать. В одной квартире молодой человек сказал, что завтра освобождает ее и съезжает в подвал. Папа отказался занимать эту квартиру.

Мы в итоге переехали в квартиру на улице Пиросмани. Хороший дом был, между прочим. 4,5 метра потолки были, три комнаты, одна – сорок метров. Для тех времен это считалось барской квартирой.

Потом мне сказали, что наш дом называли «русский двор». Хотя там жили поляки, немцы. Гегель даже жил во дворе, Картье. Эта Картье была модисткой. Лота, Грета и Шарлота были ее дочери. Жил Домбровский, гидролог, он служил в обсерватории, где одно время работал Сталин. У него была сестра Варвара Леопольдовна, модистка. Внешне он был похож на Тургенева. Мы в шутку говорили, что лично знаем самого Тургенева.

Наш двор был необыкновенным. Красивые ворота, большой подвал, деревья высажены во дворе, чтобы влажности не было. Кстати, в соседнем дворе умер Пиросмани, в подвале. Сейчас он в таком плачевном состоянии...

Папа должен был заниматься наукой. Но посвятил жизнь сельскому хозяйству, работал в наркомате. Мы одно время жили в Ликани, во Дворце наместника. Тогда еще все сохранилось с царских времен. У нас даже был сервис с вензелями. Когда уезжали, все сдали. Дом утопал в зелени, диком винограде.

После войны это уже была дача Сталина, он иногда туда приезжал.

(Ликани – одно из красивейших мест Грузии. Недаром там находился летний Дворец царского наместника. В советские годы в нем был устроен санаторий для видных большевиков.

Вдова Николая Бухарина и дочь ленинского соратника Анна Ларина не раз там бывала: «...известный в то время в Грузии большевик-литератор Тодрия, сидя однажды на скамейке в ликанском парке рядом с отцом, сказал ему при мне: "Вы, русские, Сталина не знаете так, как мы, грузины. Он всем нам покажет такое, чего вы себе и вообразить не можете!"» – И.О.)

Потом папа работал в Тбилиси, в министерстве финансов, в отделе сельского хозяйства. Он был порядочным человеком. Но у него все время были конфликты, и он уходил. Принципиальным был. Он умер в 1964 году.

А вот папиного брата – Семена – арестовали и расстреляли.

Его дочь, Кето, поехала в Москву узнать про отца. Хотела попасть на прием к Сталину, говорила, что она его племянница. В итоге ее принял Берия. Когда он вошла к нему в кабинет, Берия погладил ее по щеке. Спросил: «Ты из-за мамы приехала?» Он прекрасно знал, что Семена уже нет в живых.

И освободил Веру Кобадзе, мать Кето. Она вернулась в Тбилиси еще раньше Кето.

Моя мама, Елена, занималась домом. У нее было трое детей, она ушла из университета и посвятила жизнь нам.

Она умерла в 1981 году.

Вообще наша семья сильно пострадала от репрессий. Брата мамы, Маргишвили его фамилия, он был главным инженером в Ставрополе, арестовали. И так как мест в тюрьме не было, его посадили в холодильник. Где он очень быстро заболел скоротечным туберкулезом. Поскольку повод для ареста был абсурден, его вскоре освободили. Но он уже был серьезно болен и буквально в считанные дни умер. Ему хотели дать пенсию – то есть маме за него – но она отказалась: «Он погиб! И ничего нам от вас не надо!» Поначалу позволили похоронить в Тбилиси, но потом спохватились и не разрешили. В итоге в Ставрополе его и похоронили.

Мне моя фамилия никогда не помогала. В школе никто не знал, что я нахожусь в таком близком родстве со Сталиным. Папе всегда предлагали хорошие места, но он ими не пользовался. Мы всегда жили очень скромно.

Со Светланой, когда она в восьмидесятых годах приезжала в Грузию, мы не встречались. Многие говорили, какая она необщительная. Но я ее очень хорошо понимаю. Она была человеком издерганным. Может, и генетически непростой характер был, что вы хотите – дочь Аллилуевой и Сталина.

Потом в Тбилиси приезжала дочь Яши. Она была у моей сестры, приходила к ней на прием, как к врачу. Моя знакомая захотела нас представить. Но я отказалась. Зачем? Сказала, что это будет что-то искусственное. Если они нуждаются во мне, помощь нужна или что-то, с радостью помогу. А так к чему? Так мы в итоге и не увиделись.

Папа об истории нашей семьи не рассказывал. Да я бы и не отнеслась к его рассказам серьезно.

И все же версия, согласно которой отцом Сталина является Яков Эгнаташвили, по-прежнему весьма популярна. О ней мне поведал и легендарный грузинский писатель Чабуа Амиреджиби.

Самый, пожалуй, знаменитый из современных грузинских литераторов, автор романа «Дата Туташхия», Чабуа Амiredжиби за год до своего 90-летия, в 2010-м, принял монашеский постриг. Кельей стала для него тбилисская квартира, где и проходили наши встречи.

Познакомились мы после выхода моей книги «Судьба красоты. Истории грузинских жен», одна из глав которой посвящена родной сестре Чабуа – Родам Амiredжиби, жене поэта Михаила Светлова, ставшей в свое время моделью для статуи Грузии в фонтане «Дружба народов», установленном на бывшей ВДНХ.

Конечно же, писал я и о самом Чабуа, поистине выдающейся личности. В 1942 году он был осужден за участие в организации, ставившей своей целью свержение советской власти. Из лагеря Амiredжиби совершил побег. По поддельным документам смог устроиться на большой завод в Белоруссии и даже стать его директором.

Когда его отправили в командировку за границу, он поехал и вернулся обратно в СССР. При том, что во Франции жила его родная тетка. Вскоре после возвращения Чабуа был представлен к награде. Во время подготовки документов на орден и выяснилось, что директор завода – беглый каторжник. Его вновь отправили в лагерь, еще и добавив срок за побег.

Чабуа Амiredжиби – удивительная личность. Несколько лет назад он сумел победить рак. Но лишился голоса. И сегодня один из самых ярких ораторов Грузии общается с миром посредством переписки.

Наш с ним диалог тоже проходил необычно – я писал вопросы и получал от Амiredжиби ответы.

Первым делом мне хотелось понять, в чем причина такого интереса, который фигура Сталина вызывает по сей день. В ответ Амiredжиби писал мне:

«Рискну, отвечу. Думаю, в его будущем лежала основа – талантливость, определенные достоинства, характерные семье Эгнаташвили, где прошло его детство, сиротство, а еще дворянское происхождение Эгнаташвили, благодаря чему он и оказался слушателем семинарии. Главное, что он был талантливым молодым человеком, писавшим довольно хорошие стихи. Но отказался быть поэтом благодаря социалистическим увлечениям, характерным для эпохи, в которой ему пришлось жить. Но главным в формировании его характера и будущей жизни я считаю аресты, ссылки, а самым главным – коммунистическое влияние на формирование его взглядов.

Что касается того, что он никак «не сходит со сцены», – судьба, везение, удача! Надо же было попасть в политическую среду, где он смог одержать верх над конкурентами.

И еще – он нашел правильный путь к образованию русского государства – жестокость, восходящая до свойств палача, без которого никто не смог создать сильную Россию. Лично для меня Сталин и его государство – пример того, каким не должны быть государство и его глава.

Что было бы, если бы Сталин стал священником? По-моему, он и был священником, проповедовавшим свое «божественное начало».

Что я думаю об отношениях Сталина с матерью? Насколько известно мне, Сталин не очень жаловал маму. Ведь она родила его от Эгнаташвили, а не от Виссариона. Однако мать Сталина до самой смерти жила в бывшем Дворце наместника Его Величества на Кавказе и погребена в Пантеоне Мтацминда с почестями. Бесо – отчим Сталина – умер алкоголиком, и лично мне неизвестно, где он похоронен».

Чем больше я пытался пролить свет на биографию родителей Сталина, тем яснее понимал, что загадок больше, чем ответов.

Да что там версия о реальном отцовстве, когда даже даты рождения самого Сталина разнятся. Кто называет 18 декабря 1878 года, кто – 21 декабря 1879 года. Шутка ли – разница в целый год!

Многочисленные несовпадения и противоречия в биографиях своих предков внук Сталина театральный режиссер Александр Бурдонский объясняет довольно неожиданно:

«Сталин увлекался учением Гурджиева (один из самых известных философов-мистиков XX века. – *И.О.*), а оно предполагает, что человек должен скрывать свое реальное происхождение и окутывать свою дату рождения неким флером».

Когда я уже собирался уходить из Музея Грузии, где проходили мои встречи с Владимиром Асатиани и Тамарой Геладзе, последняя спросила, как долго я пробуду в Грузии. И, узнав, что еще несколько дней, попросила перед отъездом снова зайти в музей.

В этот раз она принесла мне ксерокопию газетной статьи – в нескольких номерах популярной тбилисской газеты «Квирис палитра» были опубликованы отрывки из мемуаров матери Сталина, которые случайно были обнаружены в Архиве МВД Грузии. Работники Архива проводили оцифровку хранящихся документов и нашли рукопись, которой оказались воспоминания Кеке Джугашвили. Полная версия воспоминаний увидела свет в 2005 году в грузинском издательстве «Универсал».

После того как я перевел этот уникальный документ на русский язык, лично у меня сомнения в том, что Иосиф был сыном именно Виссариона, развеялись.

А вот вопросы о том, какие же в действительности отношения сложились между матерью и сыном, остались.

На первый взгляд Иосиф любил мать, писал ей трогательные записки. Сегодня они тоже хранятся в Архиве.

Год 1922-й, еще жив Ленин.

«Мама моя! Здравствуй: будь здорова, не допускай к сердцу печаль. Ведь сказано: «Пока жив – радовать буду свою фиалку, умру – порадуются черви могильные. Живи десять тысяч лет, дорогая мама».

Проходят годы. Спустя 12 лет письмо сына матери значительно суше, но еще довольно развернуто.

«24 марта 1934 года. Здравствуй, мама – моя! Письмо твое получил. Получил также варенье, чурчхели, инжир. Дети очень обрадовались и шлют тебе благодарность и привет. Приятно, что чувствуешь себя хорошо, бодро. Я здоров, не беспокойся обо мне. Я свою долю выдержу. Не знаю, нужны ли тебе деньги или нет. На всякий случай присылаю тебе пятьсот рублей. Присылаю также фотокарточки – свою и детей. Будь здорова, мама – моя! Не теряй бодрости духа! Целую. Твой сын Сосо».

Он уже остался один, жена покончила с собой. Упоминание об этом есть в его письмах тех лет:

«Дети кланяются тебе. После кончины Нади, конечно, тяжела моя личная жизнь. Но ничего, мужественный человек должен остаться всегда мужественным».

Послание от 6 октября 1934 года:

«Маме – моей привет! Как твое житье-бытье, мама – моя? Письмо твое получил. Хорошо, не забываешь меня. Здоровье мое хорошее. Если что нужно тебе – сообщи. Живи тысячу лет. Целую. Твой сын Сосо».

За окном – февраль 1935 года. Сталин пребывает на вершине власти, но его еще заботит, не сердится ли на него Кеке.

«Как жизнь, как здоровье твое, мама – моя? Нездоровится тебе или чувствуешь лучше? Давно от тебя нет писем. Не сердись ли на меня, мама – моя? Я пока чувствую себя хорошо. Обо мне не беспокойся. Живи много лет. Целую! Твой сын Сосо».

11 июня 1935 года он пишет в Тифлис:

«Здравствуй, мама – моя! Знаю, что тебе нездоровится. Не следует бояться болезни, крепись, все проходит. Направляю к тебе своих детей. Приветствуй их и расцелуй. Хорошие ребята. Если сумею, и я как-нибудь заеду к тебе повидаться. Я чувствую себя хорошо. Будь здорова. Целую. Твой Сосо».

Внуки провели у бабушки не так много времени. Но та встреча навсегда запомнилась Светлане. Несмотря на то, что ей было всего-то 8 лет и она была напугана «строгой и бедной внешностью» бабушки.

«Я не понимала по-грузински – это, наверное, было обидно для нее. Но она гладила меня по лицу своей костлявой бледной рукой и протягивала конфеты на тарелочке, а потом утирала той же рукой слезы со своих щек».

Кеке на сына, конечно, не сердилась. Она, как никто, понимала своего Сосо. И уже в 1930 году, когда в Тифлис приехал иностранный журналист, начинала создавать легенду об Иосифе:

«Сосо всегда был хорошим мальчиком. Мне никогда не приходилось наказывать его. Он усердно учился, всегда читал или беседовал, пытаюсь понять всякую вещь. Сосо был моим единственным сыном. Конечно, я дорожила им. Его отец Виссарион хотел сделать из Сосо хорошего сапожника. Но его отец умер, когда Сосо было одиннадцать лет. Я не хотела, чтоб он был сапожником. Я хотела одного: чтоб он стал священником».

Общим местом в литературе о Сталине стали рассказы о нежелании Сосо идти по стопам отца. Согласно официальной версии биографии новоявленного советского бога, мальчик мечтал только об учебе, а о сапожном мастерстве не хотел и слышать.

Между тем партийный руководитель Грузии Акакий Мгеладзе, в последние годы жизни Сталина, когда тот приезжал на родину, оказавшийся в его ближайшем окружении, вспоминал об обратном:

«Около кровати Сталина, на стуле, всегда лежало два десятка книг: философских, экономических, художественных. Однажды я увидел среди них книгу по выделыванию кожи. Иосиф Виссарионович заметил мое удивление и спросил:

– Что вас удивляет?

Я ответил:

– Я мог предположить, что вы читаете древних и современных философов, выдающихся экономистов, но книга о технологии кожи...

И.В. Сталин погладил свои усы и, улыбнувшись, сказал:

– А хорошую обувь вы носить хотите?»

Сама Кеке, конечно же, говорила корреспондентам то, что хотел услышать сын. По крайней мере так думала сама женщина. В реальности, как оказалось, Сталина бесили слова матери, даже ее обращение к нему.

Об этом свидетельствует Анна Бухарина:

«Сталин изредка позванивал Николаю Ивановичу, давал какие-либо указания редакции "Известий", например: Бухарину и Радеку обязательно написать "разгромные" статьи ("разгромные" – так он выразился) об историке, революционере-большевике Михаиле Николаевиче Покровском. Он позвонил и пробрал Бухарина за то, что в потоке славословий автор одной статьи написал, что мать Сталина называла его Сосо.

– Это еще что такое за Сосо? – вопрошал разгневанный Сталин.

Непонятно, что его разозлило. Упоминание ли о матери, которой он никогда не оказывал внимания (как я слышала), или он считал, что и мать тоже должна была называть сына "отцом всех народов" и "корифеем науки"?

Встреча Кеке с корреспондентом газеты «Правда» Борисом Дорофеевым состоялась в октябре 1935 года. В выпуске от 23-го числа миллионы советских граждан со страниц главной газеты страны узнали о том, как живет и что думает о сыне мать правителя:

«Мы пришли в гости к матери Иосифа Виссарионовича Сталина. Три дня назад – 17 октября – здесь был Сталин. Сын.

75-летняя мать Кеке приветлива, бодра. Она рассказывает нам о незабываемых минутах.

– Радость? – говорит она. – Какую радость испытала я, вы спрашиваете? Весь мир радуется, глядя на моего сына и нашу страну. Что же должна испытать я – мать?

Мы садимся в просторной светлой комнате, посередине которой – круглый стол, покрытый белой скатертью. Букет цветов. Диван, кровать, стулья. Над кроватью – портреты сына. Вот он с Лениным, вот молодой, в кабинете.

– Пришел неожиданно, не предупредив. Открылась дверь – вот эта – и вошел, я вижу – он. Он долго целовал меня.

– Как нравится тебе наш новый Тифлис? – спросила я.

Он сказал, что хорошо. Вспомнил о прошлом, как жили тогда.

– Я работала поденно и воспитывала сына. Трудно было. В маленьком темном домике через крышу протекал дождь и было сыро. Питались плохо. Но никогда, никогда я не помню, чтобы сын плохо относился ко мне. Всегда забота и любовь. Примерный сын!

Весь день провели весело. Иосиф Виссарионович много шутил и смеялся, и встреча прошла радостно.

Мы прощаемся. Новый Тифлис бурлит, сверкает и цветет. А в памяти еще звучат слова матери:

– Всем желаю такого сына!»

Безобидная, казалось бы, статья. Однако у любящего сына было другое мнение. Уже через шесть дней после публикации из-под пера Сталина появилось распоряжение:

«Прошу воспретить мешанской швали, проникшей в нашу центральную и местную печать, помещать в газетах “интервью” с моей матерью и всякую другую рекламную дребедень вплоть до портретов. Прошу избавить меня от назойливой рекламной шумихи этих мерзавцев».

Но внешне все обстояло идеально. Мать дает интервью, озвучивая то, что хочет услышать сын. А Сталин пишет ей письма, зная, что именно по ним будут судить о его взаимоотношениях с матерью.

Его последние записки:

«Маме – моей привет! Как живет, как чувствует себя мама – моя? Передают, что ты здорова и бодра. Правда это? Если это правда, то я бесконечно рад этому. Наш род, видимо, крепкий род.

Я здоров. Мои дети тоже чувствуют себя хорошо. Желаю здоровья, живи долгие годы, мама – моя. Твой Сосо.

10. III.37 г.»

«Маме – моей – привет! Присылаю тебе шаль, жакетку и лекарства. Лекарства сперва покажи врачу, а потом прими их, потому что дозировку лекарства должен определять врач. Живи тысячу лет, мама – моя! Я здоров. Твой сын Сосо. Дети кланяются тебе».

Кеке Джугашвили умерла летом 1937 года. Сын на ее похороны так и не приехал, хотя его ждали. Вместо Иосифа в Тифлисе появился нарком обороны Климент Ворошилов.

Впрочем, может, в этом и была сталинская логика по отношению к матери. Вместо дома – комната во Дворце, вместо сына на прощании – нарком обороны, вместо семейных похорон – пышная церемония на государственном уровне.

Великий грузинский актер Рамаз Чхиквадзе рассказывал:

– Мне тогда лет девять было. После того как Сталин стал первым человеком в СССР, его мать из Гори, где он родился, перевезли в Тбилиси и поселили в бывшем Дворце царского наместника на Кавказе. У нее была маленькая квартирка в этом Дворце.

Кстати, женщина очень переживала, что сын так далеко от нее, и даже выговаривала предводителю грузинских коммунистов Махарадзе: «Вот как ты хорошо устроился, а неужели моему Сосо не нашлось бы места в Тбилиси?»

Когда Кеке умерла, то местное начальство ожидало, что на похороны приедет Сталин. Но ему в 37-м году было уже не до похорон матери. В результате хоронили Кеке офицеры НКВД.

Я был совсем маленьким, но до сих пор слышу ровный топот офицерских сапог, поднимающихся на Мтацминду. Топ-топ-топ-топ.

Тема похорон матери неожиданно всплыла в жизни нашей семьи через несколько месяцев, когда мы всей семьей поехали во Мцхету. Для меня это была первая поездка за пределы Тбилиси.

У моего отца, он исполнял обязанности директора тбилисской консерватории, был служебный «Мерседес» – огромный черный лимузин. На подъезде ко Мцхете нам повстречалась арба, которую неожиданно обогнала военная машина с молодым офицером за рулем. Крестьянин, правивший арбой, не смог удержать лошадь, она резко сошла с дороги, и в результате вся повозка перевернулась.

На место происшествия тут же прибыл военный патруль. В качестве свидетеля происшествия в военную комендатуру забрали и нашего водителя. Он потом рассказывал, что молодого офицера, ставшего виновником происшествия, начали прорабатывать: «Ты еще во время похорон матери Сталина бедокурил. Сейчас, значит, опять?»

Офицер не выдержал, выхватил пистолет и со словами: «Тогда мать Сталина хоронили, а сейчас меня хотите?!», выпустил себе пулю в висок.

Отцовский водитель потом признавался, что никак не может прийти в себя – у него перед глазами постоянно был покончивший с собой офицер и лужа крови на полу.

Запомнила похороны матери Сталина и другая жительница Тбилиси, Тамара Масхарашвили, чьи воспоминания мне удалось записать:

– Когда Кеке Джугашвили умерла, мне было уже 12 лет. Похоронная процессия шла мимо нашего дома. Я вышла на балкон и увидела массу венков. Но в первую очередь почему-то вспоминается грохот десятков сапог, марширующих по мостовым Тифлиса. Ведь Кеке хоронил весь НКВД Грузии.

Ее могила находится в Пантеоне на горе Мтацминда. Люди потом возмущались, почему рядом с великими Важей Пшавела, Ильей Чавчавадзе и Акакием Церетели положили мать Сталина.

Он сам на похороны не приехал, ему было не до этого.

Кеке Джугашвили предали земле под звуки Интернационала.

Невероятная судьба! Бедная прачка, доживавшая свой век во Дворце царского наместника, истово верящая в Бога и похороненная под звуки коммунистического гимна.

Глава 2. Первая любовь

(Оболенский И.В. Мемуары матери Сталина. 13 женицин Джугашвили)

На дворе стояло лето 1906 года. Иосифу, а тогда просто Сосо, исполнилось 26 лет.

Юноша стал мужчиной и совершил самый, наверное, неожиданный поступок в своей жизни. Он венчался.

Это случилось в ночь на 16 июля в монастыре Святого Давида, расположенном в Тифлисе на горе Мтацминда.

Законной женой сына сапожника стала 19-летняя Като Сванидзе, дочь тифлисского крестьянина.

Екатерина Сванидзе.

Это был короткий, но, судя по всему, счастливый брак. Потому что был по любви.

С будущим мужем Екатерину познакомил ее брат Александр, который, как и Иосиф, был увлечен политикой и религией – оба учились в духовной семинарии.

При этом официальным женихом красавицы Като считался другой приятель Иосифа по Горийскому духовному училищу – Давид Сулиашвили.

Они вместе пели «Покаянную молитву» в церковном хоре.

Годы спустя Давид вспоминал о том времени: «Певцы подбирались с лучшими голосами, и одним из них всегда был Сосо. Вечернее богослужение, три мальчика, облаченные в стихари, стоя на коленях, распевает молитву. Ангельские голоса трех детей, открыты золотые царские врата, воздел руки священник – и мы, исполненные неземного восторга и павшие ниц».

Юноши вместе проводили время. И вместе оказались в доме Сванидзе.

Шансов на победу в любовном поединке у романтического Сулиашвили перед уверенным в себе Джугашвили не было. Равно как и на то, что будущий диктатор забудет о сопернике.

В 30-х годах Сулиашвили был арестован. Видимо, страх перед бывшим другом останется у него до конца. Даже после освобождения (ему повезло, он уцелел) ни одного дурного слова о Сталине из уст писателя Сулиашвили никто не услышит.

Но все это произойдет потом. А пока...

Первым делом влюбленный Иосиф счел необходимым познакомить свою избранницу с матерью. Кеке невеста сына понравилась, и благословение на брак было получено. Тогда еще подобные вещи были для будущего диктатора важны.

Удивительное дело – о Сталине и его личной жизни написаны десятки книг. Но при этом о его первой женщине не известно почти ничего.

Мне довелось повстречаться с потомками тех, кто лично знал Като. Из их рассказов и воспоминаний я и попытаюсь воссоздать историю жизни и смерти Екатерины Сванидзе.

Она была необычной женщиной. Уже потому, что ради нее бывший семинарист Джугашвили отправился под венец.

Иосиф тогда только-только вступил в партию большевиков, и радости семейной жизни были ему вовсе не чужды.

Като была простой, мягкой девушкой. И эти черты ее характера сыграли решающую роль. Иосиф был пленен и сам, в свою очередь, изо всех сил пытался очаровать девушку. Довольно необычным способом – оскорблял ее и всячески подавлял.

«Что ему доставляло сторонников, – писал в Берлине Иремашвили, друг юности Иосифа и его тезка, – это страх перед его грубым гневом и его злобным издевательством. Его сторонники отдавались его руководству, потому что чувствовали себя надежно под его властью. Только такие человеческие типы, которые были достаточно бедны духовно и склонны к драке, могли стать его друзьями».

На тот момент Сосо уже находился на нелегальном положении. А посему венчание проходило тайно и ночью. Единственным священником, который согласился исполнить обряд, стал однокурсник Сосо по духовной семинарии Христисий Тхинвалели.

После того как свет увидело первое издание моей книги «Судьба красоты. Истории грузинских жен» – одной из героинь которой стала Сванидзе, – меня разыскивали потомки этого священника и подтвердили факт тайного венчания.

Существует версия, что таинство в полном смысле слова оправдало свое название и по другой причине – молодому большевику было стыдно принимать участие в религиозном обряде. Перед товарищами по партии. И судя по реакции некоторых из них – не зря. Например, Лев Троцкий подобный поступок осуждал.

Венчаться Иосифу пришлось под чужой фамилией. По паспорту он значился как Галиашвили. Весьма красноречивый, стоит заметить, псевдоним – «галиа» в переводе с грузинского означает «клетка», саму фамилию можно перевести как «сын клетки».

Пройдет всего четыре месяца, и Екатерина Сванидзе в полной мере сумеет ощутить, что значит быть женой революционера.

13 ноября 1906 года в ее квартиру на Фрейлинской улице в Тифлисе явится полиция, которая разыскивала Иосифа. Тот находился в это время в Баку.

В итоге жандармы арестовали Като. Формальным поводом для задержания стало то, что Сванидзе предъявила свой девичий паспорт, хотя ее замужество уже ни для кого не было секретом.

Накануне нового, ставшего последним в ее жизни, года Сванидзе освободили. Ходатайство об этом написали ее родственники.

Женщина находилась на пятом месяце беременности, и тифлисская полиция, возможно, просто пожалела несчастную жену Иосифа Джугашвили. Который, надо отдать ему должное, тоже подписал ходатайство. Правда, фигурировал в нем как двоюродный брат арестованной.

18 марта 1907 года у Екатерины и Иосифа родился сын Яков. А уже через три месяца родителям пришлось бежать из Тифлиса. Причиной побега стал налет на почтовую карету, который молодой отец организовал на Эриванской площади Тифлиса. В результате нападения было похищено 250 тысяч рублей – громадная по тем временам сумма.

Впрочем, потом окажется, что истинным организатором знаменитого ограбления являлась царская полиция. Все похищенные денежные купюры были помечены, и при попытке их обмена за границей удалось арестовать многих разыскиваемых революционеров.

Задержания избежал лишь Сосо, который в тот момент снова скрывался в Баку. Впоследствии подобное везение даст повод для разговоров о том, что он являлся тайным сотрудником полиции.

Но такие разговоры возникнут потом. А пока у супругов протекала обычная, если не брать в расчет необходимость скрываться, жизнь.

Екатерина обижалась на свекровь, которую называла «старухой». Кеке отказалась приглядывать за внуком Яковом, пока невестка и сын находились в Баку. Для Грузии это из ряда вон выходящий случай.

Пришлось Като обратиться за помощью к своим родственникам, чей дом впоследствии станет для Якова родным.

Единственное, чем могла Екатерина помочь сыну, – это деньгами, которые передавала своим родным. Женщина была популярной в Тифлисе портнихой, у которой одевалась жена самого начальника полиции.

Во время пребывания в Баку Екатерина Сванидзе заболела скоротечной чахоткой. Муж привез ее обратно в Тифлис и снова уехал.

Работать больная Като уже не могла, а потому денег не хватало. У мужа на семью их не было. При том, что он никогда не отказывал в финансовой помощи соратникам по партии. Так,

в июле 1907 года к нему пришел за деньгами большевик Сергей Аллилуев. Ему надо было ехать в Петербург, и, как он слышал, помочь мог только Иосиф. Тот действительно помог своему, как оказалось, будущему тестю.

Като в это время умирала – в буквальном смысле слова – из-за безденежья. Пригласить врача и купить лекарство было не на что.

Впрочем, справедливости ради надо отметить, что и на себя Иосиф деньги не тратил. Бытовая сторона жизни никогда не имела для него большого значения.

Оправдывает ли только подобное «бессребреничество» отношение к смертельно больной жене?

В Грузию Иосиф приехал лишь за день до смерти жены, 21 ноября 1907 года. На следующий день Екатерины Сванидзе не стало. По воспоминаниям друзей, она умерла на руках у мужа.

Который наконец вышел из тени. В сообщении о смерти Екатерины, опубликованном в тифлисской газете «Цкаро», имя Иосифа Джугашвили фигурировало в качестве мужа усопшей.

Брак Сосо и Като, как молодых называли друзья, продолжался чуть больше года. По свидетельствам современников, Иосиф по-настоящему любил Екатерину. Возможно, за то, что она с первого дня выбрала правильную линию поведения – смотрела на мужа снизу вверх, не подвергая его слова ни малейшему сомнению и даже не смея подумать, что ее Сосо, вынужденный то и дело скрываться от полиции и оставлять молодую жену в одиночестве, может быть в чем-то не прав.

Хотя, конечно же, находились люди, которые говорили об обратном. Так, некий Петр Можнов, знавший хозяина бакинского пристанища Сосо и Като, вспоминал, что «Иосиф, возвращаясь домой пьяным, ругал жену последними словами и избивал ногами»...

На похоронах Екатерины Сванидзе, состоявшихся на Кукийском кладбище Тифлиса, Иосиф Джугашвили сказал другу: «Это существо смягчало мое каменное сердце; она умерла, и вместе с ней умерли мои последние теплые чувства к людям».

Похороны Сванидзе стали единственным случаем в биографии Иосифа, когда он лично прощался с близким ему человеком.

Больше он не провожал до могилы никого – ни мать, ни вторую жену.

Бывал только на протокольных процессиях, когда земле предавали его соратников. Обретших последний приют порой не без старания самого Иосифа.

Когда гроб с телом Екатерины опустили в землю, Иосиф не сдержался и тоже бросился в могилу. Присутствовавшему на похоронах одному из друзей Джугашвили, Геронтию Кикодзе, пришлось спуститься туда следом за ним и почти силой вытащить безутешного товарища.

Иосиф не забудет этого. Спустя годы этот поступок спасет Геронтия Кикодзе от ареста и сохранит ему жизнь.

Это случится в 1936 году, когда в Грузию приедет знаменитый французский писатель Андре Жид, и именно Геронтия, свободно владеющего французским, назначат сопровождать классика мировой литературы. Жиду, конечно же, показывали в Грузии лишь то, что было дозволено. Но на то писатель и был великим, что сумел разглядеть и то, что от него всячески пытались скрыть.

Вернувшись во Францию, Жид написал сенсационную книгу «Возвращение в СССР», на страницах которой поведал миру о том, что же на самом деле происходит в Советском Союзе.

Не надо быть большим специалистом, чтобы понять, какие эмоции могли вызвать у Сталина, например, такие строки из произведения Андре Жида:

«По дороге из Тифлиса в Батум мы проезжали через Гори, небольшой город, где родился Сталин. Я подумал, что это самый подходящий случай послать ему телеграмму в знак благодарности за прием в СССР, где нас повсюду тепло встречали, относились к нам с вниманием

и заботой. Лучшего случая более не представится. Прошу остановить машину у почты и протягиваю текст телеграммы. Содержание примерно такое: «Совершая наше удивительное путешествие по СССР и находясь в Гори, испытываю сердечную потребность выразить Вам...» Но в этом месте переводчик запинаясь: такая формулировка не годится. Просто «вы» недостаточно, когда это «вы» относится к Сталину. Это даже невозможно. Надо что-то добавить. И, поскольку я недоумеваю, присутствующие начинают совещаться. Мне предлагают: «Вам, руководителю трудящихся», или – «вождю народов», или я уж не знаю, что еще. Мне это кажется абсурдом, я протестую и заявляю, что Сталин выше всей этой лести. Я бьюсь напрасно. Делать нечего. Телеграмму не примут, если я не соглашусь на дополнения. И, поскольку речь идет о переводе, который я даже не могу проверить, соглашаюсь после упорного сопротивления и с грустной мыслью о том, что все это создает ужасающую, непреодолимую пропасть между Сталиным и народом. И, поскольку я уже обращал внимание на подобные добавления и уточнения в переводах моих речей, произнесенных там, я тогда же заявил, что отказываюсь от всего опубликованного под моим именем во время пребывания в СССР и что я еще об этом скажу. Вот я это и сделал теперь».

Удивительно, но никаких последствий для Кикодзе эта история не имела.

О судьбе известного грузинского переводчика и литератора мне поведала его дочь, Манана Кикодзе (в Грузии женщины, как правило, и после замужества носят фамилию отца). В юности легендарная грузинская красавица, женщина встретила меня, будучи уже серьезно больным человеком. Ей было далеко за восемьдесят, по квартире она передвигалась в инвалидном кресле. Но стоило ее спросить об отце, как она оживала и, казалось, сбрасывала со своих плеч по меньшей мере полвека.

Манана Кикодзе рассказывала, что в их семье потом в шутку ругали Геронтия – зачем он вызволил Сталина из могилы? Ведь была же прекрасная возможность избавиться от него уже тогда.

Оказалось, что Иосиф мог быть благодарным. Как-то он поинтересовался, чем занимается Кикодзе. Ему ответили – переводит. Вождь остался доволен – пусть переводит.

Отца моей собеседницы не стало в 1960 году.

А тогда, в 1908-м, через год после смерти любимой жены, Джугашвили взял себе псевдоним, с которым и вошел в историю, по сей день заставляя говорить не только о себе, но и о членах своей семьи.

Сосо Джугашвили превратился в Кобу Сталина.

Существует много предположений о том, почему он выбрал именно этот псевдоним. Лично мне близка версия, связанная со смертью Екатерины Сванидзе.

«Каменное сердце» Иосифа теперь билось в стальном человеке. Который думал уже только о власти.

Что же касается его придуманного имени «Коба», то его Иосиф заимствовал у героя романа «Отцеубийца» великого грузинского писателя Александра Казбеги.

Романтическая история любви между крестьянской парой Иаго и Нуну разворачивается на его страницах на фоне исторических событий середины XIX века, когда российские войска одержали победу над отрядом горцев под предводительством Шамиля.

Коба пытается помочь влюбленной паре: крестьянин Иаго находится в тюрьме, а его невесту Нуну собираются похитить неприятели. Герой романа помогает Иаго бежать из заключения, однако тот все равно погибает. Такая же участь ждет и его невесту – Нуну умирает, не пережив ложное обвинение в убийстве отца. В живых остается лишь Коба, который обещает отомстить за смерть друзей.

По воспоминаниям друга юности Сталина Иосифа Иремашвили, «Коба стал для Сосо богом, смыслом его жизни. Он хотел стать вторым Кобой, борцом и героем, знаменитым, как этот последний. В нем Коба должен был воскреснуть. С этого момента Сосо начал именовать

себя Кобой и настаивать, чтобы мы именовали его только так. Лицо Сосо сияло от гордости и радости, когда мы называли его Кобой».

Даже в 1917 году под некоторыми документами стоит подпись «К. Сталин».

Ну а пока до решающего года было далеко. Молодой отец занимался революционной работой, а их с Като сын Яков оставался на попечении родственников Сванидзе.

Его судьба сложилась трагично. Яков был нелюбимым ребенком. Может, потому, что напоминал о Екатерине? А может, потому, что любимых детей у Сталина просто не могло быть...

До 1921 года мальчик воспитывался в Тифлисе у тетки, Александры Сванидзе.

Моя тбилисская знакомая Тамара Масхарашвили несколько раз видела Якова. Своими впечатлениями о встречах со старшим сыном вождя она делилась со мной на даче в поселке Цхнети, где раньше жили коммунистические правители республики:

«Якова Джугашвили, старшего сына Сталина, я видела в Бакуриани. Когда мы выходили играть в волейбол, через забор с соседней дачи к нам перелезал молодой мальчишка. Такой румяный, пухлый, очень простой. Мы знали, что это Яков.

Но то, что он сын Сталина, не имело для нас никакого значения. Для нас он был мальчиком, которого больше всего волновало – примем мы его в свою компанию или нет. Он играл с нами, а через пару часов за ним приходили охранники и вежливо просили вернуться домой».

Лишь когда Якову исполнилось 14 лет, он приехал в Москву. На этом, по воспоминаниям Светланы Аллилуевой, настоял Алеша (это был подпольный псевдоним Александра) Сванидзе. Тот самый брат Като.

Сталин был недоволен этим переездом, но спорить не стал.

В подарок отцу Яков вез банку варенья из грецких орехов, которые передала бабушка Кеке. Но по дороге не выдержал и все съел. Очень переживал, что отец расстроится из-за этого. Но Сталин, кажется, даже не заметил, что в доме появился еще один ребенок.

Единственным человеком в семье, кто заботился о Якове, была Надежда Аллилуева, вторая жена вождя.

Светлана Аллилуева вспоминала: «Мама очень нежно, с истинной любовью относилась к Яше, моему старшему брату, сыну отца от первой его жены, Екатерины Семеновны Сванидзе. Яша тоже очень уважал и любил ее. Она делала все возможное, чтобы скрасить его нелегкую жизнь, помогала ему в его первом браке, защищала его перед отцом, всегда относившимся к Яше незаслуженно холодно и несправедливо».

Подобная забота потом послужит пищей для слухов, будто между Яковым и Надеждой, которых разделяло всего семь лет, существовали романтические отношения.

Может быть, в том числе и поэтому Сталин почти враждебно относился к старшему сыну.

Светлана Аллилуева вспоминала, как «доведенный до отчаяния отношением отца, совсем не помогавшего ему, Яша выстрелил в себя у нас в кухне, на квартире в Кремле. Он, к счастью, только ранил себя, – пуля прошла навылет. Но отец нашел в этом повод для насмешек. «Ха, не попал!» – любил он поиздеваться».

Непримиримый противник Сталина Лев Троцкий описывал детство Якова, протекавшее в Кремле:

«Мальчик Яша подвергался частым и суровым наказаниям со стороны отца. Как большинство мальчиков тех бурных лет, Яша курил. Отец, сам не выпускавший трубки изо рта, преследовал этот грех с неистовством захолустного семейного деспота, может быть, воспроизводя педагогические приемы Виссариона Джугашвили. Яша вынужден был иногда ночевать на площадке лестницы, так как отец не впускал его в дом. С горящими глазами, с серым отливом на щеках, с сильным запахом табака на губах Яша искал нередко убежища в нашей кремлевской квартире. «Мой папа сумасшедший», – говорил он с резким грузинским акцентом».

Яков Джугашвили закончил военную артиллерийскую академию аккурат накануне войны.

По воспоминаниям генерала Власика, начальника охраны Сталина, старший сын вождя, «очень милый и скромный человек, разговорами и манерами необыкновенно похожий на отца», видел свое будущее совсем другим. Он окончил Институт железнодорожного транспорта. Но «услышав замечание отца о том, что он хотел бы видеть сына военным, Яков поступил в Артиллерийскую академию».

22 июня 1941 года Сталин сказал ему: «Иди и сражайся». И он пошел. Но уже в июле, всего через месяц после начала войны, под Вязьмой старший лейтенант Яков Джугашвили попал в плен.

Согласно приказу Верховного Главнокомандующего, все офицеры, сдавшиеся в немецкий плен, объявлялись дезертирами, нарушившими воинскую присягу, а члены их семей подлежали аресту. Семья сына советского вождя не стала исключением.

Правда, если буквально следовать закону, отправить за решетку полагалось и самого Верховного Главнокомандующего, который приходился отцом пленного офицера. Именно тогда и родилась печально знаменитая фраза Сталина о том, что «сын за отца не отвечает». В виду имелось, скорее, совсем другое – «отец за сына».

Другая легендарная фраза Сталина звучала так: «Я солдат на фельдмаршалов не меняю». Она была адресована председателю шведского Красного Креста, который предлагал обменять Якова на фельдмаршала Паулюса.

Как только было получено известие, что Яков находится в плену, его жена Юлия была арестована.

Светлана Аллилуева вспоминала: «Неведомо почему (в первые месяцы войны никто не знал толком, что делать, даже отец) нас отослали всех в Сочи: дедушку с бабушкой, Анну Сергеевну с двумя ее сыновьями, Юлю с Галочкой и меня с няней. В конце августа я говорила из Сочи с отцом по телефону. Юля стояла рядом, не сводя глаз с моего лица.

Я спросила его, почему нет известий от Яши, и он медленно и ясно произнес: «Яша попал в плен». И, прежде чем я успела открыть рот, добавил: «Не говори ничего его жене пока что». Юля поняла по моему лицу, что что-то стряслось, и бросилась ко мне с вопросами, как только я положила трубку, но я лишь твердила: «Он ничего сам не знает».

Новость казалась мне столь страшной, что я была бы не в силах сказать ее Юле – пусть уж ей скажет кто-нибудь другой. Но отцом руководили совсем не гуманные соображения по отношению к Юле: у него зародилась мысль, что этот плен неспроста, что Яшу кто-то умышленно «выдал» и «подвел», и не причастна ли к этому Юля.

Когда мы вернулись к сентябрю в Москву, он сказал мне: «Яшина дочка пусть останется пока у тебя. А жена его, по-видимому, нечестный человек, надо будет в этом разобраться».

И Юля была арестована в Москве, осенью 1941 года, и пробыла в тюрьме до весны 1943 года, когда «выяснилось», что она не имела никакого отношения к этому несчастью, и когда поведение самого Яши в плену наконец-то убедило отца, что он тоже не собирался сам сдаваться в плен».

Освободили женщину, лишь когда Сталину доложили, что старший сын погиб в концлагере при попытке совершить побег, а его поведение было в высшей степени патриотичным: Яков отказался не только сотрудничать с фашистами, но и просто разговаривать с ними.

На одном из допросов Яков Джугашвили заявил, что жалеет только об одном – что не успел покончить с собой, попав в окружение.

Генерал Власик писал о судьбе Якова: «Немцы продержали его в плену в лагере до конца войны, в лагере и убили его, якобы при попытке к бегству. По словам бывшего французского премьер-министра Эррио, который находился с ним в этом лагере, Яков вел себя исключительно достойно и мужественно. После окончания войны Эррио писал об этом Сталину».

После окончания войны возникла идея сделать из Якова киногероя. Режиссер Михаил Чиаурели в свою картину «Падение Берлина» хотел вставить эпизод, в котором бы действовал Яков Джугашвили.

Об этом вспоминал секретарь Абхазского обкома партии Акакий Мгеладзе: «Во время одной из встреч Михаил Эдишерович (Чиаурели. – *И.О.*) рассказал мне, как, работая над сценарием, а затем снимая кино – эпопею «Падение Берлина», согласовывал эпизод, который сценарист и режиссер считали нужным показать в картине. Эпизод был посвящен тому, как Яша Джугашвили попал в плен, как он себя мужественно вел в немецко-фашистском застенке, как героически погиб, не посрамив своего отца. Сталин категорически запретил снимать этот эпизод».

«Отец не согласился, – пишет в своей книге Светлана Аллилуева. – Я думаю, он был прав. Чиаурели сделал бы из Яши такую же фальшивую куклу, как из всех остальных. Ему нужен был этот «сюжет» лишь для возвеличения отца, которым он так упоенно занимался в своем «искусстве». Слава Богу, Яша не попал на экран в таком виде».

Поделиться своими воспоминаниями о старшем сыне вождя и сын Лаврентия Берии Серго: «Я не знаю, носило ли поведение Сталина, отказавшегося спасти сына и его семью, показной характер или нет, но факт остается фактом. Сталин поступил так, а не иначе. Знаю от Светланы, что, когда ему доложили о пленении сына, он очень тяжело это переживал. Заметили это и окружающие. Светлана рассказывала, что он стал забирать ее по ночам к себе и часами вспоминал о детстве Якова. Он даже внешне изменился в те, безусловно, тяжелые для него дни.

Яша был цельный человек, который никогда ни перед кем не двурушничал. Таким я его запомнил. Внешне был очень сдержанный и медлительный. Противоположность Василию. Возможно, это от матери перешло. В Грузии, в горах, живут рачинцы. Считается, что мужчины там – рыцари, но несколько медлительны. Когда Яша медлил с какими-то решениями, Сталин иногда шутя называл его рачинцем».

Когда я оказался в гостях у бывшей жены Серго Берии, внучки писателя Максима Горького Марфы Пешковой, она призналась мне, что Яков Джугашвили был ее первой детской влюбленностью.

«Я была совсем девчонкой, когда попала на дачу к Светлане (Аллилуевой. – *И.О.*). На выходные в Зубалово приезжал Яков с женой. Когда мы вместе оказывались за столом, я не могла оторвать от него взгляд. Он был очень красивым молодым человеком. И чувствовалось, что и очень достойным».

В 1977 году, накануне своего 70-летия, Яков Джугашвили был посмертно награжден орденом Отечественной войны первой степени.

Что же касается судьбы того самого фельдмаршала, на которого Сталин отказался обменять сына, то она сложилась довольно благополучно. Конечно же, применительно к плененному офицеру вражеской армии.

Находясь в лагере, Паулюс имел повара, адъютанта. В фашистской Германии за фельдмаршала ответила его семья: сын был арестован, а дочь и сноха отправлены в концлагерь Дахау.

В 1953 году Паулюс получил разрешение вернуться в Германию, правда, в Восточную, которую контролировала советская сторона. Читал лекции, выступал на конференциях.

Его последний день наступил в находящемся под охраной особняке в элитарном районе Дрездена, в 1957 году.

Как сложились судьбы других действующих лиц этой истории?

Брат Екатерины Сванидзе Александр, тот самый, благодаря которому и состоялась встреча Иосифа с первой женой, стал пламенным большевиком.

Был министром финансов Советской Грузии, несколько лет проработал в Женеве, вернувшись, возглавил Внешторгбанк в Москве. Он и его жена Мария были одними из самых

доверенных людей в доме Сталина. Это произошло во многом благодаря Надежде Аллилуевой, которая заботилась о родственниках первой жены Иосифа.

Светлана Аллилуева вспоминала: «К дяде Алеше я бросалась всегда на шею и не слезала с его колен. Я говорю лишь о том, что знаю или видела сама. Я видела и помню, что отец любил их обоих, особенно дядю Алешу, и они бывали у нас как близкие люди. Были ли у них разногласия политического характера?

...Возможно, что да. В те времена люди позволяли себе иметь собственное мнение и имели его по всем вопросам, не уклоняясь от жизни, не пряча голову в кусты от сложных проблем. Но я не знаю ничего об этом, у меня нет свидетельств.

Я знаю, что все они были не только родственниками, но и близкими людьми, и что их слова, их мнения, их информация о реальной жизни (от которой отец уже в те годы был отдален) имели для отца огромное значение. И, без сомнения, тогда он доверял им, как людям близким, и, безусловно, тогда ему не приходило в голову, что все они являются тайными «врагами народа» и его личными противниками (что стало для него позже, к сожалению, равнозначным...).

О близких отношениях Сталина с братом первой жены говорил и Никита Хрущев:

«Наиболее, на мой взгляд, близкий человек к Сталину был тихий и спокойный грузинский интеллигент Алеша Сванидзе, брат жены Сталина, грузинки, которая давным-давно умерла.

Алеша часто бывал у Сталина, я его не раз там видел. Было заметно, что Сталину очень приятно вести беседы с Алешей. Чаще всего они говорили о Грузии, ее истории, ее культуре.

Не помню, какое образование имел Сванидзе, но человек он был культурный, начитанный, был другом детей Сталина. Дядя Алеша, как его звали, часто ночевал у Сталина».

И вот этого самого «начитанного и близкого» Алешу Сванидзе и его жену в 1937 году арестовали. Пять лет Сванидзе провел в лагере. А в феврале 1942 года был расстрелян. Ему было 60 лет.

Рассказывали, что перед расстрелом сотрудники лубянского ведомства предложили Сванидзе признать себя вредителем, в обмен обещая сохранение жизни. Мужчина лишь отрицательно покачал головой. Когда о таком поведении Сванидзе доложили Сталину, тот хмыкнул: «Надо же, какой гордый!»

Его жена, Мария Сванидзе, в это время находилась в лагере в Казахстане. Когда ей сообщили о расстреле мужа, она умерла на месте. От разрыва сердца.

Все связи с прошлым были разорваны. Фамилию Сванидзе в доме Сталина никто не решался даже упоминать.

Имя Екатерины стало звучать из уст Сталина лишь в последние годы жизни, когда он полюбил вспоминать о юности, Грузии и своей первой любви.

В 1951 году Сталин пригласил на свою дачу в Новом Афоне секретаря Абхазского обкома партии Акакия Мгеладзе. На дорогу выделил ему ровно 17 минут и был удивлен, когда водитель сумел добраться всего за пятнадцать.

«Он посмотрел на свои часы, улыбнулся и сказал, что мы приехали на две минуты раньше. «Хотя шофер рачинец», – добавил он. Видимо, в шутку он хотел подчеркнуть, что рачинцы медлительны. Он их знал хорошо, ведь первая жена была рачинкой».

Через год, оказавшийся в его жизни последним, Сталин вновь вернулся к разговору о Екатерине и их сыне. Беседа состоялась там же, на новоафонской даче вождя.

Собеседником был Акакий Мгеладзе, который в этот вечер выполнял, скорее, роль конфиденанта и потом подробно записал состоявшийся разговор. Во время которого Сталин неожиданно обратился к нему на «ты».

«– Ты видел когда-нибудь Яшу?

– Нет, товарищ Сталин.

– Вот он, посмотри. – Иосиф Виссарионович протянул мне фотокарточку. – Настоящий мужчина? – спросил он меня по-грузински.

– Дიაх, амханаго Сталин, – ответил я. («Да, товарищ Сталин».) И отважился спросить: – Ходят слухи, что Гитлер предлагал вам обменять Якова на фельдмаршала Паулюса. Это не выдумка?

– Нет, не выдумка.

Иосиф Виссарионович взял у меня из рук фотографию сына, долго смотрел на нее, вздохнул:

– Очень жаль Яшу. – И продолжил тихо, будто разговаривая с самим собой: – Было много предложений обменять его, но я все отверг, и Яшина жизнь закончилась трагически. Но до конца он был молодцом. Ты ведь знаешь, что его мать рачинка? – спросил Сталин (опять по-грузински: «Дэдамиси рачвели кали их, хом ици?»).

– Слышал, товарищ Сталин («Гамигония, амханаго Сталин»), – ответил я.

Иосиф Виссарионович долго молчал. Я больше его ни о чем не спрашивал».

Екатерина Сванидзе похоронена на Кукийском кладбище Тбилиси. Сегодня это один из самых старых погостов грузинской столицы. С могильной плиты смотрит овальная фотография, на которой изображена первая любовь Сосо Джугашвили.

Глава 3. Роковой выстрел

(Оболенский И.В. Мемуары матери Сталина. 13 женщин Джугашвили)

В 1916 году Сталин женился второй раз.

О Надежде Аллилуевой написано немало, а потому я остановлюсь лишь на нескольких этапах жизни этой неординарной женщины.

В 1916 году в детском альбоме своей подруги Ирины Гогуа 15-летняя Надежда написала: «Писать плохих стихов я не хочу, хороших я не знаю, а потому, не тратя слов, счастливой быть желаю».

Такое вот незатейливое стихотворение скромной девушки.

Надежда Аллилуева

Всю ее недолгую жизнь, а она прожила 31 год, об исключительном положении Надежды Аллилуевой знали лишь члены семьи и друзья.

Даже сокурсники по Промакадемии, в которой Аллилуева училась на инженера-текстильщика, не догадывались, чья она жена.

Лучшим другом родителей Надежды был молодой грузин Сосо Джугашвили. В 1903 году он даже спас 2-летнюю Надю, упавшую в воду во время прогулки вдоль бакинской набережной. По легенде, Иосиф спросил девочку, можно ли ее поцеловать. А та ответила: «Много-много-много».

Светлана Аллилуева вспоминала: «Для мамы, впечатлительной и романтичной, такая завязка, наверное, имела огромное значение, когда она встретила с отцом позже, шестнадцатилетней гимназисткой, а он приехал из Сибири, ссыльный революционер 38-ми лет, давний друг семьи».

О том, какой девушкой была Надежда Аллилуева, можно узнать по письмам, которые она отправляла друзьям своих родителей, Алисе Ивановне и Ивану Ивановичу Радченко.

Послание от 1 мая 1916 года:

«Дорогая Алиса Ивановна, простите, что долго не отвечала на письмо. У меня совершенно не было времени. Мне пришлось за десять дней подготовиться к экзаменам, так как летом я лентяйничала. Пришлось мне подогнать новое, в особенности по алгебре и геометрии. Сегодня утром я ходила держать экзамен, но еще не выяснила, выдержала или нет. Все же думаю, что выдержала по всем предметам, кроме русского сочинения, хотя тема и была легкая, но я вообще слаба на этот счет. Прежнюю гимназию пришлось бросить, потому что очень далеко переселились, а теперешняя как раз напротив Николаевского вокзала».

19 октября 1917 года, буквально накануне большевистского переворота, Аллилуева снова пишет Радченко: «У нас теперь такая спешка с занятиями, да у меня еще часа два в день отнимает музыка. Вот я Вам пишу – уже 12-й час, а я еще не выучила французский. И так каждый день, раньше часу не ложусь. Уже все лягут, а я все еще сижу, долблю».

Уезжать из Питера мы никуда не собираемся. С провизией пока что хорошо. Яиц, молока, хлеба, мяса можно достать, хотя дорого. В общем, жить можно, хотя настроение у нас (и вообще у всех) ужасное, временами прямо плачешь: ужасно скучно, никуда не пойдешь. Но на днях с учительницей музыки была в Музыкальной драме и видела «Сорочинскую ярмарку», остались очень довольны. В Питере идут слухи, что 20 октября будет выступление большевиков, но это все, кажется, ерунда.

Ну, пока всего хорошего. Когда опять будет время, напишу Няке, а пока очень благодарю его за его письмо.

Целую крепко, привет вам от всех наших».

Иосиф в это время был занят активной подготовкой к тому самому перевороту, слухам о котором так не верит его Надежда.

Кстати, судьбоносную для страны ночь Сталин провел не в Смольном. Его искали, а он был с Надеждой. Об этом потом напишет Лев Троцкий.

Между ними действительно была любовь. В одной из записок мужу Надежда припишет: «Я целую тебя так же горячо, как ты меня при прощании».

По воспоминаниям родной сестры Надежды Анны Сергеевны Аллилуевой, накануне переворота Сталин часто приходил в их дом. Приносил с собой рыбу, хлеб. Втроем – Иосиф, Надежда и Анна – они пили по ночам чай.

Будущий зять (и палач членов семьи) рассказывал истории о том, как проводил время в сибирских ссылках, обнаруживая при этом большой актерский талант, и читал вслух рассказы Чехова – «Хамелеон» и «Душечку».

Как говорил сам Сталин, это были его любимые рассказы. «Душечку» он декламировал наизусть, обращаясь, видимо к своей будущей жене. Жаль, что Надежда Сергеевна не поняла тогда, что это были уроки грядущей семейной жизни.

Они были совершенно непохожими, даже противоположными людьми. Хотя, может, потому их так и потянуло друг к другу?

Иосифа в Надежде привлекало многое: она была не только дочерью революционеров и друзей, но и очень красивой женщиной.

Светлана Аллилуева вспоминала: «Мама родилась в Баку, и ее детство прошло на Кавказе. Южная ее внешность иногда заставляла тех, кто плохо знает Грузию, принимать ее за грузинку. На самом деле такими бывают болгарки, гречанки, украинки – с правильным овалом лица, черными бровями, чуть вздернутым носом, смуглой кожей, и мягкими карими глазами в черных прямых ресницах.

Правда, у мамы к этому облику было добавлено что-то от цыган – какая-то восточная томность, печальные глаза и длинные суховатые пальцы».

Свадьба Сталина и Аллилуевой состоялась в 1918 году.

«Она вышла замуж, когда ей не было и 17 лет, – вспоминал приемный сын вождя Артем Сергеев. – Говорили, будто Сталин ее в поезде изнасиловал. Чушь! Отец с матерью с ними жили в одном вагоне, и она поехала уже женой Сталина».

Мать Надежды годы спустя скажет дочери: «Дура, что не послушала меня и вышла замуж за этого человека».

Первые годы семейная жизнь была счастливой. Мало того, по мнению английского биографа Сталина Роберта Такера, женитьба на Надежде во многом помогла стремительной карьере Сталина.

«Непохожая на первую жену – простую грузинскую девушку, – Надежда была человеком, впитавшим большевизм с молоком матери, – человеком, для которого общественная деятельность являлась насущной потребностью.

Вступив в партию в 1918 году, она какое-то время работала в Царицыне, одновременно выполняя партийные поручения. Не замкнулась она в домашнем хозяйстве и после вступления в брак, а начала в 1919 году трудиться в личной канцелярии Ленина. В разгар гражданской войны Надежде приходилось проводить в канцелярии долгие часы, иногда до поздней ночи, печатать на машинке, шифровать и расшифровывать телеграммы. Как впоследствии вспоминали сотрудники этой канцелярии, ей доверяли работу самого секретного характера. Позднее она устроилась в редакцию журнала «Революция и культура», публиковавшегося «Правдой», и активно участвовала в деятельности партийной организации издательства. Затем она поступила в Промышленную академию, собираясь стать специалистом по синтетическим волокнам.

Вместе с тем Надежда стала матерью двух детей и показала себя хорошей хозяйкой. Семья жила не по-пролетарски. Сохраняя квартиру в Кремле, Сталин и Надежда в 1919 году получили просторную загородную дачу, недалеко от деревни Усово, в живописной местности

на берегу реки Москвы, примерно в 20 милях от столицы. Дача называлась Зубалово, по имени нефтепромышленника, которому до революции принадлежала.

В 20-е годы дом перестроили, и под наблюдением Сталина это место превратили в процветающую усадьбу с различными надворными постройками, цветниками, плодовым садом, полянкой для индеек и бассейном для уток.

Надежде приходилось во многом полагаться на няnek и домашних воспитателей для сына Василия и дочери Светланы. Но верховенство в Зубалове она сохранила за собой, превратив его в уютное место общения, центр гостеприимства для неиссякаемого потока гостей из числа друзей в высших партийных кругах. Для человека, делавшего карьеру в советской политике (особенно склонного к уединению), выбор жены не мог быть более удачным».

Первые годы Иосиф и Надежда были неразлучны. В 1921 году родился сын Вася.

Тогда же Надежда Сергеевна пишет в Тифлис матери Сталина. В письме она просит прислать в Москву Якова, сына Иосифа от первого брака, который воспитывался у бабушки и, как и та, не говорил по-русски.

Старая женщина ответила, что сын напрасно беспокоится из-за того, что из Якова, мол, ничего не выйдет. «Из Иосифа тоже ничего не вышло. А мог бы стать хорошим священником».

Аллилуева была чистым и скромным человеком. Учась в Промакадемии, на перекладных добиралась до места учебы. Мысль взять в кремлевском гараже машину даже не приходила ей в голову. В одном из писем к Марии Сванидзе, родственнице первой жены Иосифа, Надежда Сергеевна напишет: «Вы даже не представляете себе, как это тяжело – работать только для заработка».

Близкая подруга Надежды Ирина Гогуа рассказывала в интервью Ирине Черваковой: «Надежда Сергеевна Аллилуева сначала работала в секретариате Ленина, а затем... Она ведь кончила Промакадемию. Откуда взялся Хрущев? Когда зашла речь о том, что нужен толковый парень, она сказала, что у них в академии есть толковый парень. И порекомендовала Хрущева. Вот откуда взялся Хрущев. А ее специальностью была вискоза, но вот где она работала, я не помню.

У Надежды были очень правильные и очень красивые черты. Но вот парадокс. То, что она красивая, разглядели, когда она умерла. Она неброская была.

Надя в присутствии Иосифа напоминала факира, который в цирке выступает босиком на битом стекле с улыбкой для публики и со страшным напряжением в глазах. Она никогда не знала, что будет дальше, какой взрыв. Хам он был совершенно законченный. Единственное существо, которое его умиротворяло, – это Светлана. Когда она обхватывала его мягкий сапог, он угомнялся. Васька его раздражал всегда».

Какие письма Надежда писала мужу! Чего стоят такие строки: «Москва выглядит лучше, но местами похожа на женщину, запудривающую свои недостатки, особенно во время дождя, когда краски стекают полосами».

Когда подруга Аллилуевой, жена Вячеслава Молотова, стала рекламировать духи «Красная Москва», Сталин воскликнул: «Так вот почему от вас так приятно пахнет?» Вместо нее ответила Надежда: «Что ты, от нее пахнет "Шанель номер пять"».

Первое время Сталин ценил жену и прислушивался к ее мнению.

В сентябре 1929 года Аллилуева сообщает ему в Сочи, что из партии собираются несправедливо исключить корреспондента газеты «Правда» Ковалева. «И, если сможешь, пришли рублей 50, у меня не осталось ни копейки», – припишет она в конце.

Сталин пришлет ей 120 рублей, а Молотову и Орджоникидзе в ультимативной форме отдаст распоряжение оставить Ковалева в покое.

Со временем все изменится. Надежда Сергеевна чувствовала, что в стране происходит что-то страшное. Она часто ездила к родителям в Ленинград и к сестре в Харьков и видела, какие последствия принимает проводимая мужем политика коллективизации.

Узнав о голоде в Поволжье, испытала настоящий шок. О том, что ей пришлось пережить, когда в книге Дмитриевского она прочла о себе, что является «молчаливой соучастницей преступлений» мужа, можно только догадываться.

Аллилуева, как и прежде, пыталась поговорить со Сталиным. Но тот уже не слушал ее, считая, что все ее рассказы о реальной жизни страны – это неправда и жена просто стала жертвой контрреволюционной пропаганды.

В один из дней он подслушал беседу Аллилуевой с приехавшим к ним на дачу Николаем Бухариным. Разговор шел об ошибках в политическом курсе страны.

По воспоминаниям чудом уцелевшей в лагерях вдовы Бухарина Анны Лариной, муж рассказывал ей, как неожиданно из-за кустов выскочил побелевший от злости Сталин и, вплотную приблизившись к собеседникам, буквально прошипел: «Убью!»

Но Надежда Сергеевна в отличие от других кремлевских жен, пытавшихся подстроиться под настроения супругов, вела себя так, как считала нужным. В этом она кардинально отличалась от первой жены Иосифа.

Сванидзе была тенью Иосифа. Аллилуева же хотела самостоятельности, мечтала, как станет трудиться, а потому прилежно училась на факультете искусственного волокна. Самым ценным для нее предметом обстановки в комнате была чертежная доска.

По словам дочери, она жаждала самостоятельной работы, ее угнетало положение «первой дамы королевства».

Аллилуева осталась, пожалуй, единственным человеком в стране, кто не испытывал ужаса и благоговения перед Сталиным. Для нее он был прежде всего «мой Иосиф».

Во время очередной первомайской демонстрации, шествуя в колонне Промакадемии, Аллилуева говорила, глядя на стоящего на Мавзолее вождя: «Мой-то опять не надел шапку. Простудится».

Но иногда нервы сдавали и у нее. На одном из семейных ужинов, когда маленький Вася начал капризничать за столом и отказываться есть, она не выдержала и закричала: «Как ты смеешь не есть, когда миллионы детей голодают?!»

Взбешенный Сталин встал и вышел из-за стола.

«Жить с тобой невозможно», – скажет он жене. А потом, помолчав, добавит: «Но и без тебя жить невозможно».

Приемный сын Сталина Артем Сергеев описывал Надежду Сергеевну и ее манеру одеваться:

«Очень скромно, очень элегантно: как правило, темно-синий шерстяной жакет, темно-синяя юбка немного ниже колен и белая блузка, черные туфли-лодочки. Никаких украшений, никакой парфюмерии, косметики. На ней эта скромная одежда прекрасно смотрелась. Она мне казалась самой красивой женщиной, какая только есть, и надетое на ней казалось лучшим из всего, что может быть. Она всегда была очень собрана, подобрана, аккуратна.

Она очень четкой в делах была. Для детей был определенный порядок, режим: и в еде, и в поведении, и в работе. Соблюдался четкий распорядок: во сколько нужно встать, когда что делать. Надежда Сергеевна требовала этого и следила за исполнением. Правда, в их доме соблюдать совершенно неукоснительно все не всегда удавалось, потому что если Сталин приходил немного раньше обычного домой, то для детей режим тут же нарушался, и начиналось общение с ним: какие-то вопросы, очень интересные разговоры, и не поучения, а рассказы о чем-то, обогащавшие память, кругозор.

Надежда Сергеевна была внешне немножко строже, казалось, требовала больше четкости. Если надо было что-то делать, то Сталин разъяснял, советовал, как лучше, а от нее следовали четкие и короткие указания. И, может быть, менее приятные в восприятии детей».

Артем Сергеев отмечал также, что у Аллилуевой «были постоянные, очень сильные, совершенно невыносимые головные боли. Она часто держалась за голову и вскрикивала:

«Голова, голова». Она нередко ездила в Германию якобы к работавшему там старшему брату. Но в действительности, чтобы показаться немецким профессорам».

У Аллилуевой были больные нервы, об этом свидетельствуют едва ли не все ее близкие. Иногда даже возникает вопрос – а не это ли стало причиной ее ухода из жизни?

Дочь Надежды тоже наверняка слышала подобные вопросы. А потому пыталась ответить на них в своих мемуарах.

«Из мамы делают теперь то святую, то душевнобольную, то невинно убиенную. А она вовсе не была ни тем, ни другим, ни третьим. Она была просто сама собой. С детских лет сложился ее цельный, стойкий характер».

Но даже этой стойкости не хватило, чтобы выдержать жизнь с Иосифом.

Слова Светланы о последних днях матери: «Лицо ее замкнуто, гордо, печально. К ней страшно подойти близко, неизвестно, заговорит ли она с тобой. И такая тоска в глазах, что я и сейчас не в силах повесить портрет в своей комнате и смотреть на него; такая тоска, что кажется, при первом же взгляде этих глаз должно было быть понятно всем людям, что человек обречен, что человек погибает, что ему надо чем-то помочь».

Мама была очень скрытной и самолюбивой. Она не любила признаваться, что ей плохо. Не любила обсуждать свои личные дела.

Мамина сестра, Анна Сергеевна, говорила, что в последние годы своей жизни маме все чаще приходило в голову – уйти от отца.

Анна Сергеевна всегда говорит, что мама была «великомученицей», что отец был для нее слишком резким, грубым и невнимательным, что это страшно раздражало маму, очень любившую его».

Большим ударом для Надежды Сергеевны стал арест восьми ее однокурсниц по Промакадемии. Она позвонила главе НКВД Генриху Ягоде и потребовала их немедленного освобождения. А тот ответил, что ничего не может сделать, так как арестованных уже нет в живых, они скорострительно скончались в тюрьме от инфекционной болезни.

Аллилуева замкнулась в себе, перестала улыбаться. Анастас Микоян сравнивал ее облик с Мадонной Джорджоне.

Сам Сталин в последние годы своей жизни рассказывал дочери, как они ссорились с Надеждой. Та уже в 1929 году пыталась убедить мужа не пускать в дом Лаврентия Берию, которому не доверяла. Сталин требовал предоставить факты.

А она только кричала: «Я не знаю, какие тебе нужны факты, я же вижу, что он негодяй! Я не сяду с ним за один стол!»

Сталин отвечал: «Ну тогда – убирайся вон! Это мой товарищ, он хороший чекист».

Надежда не раз жаловалась на свою жизнь с Иосифом, говорила, что так больше продолжаться не может и им необходимо развестись.

Она дважды пыталась уйти от Сталина. Причем второй раз вернулась из Ленинграда, где жили ее родители, сама, не дождавшись его уговоров. «Твой приезд будет слишком дорого стоить государству», – скажет она мужу.

И потом долго корила себя за то, что у нее не хватает воли окончательно порвать с Иосифом. А ведь как собиралась – закончить Академию, где она была одной из первых учениц, переехать в Харьков к сестре и, наконец, зажить уже самостоятельно.

Счастлива Надежда была, пожалуй, лишь в первые годы семейной жизни. Потом становилось сложнее и сложнее. Ну а финал был и вовсе трагическим.

Как считала Светлана Аллилуева, мать была искренней революционеркой, свято верящей в то, что предназначение ее поколения – строительство нового, идеального общества.

Надежда была девушкой наивной. И раскаяние в этой наивности стоило ей жизни.

Когда стало ясно, что любимый человек, на которого она уповала едва ли не больше, чем вся многомиллионная Страна Советов, на самом деле не такой уж «несгибаемый революционер» и что его методы не всегда чисты, для нее все рухнуло.

Разочарование оказалось слишком сильным. Оно распространилось не только на мужа, но и на детей, на родных. На всю жизнь.

По воспоминанию Светланы, «последнее время перед смертью мама была необыкновенно грустной, раздражительной. К ней приехала в гости ее гимназическая подруга, они сидели и разговаривали в моей детской комнате (там всегда была «мамина гостиная»), и няня слышала, как мама все повторяла, что «все надоело», «все опостылело», «ничего не радует»; а приятельница ее спрашивала: «Ну а дети, дети?»

«Все, и дети», – повторяла мама».

Семейная жизнь стала невыносимой. Выходов было два: либо развод, либо смерть. Второе оказалось проще, и Аллилуева покончила с собой.

Для Сталина уход жены – роковой, непоправимый – стал ударом. Пусть по-своему, но он любил Надежду. Однажды после какой-то вечеринки в Академии, где она училась, ей стало плохо. Причина была проста – Аллилуева не переносила вина, а во время застолья пришлось выпить. Дома у нее начало сводить руки. И тогда Иосиф, уложив жену в кровать, принялся ласкать ее. Тогда-то Надежда и произнесла фразу, от которой у ее повзрослевшей дочери годы спустя останавливалось сердце: «А ты все-таки немножко любишь меня!»

О том, что стало причиной смерти жены Сталина, любили поговорить всегда. Не обошлось и без версии убийства, причем его исполнителем называли самого вождя.

Ближайшая подруга Аллилуевой Ирина Гогова, наоборот, была уверена, что Надежда покончила с собой.

«Я знаю обстоятельства самоубийства Нади. Дело было, кажется, в ноябрьские праздники. Они все были у Ворошилова. И Надя сидела напротив Иосифа Виссарионовича. Он, как всегда, ломал папиросу, набивал трубку и курил. Потом скатал шарик, стрельнул и попал Наде в глаз. И вот Надя, при ее очень большой выдержанности, что-то резко сказала ему об азиатской шутке. Он вскочил, обхамил ее по первому классу, тут же позвонил по телефону, заказал машину, а позвонил Леле Т. А Леля Т. работала у нас в аппарате, заведовала протокольным отделом.

Говорят, во время гражданской войны, где-то на фронте, у нее были какие-то отношения с Иосифом. Леля была единственным человеком, у которого стояла вертушка. И иногда раздавался звонок, Леля бежала к Авелю (Енукидзе. – *И.О.*) и исчезала.

И Сталин уехал. Надя какое-то время побыла и ушла.

В два часа ночи к Авелю пришел Ворошилов и сказал, что ему очень не понравилось лицо Нади, когда она уходила. Авель говорит: «Пойдем лучше утром, я буду идти на работу, зайду обязательно». Няня детей рассказывала, что Надя пришла, прошла в детскую, разбудила детей, плакала, потом сказала, что идет спать, чтоб до восьми утра ее не будили. Выстрела никто не слышал, а когда пришли, она была мертва.

Вот все дело аппарата Енукидзе – это дело смерти Нади Аллилуевой, потому что первое заключение медицинское о ее смерти было такое, что выстрел произошел из браунинга, впритык приставленного под левую грудь, так, что от этого получился ожог, и смерть была моментальной. Гроб стоял в зале заседаний в здании ГУМа, там, где сейчас демонстрируют моды. Когда я пришла, стояла очередь для прохода туда и каждый спрашивал, что дают. Потом вышел помощник коменданта, а комендантом Кремля был Петерсон, помощником – Озеров, увидел меня, позвал, дал пропуск и сказал: «Тебе просили передать – аппендицит».

...Наша последняя с Надей встреча была за несколько дней до всего в Кремле. Мы с ней встретились, она сказала: «Ой, Ирина, нам привезли электрическую плиту, пойдем посмотрим».

А дело в том, что над Луначарским когда-то потешались, потому что он поселился в Кремле в Потешном дворце. Так вот, в последние годы Иосиф Виссарионович сам жил в Потешном дворце. Когда мы шли по коридору, Надя вдруг схватила меня за руку и толкнула в «подворотню». Я удивилась, а она говорит: «Видишь, Канель идет. У меня был приступ аппендицита, мне велели лежать».

Понимаете, тут произошла поразительная вещь. Первый акт, констатирующий смерть, подписали Канель и Левин, где четко было сказано, что смерть произошла от выстрела браунинга. Енукидзе на нем написал «в архив», но не написал «секретно». Поэтому через час это стало достоянием всего нашего аппарата. И дело Енукидзе – это дело смерти Нади Аллилуевой. Все вопросы в основном вертелись вокруг этого дела.

Говорили тогда, что Сталин хотел, настаивал на том, чтобы было объявлено, от чего она умерла. Но решили этого не делать. Очень интересно, что «Социалистический вестник», издававшийся в Берлине социал-демократами, выпустил траурный номер, где черным по белому было написано, от чего она умерла и как.

Я очень хорошо помню похороны. Похороны были на Новодевичьем, пешая процессия, масса народу. Мне почему-то запомнилось, что, когда процессия двинулась, между Кремлевской стеной и Историческим музеем вприпрыжку бежал Сольц, что-то поправлял, у него сваливались сандалии. Он спешил догнать процессию».

Вячеслав Молотов (не жаловавший жену Сталина и называвший ее «психопаткой») в своих мемуарах описывает, как Сталин плакал на похоронах и упрекал себя, что не смог уберечь Надежду.

О гибели Аллилуевой и ее похоронах остались противоречивые воспоминания. Одни описывали, как Сталин, подойдя к гробу жены и с силой оттолкнув его, произнес по-грузински: «Я не знал, что ты мой враг».

А вот Анна Ларина, вдова Николая Бухарина, вспоминала: «Надежда Сергеевна была человеком скромным и добрым, хрупкой душевной организации и привлекательной внешне. Она всегда страдала от деспотичного и грубого характера Сталина. Совсем недавно, 8 ноября, Н. И. (инициалы Бухарина – Николай Иванович. – *И.О.*) видел ее в Кремле на банкете в честь пятидесятилетия Октябрьской революции. Как рассказывал Н.И., полупьяный Сталин бросал в лицо Надежды Сергеевны окурки и апельсиновые корки. Она, не выдержав такой грубости, поднялась и ушла до окончания банкета. Утром Надежда Сергеевна была обнаружена мертвой. У гроба Надежды Сергеевны был и Н.И. Сталин счел уместным в такой момент подойти к Н.И. и сказать ему, что после банкета он уехал на дачу, а утром ему позвонили и сказали о случившемся. Это противоречит тому, что сообщает Светлана – дочь Надежды Сергеевны и Сталина – в своих воспоминаниях: ей стало известно от жены Молотова через много лет после гибели матери (в газетах было сообщено, что она умерла от перитонита), что Сталин спал в соседней комнате у себя на квартире в Кремле и не слышал выстрела. Не хотел ли он в разговоре с Н.И. отвести от себя подозрение в ее убийстве? Было ли это убийство или самоубийство, мне неизвестно. Н.И. убийства не исключал. Как рассказывал Н.И., первым, кто увидел Надежду Сергеевну мертвой, кроме няни, пришедшей разбудить ее, был Енукидзе, которому няня Светланы решила позвонить, побоявшись сказать об этом первому Сталину. Не это ли послужило причиной того, что А.С. Енукидзе убрали раньше остальных членов ЦК?»

Н.И. рассказывал, что перед закрытием гроба Сталин жестом попросил подождать, не закрывать крышку. Он приподнял голову Надежды Сергеевны из гроба и стал целовать.

«Чего стоят эти поцелуи, – с горечью сказал Н.И., – он погубил ее!»

Собственная версия гибели Аллилуевой была и у ее однокурсника по Промакадемии Никиты Хрущева:

«Уже после смерти Сталина я узнал причину смерти Надежды Сергеевны. На это есть документы. А мы спросили Власика, начальника охраны Сталина: «Какие причины побудили

Надежду Сергеевну к самоубийству?» Вот что он рассказал: «После парада, как всегда, все пошли обедать к Ворошилову. Там они пообедали, выпили, как полагается и что полагается в таких случаях. Надежды Сергеевны там не было.

Все разъехались, уехал и Сталин. Уехал, но домой не приехал. Было уже поздно. Надежда Сергеевна стала проявлять беспокойство – где же Сталин? Начала его искать по телефону. Прежде всего она позвонила на дачу.

Они жили тогда в Зубалове, но не там, где жил последнее время Микоян, а через овраг. На звонок ответил дежурный. Надежда Сергеевна спросила: «Где товарищ Сталин?» – «Товарищ Сталин здесь». – «Кто с ним?»

Тот назвал: «С ним жена Гусева». Утром, когда Сталин приехал, жена уже была мертва. Гусев – это военный, и он тоже присутствовал на обеде у Ворошилова.

Когда Сталин уезжал, он взял жену Гусева с собой. Я Гусеву никогда не видел, но Микоян говорил, что она очень красивая женщина. Когда Власик рассказывал эту историю, он так прокомментировал: «Черт его знает. Дурак неопытный этот дежурный: она спросила, а он так прямо и сказал ей».

Жизнь Надежды Аллилуевой оказалась для современников куда менее привлекательной, чем обстоятельства ее смерти. Родилась, влюбилась, училась и верила – мужу и его идеалам. Таких были миллионы, и это не вызывало большого интереса.

А вот то, что она не стала мириться и поставила точку в казавшейся со стороны блистательной жизни, взволновало. Таких ведь было единицы. А среди живших за Кремлевской стеной, «на всем готовом», как принято судить, и вовсе – одна она.

Тот самый выстрел в Потешном дворце Кремля стал первым, который народная молва официально тут же записала на счет входившего во вкус крови диктатора.

«Если и не сам нажал на курок, то сделал все, чтобы она сама этого захотела», – рассказывала мне соседка младшего сына вождя Вера Прохорова.

«Первые дни после смерти матери, – вспоминает Светлана Аллилуева, – отец был потрясен. Он говорил, что ему самому не хочется жить. Временами на него находили злоба и ярость. Это объясняется письмом, которое мама ему оставила. Его никто не читал».

Сам Сталин напишет матери через два года после смерти Надежды: «После кончины Нади моя личная жизнь тяжела. Ты спрашиваешь, как я живу. А я не живу, я работаю».

После смерти Надежды осталось двое детей – Василий и Светлана. При живом отце они фактически были сиротами, ибо отношение Сталина к сыну и дочери было весьма и весьма далеким от идеального.

Вдова Николая Бухарина Анна Ларина вспоминала: «По рассказам Н.И., грубость и низкая культура Сталина давали себя знать и в семье. В присутствии Н.И. курящий трубку Сталин пускал дым в лицо маленькому сыну Васе и смеялся, когда ребенок плакал, задыхался и кашлял от табачного дыма. Однажды над детской кроваткой Васи Н.И. увидел плакат: «Если ты окажешься трусом, я тебя уничтожу».

В итоге произошло то, что и следовало – судьба Василия и Светланы была разрушена.

Впрочем, сам Сталин вину за то, что у детей не сложились жизни, приписывал именно Надежде. Если бы она не ушла из жизни, был уверен он, все могло бы сложиться иначе.

Осенью 1949 года Сталин прямо сказал об этом в разговоре с Акакием Мгеладзе.

«Дети росли без матери, в этом беда. Няньки, воспитатели, какими бы идеальными они ни были, не смогли заменить им мать. Эх, Надя, Надя, что ты наделала, как ты нужна детям и мне», – вспоминал годы спустя Мгеладзе слова Сталина.

Первого секретаря ЦК компартии Грузии, которого он называл на русский манер «Волковым» («мгели» в переводе с грузинского означает «волк»), Сталин выделял и любил иногда поговорить с ним не только о делах партии.

В конце жизни Акакий Мгеладзе вспоминал о таких беседах:

«Никогда я не видел такого Сталина. В его глазах было столько грусти. Мне показалось, что он на мгновение раскрыл передо мной самый глубокий тайник в своем сердце.

– Светлана неудачно вышла замуж, – продолжал он, будто говорил вслух самому себе, – зять – Морозов – парень хороший, но ведь у Светланы это была не любовь. Просто так, увлечение. А он слабовольный, под башмаком ходил у нее. Светлана делала все, что хотела, а он ей и слова не говорил в противовес. Конечно, этот брак оказался непрочным. Вышла снова замуж. Кто знает, что будет дальше. Юрий Жданов – парень очень хороший, развитой, но он тоже не глава семейства, не может настоять на своем. Не она слушает его, а он ее. Все же хозяином в доме должен быть муж. Мужское влияние в доме – совсем другое дело. Светлана и пуговицы к платью не пришьет: няньки не научили. А была бы мать, она воспитала бы в ней трудолюбие».

Хотя как знать, какими выросли бы дети у такой матери, какой была Надежда Аллилуева. Методы воспитания у нее были довольно своеобразными. Об этом, со слов матери, рассказывала дочь Светланы Аллилуевой Ольга. В Америке она живет под именем Крис Эванс.

«У бабушки был очень бурный и ужасно эгоистичный характер. Ее родители признавали, что у нее было помутнение рассудка. Так, например, она ни разу не поцеловала мою маму, потому что считала, что у большевиков может быть только одна семья – партия. Кроме того, она была большой аристократкой и повторяла, что люди не должны показывать своих чувств. Она нарисовала квадрат на сердце ее дочери, чтобы показать, что та должна похоронить все свои секреты.

Маме было шесть лет, когда Надя умерла, по официальной версии от аппендицита. На похоронах Сталин плакал как ребенок и был убежден, что всему виной было предательство.

Только в 20 лет (на самом деле значительно раньше – *И.О.*) из английского журнала маме удалось узнать, что на самом деле Надежда застрелилась. Ее бабушка подтвердила опубликованную в журнале информацию, и ее мир рассыпался на части».

Сам Сталин свое время посвящал заботам о стране. Ему было 70 лет, когда он неожиданно позволил себе откровения на эту тему.

«Я всегда был перегружен, – говорил он Акакию Мгеладзе. – Вон у нас какая великая страна. И врагов у нее много. Вот и приходится работать дни и ночи. А на детей не остается времени. Иногда их месяцами не видишь. В общем, не повезло моим детям. Екатерина...»

Но о первой жене Сталин не договорил. Он «вдруг оборвал себя, и лицо его снова стало таким, каким оно бывало обычно: спокойным, сосредоточенным. Он знал, что я умею хранить секреты, и все-таки счел нужным предупредить:

– Товарищ Волков, обо всем, что было сказано, – прошу никому ни слова.

– Разумеется, товарищ Сталин.

– На предстоящем съезде партии я попрошу освободить меня хотя бы от одной из занимаемых должностей и займусь внуками. Особенно Евгением, внуком Яши».

Родители Надежды Аллилуевой прожили долгую жизнь. После гибели дочери они оставались на той же даче в Зубалово. Мать, Ольга Федоровна, занималась внуками – по выходным на дачу приезжали Светлана с подругой, Василий с друзьями. Во время семейных обедов мать Аллилуевой любила вспоминать о своих романах, которых, если ей верить, было какое-то невероятное количество.

По воспоминаниям школьной подруги Светланы Аллилуевой Марфы Пешковой, Светлана все время просила: «Ну, бабушка, рассказывай, кто у тебя следующий был».

– Ольга Федоровна была большой фантазеркой и с удовольствием рассказывала о своих поклонниках. То у нее был полковник, который играл ей на гитаре и так объяснялся в любви. Потом еще был кто-то. Получалось, у нее были ухажеры всех национальностей, которые предлагали ей руку и сердце.

Сергей Аллилуев сидел тут же за столом и все это слушал. У него было место в самом конце стола. Стоял станок деревообрабатывающий, и он все время что-то делал. Например, для Пасхи яички делал. Они отмечали этот праздник.

К воспоминаниям жены о ее многочисленных кавалерах разных национальностей он относился безо всякого интереса».

По свидетельствам приемного сына Сталина Артема Сергеева, Сталин поддерживал близкие отношения с тестем.

«Сталин навещал его. Смерть Надежды Сергеевны их еще больше сблизил. Мы с Сергеем Яковлевичем переписывались. Последнее письмо пришло от него весной 1945 года».

Судьба остальных детей Аллилуевых – родных братьев и сестры Надежды Сергеевны – тоже сложилась трагично. Вообще все, попадавшие в ближний круг вождя, напоминали мотыльков, залетевших на яркое пламя.

Брат Аллилуевой Павел, или Павлуша, как его называли домашние, был офицером, служил в Бронетанковой академии. В 1938 году он отправился в отпуск в Сочи. Когда вернулся в столицу и пришел в академию, то обнаружил, что большинство его коллег арестованы. По воспоминаниям Светланы Аллилуевой, дяде стало плохо с сердцем прямо в кабинете. Через несколько мгновений он скончался.

Пройдет ровно десять лет, и вдова Павла Аллилуева, Евгения Александровна, будет обвинена в отравлении мужа и на десять лет отправлена в лагерь.

Такой же срок получила и родная сестра Надежды, Анна Сергеевна. Ее мужа, Станислава Реденса, одного из руководителей НКВД, к тому времени уже расстреляли.

Арест Анны Сергеевны стал шоком для членов семьи. По словам племянницы, Аллилуева была воплощением доброты, «того идеального последовательного христианства, которое прощает всех и вся».

На свободу обе женщины – Евгения Александровна и Анна Сергеевна – вышли лишь в 1954 году. Хотелось бы увидеть их реакцию на сообщение от 5 марта 1953 года, когда миллионы советских граждан заходились в рыданиях из-за смерти отца всех народов.

Анна Сергеевна вернулась человеком глубоко больным. Как считала Светлана, «сказалась дурная наследственность со стороны бабушкиных сестер: склонность к шизофрении».

Анна Аллилуева часто бывала в гостях у многочисленных друзей. При этом с каждым разом выглядела все более и более странно. Женщина очень любила конфеты и практически не расставалась с коробкой со сладостями. Золотые веревочки, которыми обматывают упаковку, вешала себе на шею и на руки.

Сидя за столом, Анна Сергеевна могла неожиданно попросить тишины, чтобы указать на пролетающего в это мгновение ангела. И всюду видела слежку. Даже соседскую собаку родная сестра Надежды Аллилуевой подозревала в том, что та ее подслушивает.

Не обошел семейный недуг стороной и брата Надежды Аллилуевой – Федора.

Если бы не события 1917 года, из молодого человека вполне мог выйти талантливый ученый – Федор Сергеевич обладал выдающимися способностями к точным наукам.

Во время гражданской войны юноша не мог остаться в стороне и поступил в разведку к знаменитому революционеру Камо, дружившему с семьей Аллилуевых еще по Тифлису.

По воспоминаниям Светланы Аллилуевой, в один из дней Камо решил устроить для Федора испытание. Для этого «инсценировал налет: все разгромлено, все захвачены, связаны, на полу – окровавленный труп командира. Вот лежит тут же его сердце – кровавый комок на полу.

Что будет делать теперь боец, захваченный в плен, как поведет себя? Федя не выдержал «испытания». Он сошел с ума тут же, при виде этой сцены».

На Новодевичьем кладбище захоронения Аллилуевых занимают целый участок.

На могиле Надежды Сергеевны установлен памятник работы И. Шадра. Из множества предложенных вариантов Сталин остановил выбор на мраморной композиции – бюсте с извлечением руки, как бы лежащей на плече.

«Надежда Сергеевна Аллилуева-Сталина, член ВКП(б) – от Сталина», – написано на надгробии, у которого всегда лежат цветы.

Глава 4. Светлана Аллилуева

(Оболенский И.В. Мемуары матери Сталина. 13 женщин Джугашвили)

Дочь вождя – одна из самых известных фигур многочисленной литературы о Сталине.

Потому я, может, и вовсе не брался бы за рассказ о ней, если бы не встречи с теми, кто хорошо знал Светлану и именно мне, так получилось, доверил о ней свои воспоминания.

Светлана Аллилуева...

Когда я только приехал в Грузию, то решил заняться изучением грузинского языка. Мне порекомендовали лучшего педагога, Нани Чанишвили. Учитель она действительно, что называется, от Бога.

Вот только языка так и не осилил. В том числе и потому, что заслушивался увлекательными историями своего педагога, которая, как оказалось, в свое время преподавала грузинский самой Светлане Аллилуевой.

С записей тех рассказов, сделанных в 2008 году, пожалуй, и началась работа над этой книгой.

В один из вечеров 1985 года мой педагог оказалась в гостях у друзей. Там ее и застал звонок из Центрального Комитета партии. Звонили чуть ли не из кабинета самого Первого секретаря Эдуарда Шеварднадзе.

Через несколько дней Нани предстояло первое занятие с новой ученицей – Светланой Иосифовной Аллилуевой, неожиданно избравшей местом жительства Тбилиси.

Светлана была старше Нани, но между двумя женщинами очень быстро завязались дружеские отношения. Аллилуева о многом рассказывала своему педагогу, в том числе и о своем детстве.

Как-то Светлана вдруг принялась вспоминать о том, как училась в школе. Однажды молодая учительница, которая только поступила на работу и была не в курсе, кто отец Светланы, потребовала пригласить его в школу. Светлана честно передала отцу приглашение, на что Сталин ответил, что слишком занят. Девочка пересказала ответ родителя в школе, но учительница продолжала настаивать. В итоге она вместе со Светланой отправилась в учительскую и заставила ее позвонить отцу. Неожиданно Сталин попросил дочь дать трубку педагогу и сказал: «Извините, но я действительно очень занят. Работа занимает все время».

Но женщина не сдавалась: «Что это за работа такая, если не дает возможности найти хотя бы полчаса на визит в школу ребенка?!»

«Если так срочно, может быть, вы сами сможете приехать ко мне на работу? Я пришлю машину».

В итоге уже через несколько минут лимузин вез Светлану и педагога в сторону Кремля. Учительница потом призналась Светлане, что даже когда они въехали на территорию Кремля, она не догадалась, кто отец ее ученицы. Она решила, что девочка – дочь какого-нибудь ответственного работника ЦК. Лишь когда ее провели в кабинет вождя, она поняла, какую Светлану ей выпало учить.

Сталин был очень вежлив. «Видите, у меня действительно очень много работы. Ну что там моя Светлана?»

Конечно же, учительница сказала, что все в порядке и она просто хотела познакомиться с родителями девочки. «Я один воспитываю дочь, – сказал Сталин. – Так что очень надеюсь на вашу помощь».

«Светлана рассказывала мне эту историю и смеялась. Но не всегда она пребывала в хорошем расположении духа. Как-то призналась, что устала от депрессии. И попросила отвести ее к Католикос-Патриарху.

Помню, до собора Сиони мы добирались на троллейбусе, и я ловила себя на мысли, догадываются ли остальные пассажиры, что за женщина в платочке стоит сейчас среди них.

Католикос-Патриарх согласился принять Светлану, и потом она несколько раз бывала у Святейшего.

Когда Светлана покинула Грузию и снова оказалась за границей, о своих впечатлениях о пребывании в СССР она написала книгу. В ней не упомянута моя фамилия, и кто-то из друзей даже спросил, не обидно ли мне. А я поняла, что таким образом Светлана просто оберегала меня от возможных неприятностей. Ведь наши разговоры с ней были очень откровенны и для восьмидесятых годов вряд ли остались бы безнаказанными.

Когда мне довелось встретиться с Католикос-Патриархом Всея Грузии, я не мог не спросить его о Светлане Аллилуевой. Святейший с улыбкой откликнулся на мою просьбу.

«Она приходила ко мне, исповедовалась. Как-то призналась, что в Сиони на нее слишком пристально смотрят прихожане. Я спросил, как она на это реагирует. «А я им показываю язык», – ответила Светлана. Каждый раз, когда она приходила в Патриархию, я громко включал звук телевизора, чтобы, если нас кто-то записывал, ничего не было. А Светлану это обижало. Она не понимала, почему я так делаю, и с обидой спрашивала: «Вы меня слушаете или телевизор?» Я успокаивал ее: «Вас, конечно». Потом она написала мне несколько писем, я их храню».

Спустя несколько лет после того, как мной были сделаны приведенные выше записи, я познакомился с ближайшей подругой Светланы Марфой Пешковой.

Внучка Максима Горького поведала мне настолько уникальные истории о своей дружбе со Светланой, что именно ее воспоминания я решил сделать основными в повествовании, посвященном одной из главных женщин Сталина.

«До 1956 года мы жили в особняке на Малой Никитской. Мне всегда из-за этого было неудобно перед другими, стеснялась кого-то пригласить домой.

Я и не приглашала. Бывала только Светлана Сталина. До поступления в университет она носила фамилию отца.

Мы дружили очень близко, так что либо у нее бывала, либо она к нам приходила.

У нас всегда масса народу была. И ей это нравилось – она наконец-то видела людей. А так ведь она была практически изолирована, когда ее матери не стало.

Вообще Сталин привез Светлану к нам в Горки-10 сам. Тогда еще дедушка был жив. Наверное, это был 1934 год.

Он хотел, чтобы Светлана дружила именно со мной и с Дарьей, моей сестрой. А потом меня отвезли к ней.

Получается, наша дружба была срежиссирована. Но получилась. И на всю жизнь.

Потом уже Светлана не могла пережить, что я вышла замуж за Серго Берию, сына Лаврентия Павловича. Она была влюблена в него со школы, если еще не раньше. Потому что первый раз она с ним встретилась еще девочкой в Гаграх. Их познакомила Нина Теймуразовна, мать Серго. И я первый раз тоже увидела его у Светланы в Сочи. Мы с ней проводили там много времени.

Есть даже письмо Светланы отцу, в котором она пишет: «Ты еще не приезжай, потому что бассейн не готов». А в конце приписывает: «Марфа сидит на дереве и шлет тебе привет».

Переписка вождя и дочери, безусловно, заслуживает внимания. Потому что является едва ли не единственным документальным свидетельством, которое не подверглось редактированию и цензуре. В своих письмах к Светлане Сталин становился тем самым «папочкой», для которого она была «хозяйкой».

«Здравствуй, моя воробушка! Не обижайся на меня, что не сразу ответил. Я был очень занят. Я жив, здоров, чувствую себя хорошо.

Целую мою воробушку крепко-накрепко».

«Милая Сетанка! Получил твое письмо от 25/IX. Спасибо тебе, что папочку не забываешь. Я живу неплохо, здоров, но скучаю без тебя. Гранаты и персики получила? Пришлю еще, если прикажешь. Скажи Васе, чтобы он тоже писал мне письма. Ну, до свидания.

Целую крепко. Твой папочка».

«За письмо спасибо, моя Сетаночка. Посылаю персики, пятьдесят штук тебе, пятьдесят – Васе. Если еще нужно тебе персиков и других фруктов, напиши, пришлю. Целую» (8 сентября 1934 г.).

«Хозяюшка! Получил твое письмо и открытку. Это хорошо, что папку не забываешь. Посылаю тебе немножко гранатовых яблок. Через несколько дней пошлю мандарины. Ешь, веселись. Васе ничего не посылаю, так как он стал плохо учиться. Погода здесь хорошая. Скучновато только, так как хозяйки нет со мной. Ну, всего хорошего, моя хозяйюшка. Целую тебя крепко» (8 октября 1935 г.).

«Сетанка и Вася! Посылаю вам сласти, присланные на днях мамой из Тифлиса, вашей бабушкой. Делите их пополам, да без драчки. Угощайте кого вздумаете» (18 апреля 1935 г.).

«Здравствуй, хозяйюшка! Посылаю тебе гранаты, мандарины и засахаренные фрукты. Ешь – веселись, моя хозяйюшка! Васе ничего не посылаю, так как он все еще плохо учится и кормит меня обещаниями. Объясни ему, что я не верю в словесные обещания и поверю Васе только тогда, когда он на деле начнет учиться хотя бы на «хорошо». Докладываю тебе, товарищ хозяйка, что был я в Тифлисе на один день, побывал у мамы и передал ей от тебя и Васи поклон. Она более или менее здорова и крепко целует вас обоих. Ну, пока все. Целую. Скоро увидимся» (18 октября 1935 г.).

«Здравствуй, моя хозяйюшка! Письмо получил. Спасибо! Я здоров, живу хорошо, Вася хворал ангиной, но теперь здоров. Поеду ли на юг? Я бы поехал, но без твоего приказа не смею трогаться с места. Бываю часто в Липках. Здесь жарко. Как у тебя в Крыму? Целую мою воробушку».

«Здравствуй, моя воробушка! Письмо получил, за рыбу спасибо. Только прошу тебя, хозяйюшка, больше не посылать мне рыбы. Если тебе так нравится в Крыму, можешь остаться в Мухлатке все лето. Целую тебя крепко. Твой папочка» (7 июля 1938 г.).

«Моей хозяйке-Сетанке – привет! Все твои письма получил. Спасибо за письма! Не отвечал на письма потому, что был очень занят. Как проводишь время, как твой английский, хорошо ли себя чувствуешь? Я здоров и весел, как всегда. Скучновато без тебя, но что поделаешь, – терплю. Целую мою хозяйюшку» (22 июля 1939 г.).

«Здравствуй, моя хозяйюшка! Оба твои письма получил. Хорошо, что не забываешь папочку. Сразу ответить не мог: занят.

Ты, оказывается, побывала на Рице и при этом не одна, а с кавалером. Что же, это не дурно. Рица – место хорошее, особенно ежели с кавалером, моя воробушка. Когда думаешь вернуться в Москву? Не пора ли? Думаю, что пора. Приезжай в Москву к числу 25 августа или даже к 20-му. Как ты об этом думаешь – напиши-ка. Я не собираюсь в этом году на юг. Занят, не смогу отлучиться. Мое здоровье? Я здоров, весел. Скучаю чуточку без тебя, но ты ведь скоро приедешь. Целую тебя, моя воробушка, крепко-накрепко» (8 августа 1939 г.).

Подобная идиллия трогательных отношений между отцом и дочерью продолжалась всего несколько лет. Впереди были сражения – с фашистами за страну и с кавалерами за сердце дочери. И если первую войну Сталин выиграл, то во второй победителей быть не могло.

Но все разочарования были впереди. А пока «Сетанка» отвечала отцу забавными приказами.

«Отец подписывался во всех письмах ко мне одинаково: «Секретаришка Сетанки-хозяйки бедняк И. Сталин».

Надо объяснить, что это была игра, выдуманная отцом. Он именовал меня «хозяйкой», а себя самого и всех своих товарищей, бывавших у нас дома почти ежедневно, – моими «секре-

тарями» или «секретаришками». Не знаю, развлекала ли эта игра остальных, но отец развлекался ею вплоть до самой войны.

В тон его юмору я писала ему «приказы» наподобие следующих (форма их тоже была выдумана отцом):

«21 октября 1934 г. Тов. И.В. Сталину, секретарю № 1. Приказ № 4: Приказываю тебе взять меня с собой. Подпись: Сетанка-хозяйка. Печать. Подпись секретаря № 1: Покоряюсь. И. Сталин».

Очевидно, дело касалось того, что меня не брали в кино или в театр, а я просила.

Или: «Приказываю тебе позволить мне поехать завтра в Зубалово» – 10 мая 1934 года.

Или: «Приказываю тебе повести меня с собой в театр» – 15 апреля 1934 года.

Или: «Приказываю тебе позволить мне пойти в кино, а ты закажи фильм «Чапаев» и какую-нибудь американскую комедию» – 28 октября 1934 года.

Отец подписывался под «приказом»: «Слушаюсь», «Покоряюсь», «Согласен» или «Будет исполнено».

И так как отец все требовал новых «приказов», а мне это уже надоело, то однажды я написала так: «Приказываю тебе позволить мне писать приказ один раз в шестидневку» – 26 февраля 1937 года.

Став чуть постарше, я несколько разнообразила эти требования: «Папа! Ввиду того, что сейчас уже мороз, приказываю носить шубу. Сетанка-хозяйка» – 15 декабря 1938 года.

Потом, не дождавшись позднего прихода отца домой, я оставляла ему на столе возле прибора послание: «Дорогой мой папочка! Я опять прибегаю к старому, испытанному способу, пишу тебе послание, а то тебя не дождешься. Можете обедать, пить (не очень), беседовать. Ваш поздний приход, товарищ секретарь, заставляет меня сделать Вам выговор. В заключение целую папочку крепко-крепко и выражаю желание, чтобы он приходил пораньше.

Сетанка-хозяйка».

На этом послании от 11 октября 1940 года отец начертил: «Моей воробушке. Читал с удовольствием. Папочка».

И наконец, последнее подобное шуточное послание – в мае 1941 года, на пороге войны: «Мой дорогой секретаришка, спешу Вас уведомить, что Ваша хозяйка написала сочинение на «отлично»! Таким образом, первое испытание сдано, завтра сдаю второе. Кушайте и пейте на здоровье. Целую крепко папочку 1000 раз. Секретарям привет. Хозяйка». И «резолуция» сверху на этом: «Приветствуем нашу хозяйку! За секретаришек – папка И. Сталин».

Та самая дача в Мухлатке, которую упоминает в своих письмах Сталин, была такой летней резиденцией двух подруг. Марфа Максимовна до сих пор хранит старую фотографию, на которой две девочки в черных сатиновых трусиках и белых маечках сидят возле каменной фигуры грозного льва, возлежащего перед входом в дом. Девочки эти – она и Светлана.

«Мы с ней такие две хулиганочки были, по деревьям лазали. Как-то в Мухлатке проводили вместе лето. И попросили, чтобы нам дали винтовку. И стреляли в цель, очень даже неплохо, между прочим. Так и научились стрелять.

Помню, мы купались с ней в бассейне, когда приехали Нина Теймуразовна (жена Берии. – И.О.) и Серго. Светлана вышла к ним и тут же куда-то увела Серго. Я ждала их, ждала. Плавала, плавала. А потом разозлилась, обиделась, вышла из бассейна и попросила одного из охранников вызвать мне машину и уехала к маме на дачу.

На момент моего замужества за Серго Светлана сама была замужем. Она, может, потому и замуж вышла, так как понимала, что Серго уже не женится на ней.

А что она только не делала для того, чтобы это произошло. Во время войны Серго находился в Омске, учился в Академии. Так она просила своего брата Васю предоставить ей самолет и летела в Омск. Бедный Серго потом не знал, что делать с ней. Она шла напролом.

Я как-то ее спросила:

– Светлана, что-то ты редко стала звонить, мы не видимся.

– А ты что, не понимаешь почему?

– Нет, Светлана, не понимаю.

– А то, что ты вместе с Серго. Ты же знала, что я люблю его больше всего на свете.

– Но у тебя ведь уже муж есть и сын родился!

– А не имеет значения, может, я через пять лет разведусь.

Так что она все равно его не оставляла. Мы уже с Серго жили, а она звонила. Если я подходила к телефону, Светлана вешала трубку. А когда отвечал Серго, начинала говорить, что хотела еще раз с ним встретиться. Но он уже сам ее избегал.

Была ли она избалованным человеком? Я бы не сказала. Но характер у нее был своевольный.

Одевалась очень просто. Плакала мне, что когда стала превращаться в девушку, отец резко изменил к ней отношение. Начал ревновать.

Бывало, она придет к нему, он завтракает. Сталин ей: «Что это ты вырядилась? Что за кофта? Переоденься!»

Ну как же так можно было! Сколько раз она плакала из-за папаши своего.

Что я ей говорила в такие моменты? Ничего, выслушивала. Что я могла сказать. У меня была к ней страшная жалость изначально.

Мы с ней ведь как познакомились окончательно? Когда во второй раз за мной прислали машину, я приехала на дачу к Светлане. Нянечка ее меня встретила и привела наверх к Светлане. Она сидела на диване и что-то шила. Сидим, молчим. Две маленькие девочки, не знаем, о чем говорить. Первый вопрос я ей задала:

– Что ты шьешь?

Она ответила:

– Платье для куклы.

– А почему черное?

– Потому что это из маминого платья. Я хочу, чтобы моя кукла в мамином платье ходила.

Потом посмотрела на меня:

– Ты разве не знаешь, что у меня мама умерла!

И стала рыдать. А я сказала:

– А у меня папа умер.

И тоже заплакала. И наши слеза нас сцепили.

Хорошо помню день, когда умер Сталин. Моя сестра плакала. А я – нет. Я жалела Светлану. Мы с Серго были на похоронах. Подходили к Светлане, она с Васей стояла у гроба.

Серго не дружил с сыном Сталина. С Василием дружить – это водку пить. Он был потертый человек, совершенно. Светлана мне говорила: «Ты бы видела Васю, когда его отец вызывал! Его трясло всего! Ноги не шли. Боялся его невероятно».

Светлана рассказывала, что брат был бедовым уже в детстве.

В семье Сталина был еще один ребенок – приемный сын Артем. Он тоже оставил воспоминания о родных детях вождя, вместе с которыми рос:

«Со Светланой не было проблем. Она училась очень хорошо. Была прилежной. Василию же отец порой жестко выговаривал. Конечно, какие-то проступки вызывали более серьезные нарекания. Однажды сидели на даче за обеденным столом, Василий бросил кусочек хлеба в окно. Отец вспылил: «Вася! Что ты делаешь?! Ты знаешь, сколько в этом хлебе труда, пота и даже крови? Хлеб уважать нужно. Не всем хлеба хватает. И мы над этим работаем». Вася ответил: «Папа, я больше не буду, я нечаянно». На что Сталин ответил: «За нечаянно тоже бьют. Хлеб – всему голова. Его надо беречь и уважать».

Вот как-то на дне рождения кого-то, уже без Надежды Сергеевны, сидели за столом родственники Аллилуевы, Вася, Светлана и я. Сталин разливал вино по бокалам, налил поне-

множку вина и нам с Василием, Светлане, ее вино разбавил водой из графинчика. Кто-то из женщин говорит: «Разве можно детям? Это же яд» А Сталин говорит: «Ядом змея убивает, а врач ядом лечит. Дело в том, кто, где и зачем. Хлебом тоже можно подавиться, а молоком упиться». И добавил: «Мораль нам, безусловно, нужна. Но моралистов у нас не любят».

Марфа Максимовна хорошо знала Артема Сергеева, рассказывала о нем – сыне известного большевика Федора Сергеева, известного как товарищ Артем. Тот был ближайшим другом Сталина. После гибели своего товарища и соратника в 1921 году Сталин усыновил его сына, и Артем Сергеев вошел в семью вождя.

Но главной темой воспоминаний Марфы Пешковой была, конечно, Светлана Аллилуева.

«Я Сталина не боялась. Я вообще была небоязлива. Я его ненавидела. Из-за Светланы. И одной фразы, которую он произнес с невероятной злостью, глядя мне прямо в глаза.

Однажды мы сидели обедали, все было спокойно. Он любил подтрунивать надо мной. В тот день спросил, много ли мальчиков вокруг меня крутится. Я тут же в краску, застенчивой девочкой была.

Потом Сталин вдруг откладывает ложку и спрашивает: «Как там ваша старrrrrрруха поживает?» Светлана вполголоса пояснила, что это он о бабушке моей спрашивает. (Речь идет о Екатерине Пешковой, единственной официальной жене Горького, матери его двоих детей – рано скончавшейся дочери и сына Максима. Екатерина Пешкова руководила Советским Красным Крестом и была, фактически, первой правозащитницей в СССР. – *И.О.*) Меня как будто по голове стукнули. Бабушка для меня была святым человеком.

Я не так давно была в Риме и оказалась с приятельницей в церкви. Священник меня пригласил к нему в кабинет. Я поднялась. Он усадил меня и показал карточку: «Это сделала ваша бабушка. Она добилась разрешения на эту карточку».

Оказалось, что на Соловки попал его отец, там был страшный голод. Пароход не мог подвезти продукты в плохую погоду, на острове часто просто не оставалось пищи. Конечно, охрана припасы для себя делала, а вот заключенных не кормили. И бабушка выхлопотала его матери карточку, согласно которой женщина могла посылать раз в месяц посылку с продуктами. Так они выжили. И когда я уже выходила из церкви, этот настоятель мне сказал: «Бабушка ваша была святым человеком».

Очень многих она спасала. За границу как-то отправляла. Она очень была там популярна, еще до революции жила несколько лет в Париже, членом партии эсэров была. Сталин ничего не мог с ней сделать. Ее хорошо знали в мире и потому здесь тронуть побоялись.

Я была подготовлена Светланой, что ее отец суровый человек. Но тут, когда он произнес это раскатистое «рррр». Видела его страшные глаза, пронизательные, как у гипнотизера, желтоватые, тигриные.

Услышать заданный таким уничижительным тоном вопрос о своей любимой бабушке! Я ответила двумя словами: «Хорошо поживает». И больше мы к этой теме не возвращались.

Но забыть этого я Сталину не могла никогда. И сейчас не могу.

Про реальные обстоятельства смерти своей матери, Надежды Сергеевны, Светлана узнала только в Куйбышеве. Кто-то ей подsunул американский журнал, в котором была статья.

Так совпало, что именно в Куйбышеве Светлана начала учить английский. Так как у нас были няни-немки, то первым был немецкий язык.

Мне сама Светлана потом рассказывала, что в этой статье был снимок ее матери в гробу. Сейчас в здании, где проходило прощание с Аллилуевой, находится ГУМ. В этой статье было написано, что Надежда Сергеевна покончила с собой. Я спросила: «Ты веришь?» – «Да!» – ответила Светлана твердо.

До этого ей говорили, что мама умерла от неудачной операции по удалению аппендицита. И она верила в эту версию.

А вот кто ей подкинул журнал – не знаю.

В Куйбышев к Светлане, где она находилась в эвакуации во время войны, меня Вася доставил на самолете, сестра его попросила.

Мы тогда чуть не разбились. Была даже вынужденная посадка.

Команда состояла из трех или четырех человек. Василий по своим делам ездил в Ташкент, где мы с мамой и сестрой находились в эвакуации. И Светлана попросила меня захватить к ней в Куйбышев на каникулы, как раз зимние были.

Был мороз, но в Ташкенте не так холодно. И потому спирт, который выдали летчикам для того, чтобы крылья смазать и на них не появилась ледяная корочка, они выпили. Когда мы летели обратно, то пилот не справился с управлением. До сих пор помню, как крылья стали покрываться льдом и самолет начал постепенно опускаться, не выдерживая высоту.

Но Василий заранее понял, что может произойти, и наметил место для вынужденной посадки. Мы так сели, что пропеллер оказался буквально в метре от дерева. А посередине поля стоял стог сена. И Василий сумел въехать в этот стог сена, и пропеллер остановился. Блестяще все продумал.

Отправил потом парня по просеке – он же сверху видел, где что находится – в направлении населенного пункта. И за нами прислали сани.

Кстати, страшно не было. Мне, наоборот, все было интересно.

Василий хорошо понимал в самолетах, он был и автомобилист хороший. Он не был просто сыном вояки. Дружил только с военными и спортсменами.

Его первая жена, Галина Бурдонская, в ларьке обслуживала летчиков, там он с ней и познакомился. У них родилось двое детей – Александр и Надежда.

Второй женой Васи стала дочь маршала Тимошенко, Екатерина. Она родила ему двоих детей – сына Василия и дочь Светлану. Но судьба у всех оказалась трагичной.

Она в конце жизни жила на Пушкинской площади, в угловом доме. Я ее, кстати, несколько раз встречала в Елисеевском магазине. Однажды она пригласила меня к себе и я была у нее в этой квартире. Помню, она показала шкатулку из малахита, в которой лежали драгоценные камни. Такая была коробочка с ограненными камнями. Из-за нее она даже поссорилась со Светланой. Шкатулку Екатерине подарил на день рождения сам Сталин. Они ведь родились в один день.

Светлана видела эту шкатулку еще у отца и была уверена, что она будет ее. В итоге позвонила Екатерине и предложила: «Давай на что угодно обменяемся, но я хочу получить эту шкатулку». Но Екатерина ответила категорическим отказом, мол, даже разговора об этом быть не может, это подарок твоего отца. Ну и все, на этом закончились их отношения.

За несколько лет до моего прихода к Екатерине у нее погиб сын. Дочь была не совсем здорова. Жила бывшая жена Василия одна. Она уже выпивала, и я, помню, в тот раз долго у нее не задержалась. Видимо, она выпила перед походом в магазин. И когда мы вместе пришли к ней, то алкоголь начал действовать, и она уж с трудом могла разговаривать. Я быстренько откланялась. А потом узнала, что Екатерину нашли мертвой. Причем несколько недель спустя после смерти.

Она долго не отвечала на звонки. Приехали родственники – квартира закрыта. Спросили у соседей, и те ответили, что давно не видели Екатерину. Заметили только, что она скорее всего выехала на дачу, потому что из квартиры вещи какие-то вытаскивали, мебель выносили. А это, оказалось, было ограбление.

Когда вскрыли дверь, то увидели пустую квартиру. Там осталась одна кровать, на которой и лежал уже разложившийся труп.

Потом определили, что Екатерину убили. Может быть, это сотворили люди, которые приходили к ней и вместе выпивали.

Это был ужас. Но, с другой стороны, она сама была виновата. Спилась совершенно.

Такой грустный финал часто бывал у тех, кто попадал в ближний сталинский круг. Мне вот повезло, смогла выскочить. Хотя тоже повидала немало.

В тот раз в Куйбышев к Светлане мама меня не хотела отпускать. Она же знала Васю. Но мы добрались. И я провела каникулы у Светланы. Потом обратно в Ташкент уже с ящиком конфет ехала.

В Куйбышеве Светлана была уже взрослой, в 8-м классе училась. И она мне сказала: «Я не удивляюсь, что мама покончила с собой. Потому что сама от своего папаши слышу резкие слова». Отношения у них были плохие.

Когда она замуж за Мороза выходила радостная, Сталин ее не поддержал. Он был против, но она всегда делала то, что хотела. Потому у них с отцом контакт и оборвался. До этого он ее «хозяйюшкой» называл, такая игра была.

А тут, когда она прибежала к отцу и сказала: «Ты можешь меня поздравить, я влюблена и выхожу замуж», он ей ответил: «Я все знаю!» И громко крикнул: «Ты что, русского не могла найти?!» – и хлопнул дверью.

До этого у нее Каплер был. (Алексей Яковлевич Каплер, известный сценарист, кинорежиссер. – *И.О.*) Но его выслали быстро. Да и увлеклась она им из-за вакуума в общении. Кто был-то рядом с ней? Охранники и домработницы. И я. А так у Светланы и подруг-то других не было.

До меня она дружила с Раей Левиной, в первом классе они подружились. А из мальчиков с ней дружили Флястер, Юра Герчиков.

Алексей Каплер был намного старше ее. Он ей понравился тем, что много интересного рассказывал. Она говорила мне, что ходила с открытым ртом, боясь пропустить хоть слово. А ему, видно, стало любопытно, что она так к нему привязалась.

Светлана говорила: «Это первый человек в моей жизни, с которым мне было очень интересно. То, что он рассказывал, я слышала в первый раз».

Каплер и правда был очень интересный человек, массу всего знал. А познакомилась она с ним на даче у Василия. Тот привез Каплера, еще каких-то киношников, режиссера Кармена с женой. Вася ухаживал в то время за женой Кармена, она очень красивая женщина была.

А Светлане просто сказал, что, мол, у меня будут интересные люди, приезжай. Светлана приехала и там познакомилась с Каплером.

На переменах Светлана рассказывала мне, как после уроков они с Каплером встречались, «были в музее, массу интересного он мне рассказывал, того, чего я бы никогда нигде не услышала про картины, про каких-то людей».

Он был намного ее старше. Конечно же, никогда не был у нее в квартире, она тогда еще жила в Кремле. И она к нему не ходила.

Помню тот день, когда Каплер написал свое знаменитое письмо: «Ты видишь из окна Кремлевскую стену». Она в школу приносила газету, и мы читали под партией. В «Правде» было напечатано.

Каплер ее не любил, думаю. Ему было просто любопытно.

Когда он вернулся из ссылки, то тут же женился на актрисе Валентине Токарской. И со Светланой даже не собирался встречаться. А она, когда узнала, что супруги отдыхают в Коктебеле, сама бросилась туда. Но Токарская ее, как говорится, отшила. Хотя Светлане просто хотелось попасть в их компанию. По крайней мере так она говорила мне.

В свое время биографией Алексея Каплера занимался известный искусствовед и телеведущий Виталий Вульф, чей рассказ о первой серьезной влюбленности Светланы я успел записать.

«Без Каплера было тяжело всем любящим его женщинам. Поэтесса Юлия Друнина прожила 11 лет и добровольно ушла из жизни, включив в запертом гараже ключ зажигания своего авто.

Его звали Лазарь, но по настоянию матери он стал Алексеем.

На момент встречи со Светланой Алексей Каплер был уже автором фильмов «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году». Сценарий ему помогала писать Тася Златогорова, его вторая жена. Он прожил с ней десять лет, это была самая большая любовь его жизни. Тасю арестовали за связь с англичанином. Она умерла в тюрьме.

Знакомство со Светланой состоялось 8 ноября 1942-го на даче Василия Сталина. Светлане тогда было 16 лет. Среди гостей были тогдашние кинозвезды Валентина Серова, Людмила Целиковская.

Так совпало, что в этот день исполнилось десять лет, как не стало Надежды Аллилуевой. Каплер пригласил Светлану на танец, во время которого она ему обо всем рассказала – о том, что сегодня годовщина смерти матери, но никто об этом не помнит, о том, как она чувствует себя одиноко. И ему стало ее жаль.

Об отношениях Светланы с Каплером доложили Сталину. Отец ударил Светлану по лицу и забрал все письма Каплера. В 1943-м тот был арестован и приговорен к пяти годам.

В лагере познакомился с актрисой Валентиной Токарской. Она тоже была осуждена, играла в театре.

После освобождения Каплер приехал в Москву и был арестован в Наро-Фоминске, когда направлялся к отцу в Киев. Был снова осужден и провел на Севере еще 10 лет. Его сын потом говорил, что лагерный страх жил в нем всю жизнь. Освободили Каплера только после смерти Сталина.

Год спустя, на съезде писателей, состоялась их встреча со Светланой. Их бросило друг к другу. Но Каплер ее не подпустил – она уже дважды была замужем, ее сыну исполнилось девять лет. Но Светлана приезжала на дачу к Каплеру, подружилась с его сыном Анатолием. Тот вспоминал, как Светлана перелезала через их дачный забор и приходила даже тогда, когда Каплер не хотел ее видеть. В этом проявлялся настоящий сталинский характер».

Сама Светлана тоже оставила воспоминания о Каплере, о котором была готова говорить, кажется, всегда. Уже не было в живых ни Алексея Яковлевича, ни даже его жен, а Светлана вспоминала о событиях почти полувековой давности так, словно все было только вчера.

«Всего лишь какие-то считанные часы провели мы вместе зимой 1942/43 года, да потом, через одиннадцать лет, такие же считанные часы в 1956 году – вот и все». Мимолетные встречи сорокалетнего человека с «гимназисткой» и недолгое их продолжение потом – стоит ли вообще много говорить и думать об этом? Василий привез Каплера к нам в Зубалово в конце октября 1942 года. Был задуман новый фильм о летчиках, и Василий взялся его консультировать. Он познакомился тогда для этой цели также с Р. Карменом, М. Слущким, К. Симоновым, Б. Войтеховым, но, кажется, дальше шумных застолий дело не двинулось.

В первый момент мы оба, кажется, не произвели друг на друга никакого впечатления. Но потом – нас всех пригласили на просмотры фильмов в Гнезниковском переулке, и тут мы впервые заговорили о кино. Люся Каплер – как все его звали – был очень удивлен, что я что-то вообще понимаю, и доволен, что мне не понравился американский боевик с герлс и чечеткой. Тогда он предложил показать мне «хорошие фильмы» по своему выбору и в следующий раз привез к нам в Зубалово «Королеву Христину» с Гретой Гарбо. Я была совершенно потрясена тогда фильмом, а Люся был очень доволен мной.

...3-го марта утром, когда я собиралась в школу, неожиданно домой приехал отец, что было совершенно необычно. Он прошел своим быстрым шагом прямо в мою комнату, где от одного его взгляда окаменела моя няня, да так и приросла к полу в углу комнаты. Я никогда еще не видела отца таким. Обычно сдержанный и на слова и на эмоции, он задышался от гнева, он едва мог говорить. «Где, где это все? – выговорил он. – Где все эти письма твоего писателя?»

Нельзя передать, с каким презрением выговорил он слово «писатель».

«Мне все известно! Все твои телефонные разговоры – вот они, здесь! – Он похлопал себя рукой по карману. – Ну! Давай сюда! Твой Каплер – английский шпион, он арестован!» Я достала из своего стола все Люсины записи и фотографии с его надписями, которые он привез мне из Сталинграда. Тут были и его записные книжки, и наброски рассказов, и один новый сценарий о Шостаковиче. Тут было и длинное печальное прощальное письмо Люси, которое он дал мне в день рождения – на память о нем.

«А я люблю его!» – сказала наконец я, обретя дар речи.

«Любишь!» – выкрикнул отец с невыразимой злостью к самому этому слову, и я получила две пощечины – впервые в своей жизни. «Подумайте, няня, до чего она дошла! – Он не мог больше сдерживаться. – Идет такая война, а она занята!..» Ион произнес грубые мужицкие слова, других слов он не находил. «Нет, нет, нет, – повторяла моя няня, стоя в углу и отмахиваясь от чего-то страшного пухлой своей рукой, – Нет, нет, нет!» – «Как так – нет?! – не унимался отец, хотя после пощечин он уже выдохся и стал говорить спокойнее. – Как так нет, я все знаю!» И, взглянув на меня, произнес то, что сразило меня наповал: «Ты бы посмотрела на себя – кому ты нужна?! У него кругом бабы, дура!» И ушел к себе в столовую, забрав все, чтобы прочитать своими глазами.

У меня все было сломано в душе. Последние его слова попали в точку. Можно было бы безрезультатно пытаться очернить в моих глазах Люсю – это не имело бы успеха. Но когда мне сказали: «Посмотри на себя», – тут я поняла, что действительно, кому могла быть я нужна? Разве мог Люся всерьез полюбить меня? Зачем я была нужна ему?

Фразу о том, что «твой Каплер – английский шпион», я даже как-то не осознала сразу. И только лишь машинально продолжая собираться в школу, поняла наконец, что произошло с Люсей. Но все это было как во сне.

Как во сне я вернулась из школы. «Зайди в столовую к папе», – сказали мне. Я пошла молча. Отец рвал и бросал в корзину мои письма и фотографии. «Писатель! – бормотал он. – Не умеет толком писать по-русски! Уж не могла себе русского найти!»

То, что Каплер – еврей, раздражало его, кажется, больше всего. Мне было все безразлично. Я молчала, потом пошла к себе. С этого дня мы с отцом стали чужими надолго. Не разговаривали мы несколько месяцев; только летом встретились снова. Но никогда потом не возникало между нами прежних отношений. Я была для него уже не та любимая дочь, что прежде».

И вновь слово Марфе Пешковой, ближайшей подруге Светланы Аллилуевой:

«Светлана не могла смириться, что те, кто ей нравился, не хотели быть с ней. Потом с ней уже и вовсе что-то неладное стало происходить. Как-то она решила пригласить к себе, у нее тогда уже была своя квартира в Доме на набережной, одноклассников. Я тоже там была. И был такой Юра Герчиков. Мы все ушли, а она его попросила, чтобы он помог ей посуду помыть и убрать со стола. Его одного, хотя на встрече и его жена присутствовала. Удивительно, но жена Юры сама сказала мужу: «Оставайся». Ну весело всем было, все смеялись. Она и сказала: «Давай, давай, мой посуду». В таком юмористическом стиле. А потом-то, как оказалось, продолжалось все уже без юмора. Я потом Юру встретила как-то, и он мне рассказал, чем кончился этот вечер. Светлана его чуть ли не раздевать пыталась. Я так и не поняла в итоге, случилось у них что-то или нет. Но Светлана такой была.

Была дамой горячее в этом отношении. Как-то совсем недавно я встретила одного мужчину. Он у меня спросил, я ли подруга Светланы. И услышав утвердительный ответ, продолжил: «Да, любила она мужичков, любила». Я спросила, он-то откуда знает. «Были времена, знал». То ли в охране он служил, то ли еще где. Но как-то нехорошо получилось, некрасиво это прозвучало из уст незнакомца.

Наши с ней отношения прекратились ведь тоже из-за мужчины. В 1947 году я вышла замуж за Серго. Светлана, как я уже говорила, сама была на тот момент замужем. Но своего мужа, как видно, не любила.

По-настоящему влюблена она была, наверное, только в Серго Берию.

При том, что сам Серго никогда не давал ей никаких поводов для таких мыслей. Он просто пуганный был ею! Потому что знал, что она такой человек, очень настойчивый. Если она что-то хочет, то этого добивается.

До замужества Светлана жила в Кремле. Я бывала у нее, вместе уроки делали. Два раза Сталин нас звал на обед. Обычные были обеды, ничего особенного. Для меня это было как-то привычно. Отношения к Сталину, как к живому божеству, у меня не было. Наоборот, у меня было отрицание. Из-за Светланы. Она к отцу относилась так же.

В школе она носила фамилию Сталина. Ее так и к доске вызывали. И двойки ставили, у нас вообще были объективные преподаватели. Потом уже, когда поступала в институт, взяла фамилию матери.

У Светланы я проводила все воскресенья. Часто мы заказывали фильмы. В основном американские. Смотрели с переводчиком. А в кинотеатр с урока сбегали. Как-то убежали, сидим, вдруг в зале включают свет и мы слышим: «Ученики такого-то класса, выйти!» И ползала вышло.

Мы сидели в школе за одной партой. Как-то меня вызвали перед начальством отвечать на вопрос о «Матери» Горького. У меня сразу возникло чувство протеста. Если бы просто меня спросили, ответила. А тут как внучку, покрасоваться перед начальством. И я смолчала. Светлана смотрела на все это и улыбалась. Она ведь тоже из-за подобного отношения и убежала за границу. Терпеть не могла, когда ее воспринимали только как дочь Сталина и только поэтому обращали внимание.

В этом отношении отличалась другая Светлана, дочь Вячеслава Молотова. Ее одевали красиво очень. Она на два года младше нас была. Помню, в 1936 году она встречала детей испанцев. Такая мизансцена была – нас выстроили по бокам широкой лестницы, которая вела на второй этаж. И вели детей, маленьких совсем. Светлана Молотова спускалась им навстречу. И на площадке между пролетами они встретились и пожали ручку друг другу.

Мы со Светланой Сталиной хохотали. Уже тогда понимали, что это смешно.

Я вообще многое поняла в жизни благодаря Светлане. Я же была глупее ее. И то, что я после своих лазаний через забор немного пришла в норму, случилось благодаря Светлане. А она уже тогда все видела, все понимала.

Я стала книжки читать. Светлана сама любила читать очень и меня приучила. Откуда у нее была страсть к чтению? Думаю, из-за того, что ей просто скучно было. Она же совершенно одна была. Брат Вася на четыре года старше был. А Яков и вовсе намного старше.

Мне Яков очень нравился. Это была моя такая внутренняя первая любовь. Решила, что хочу для себя только такого мужа. И Светлане сказала.

Яков был нормальным парнем. Но первая любовь была неудачной, эту девушку выставили из их дома. И он стрелялся. Сталин потом даже издевался над сыном, мол, застрелиться не смог.

Яков красивый был, с таким типичным грузинским лицом. Всегда хорошо выглядел. Был намного старше меня, конечно.

Виделись мы на даче. Когда я постарше стала, ездила туда. Яков с дочерью и женой там бывал на выходные. Дочь его оставалась на даче с нянечкой, а он с женой приезжал на субботу-воскресенье.

За столом вместе обедали. Сталина не бывало, он на ту дачу не ездил, у него своя была.

В Зубалово у каждого было свое занятие. Дедушка Светланы, Сергей Аллилуев, делал на своем станке пасхальные яички, они отмечали этот праздник.

Когда я была совсем маленькой, у нас в Горках наряжали елку. Дедушка устраивал этот праздник, когда в СССР елку еще официально нигде не ставили. Может, поэтому Сталин и разрешил елку, когда узнал, что Горький очень шикарно празднует Новый год. К нам приглашали всех детей – и писательских, и просто соседских. Дедом Морозом был наш сосед, полярник Отто Шмидт. Выходил с большой черной бородой, с мешком подарков. И раздавал их детворе. До этого наши мамы, конечно, решали заранее, что дарить. А нам, чтобы подарок получить, надо было или станцевать, или стишок прочитать.

Я, например, пела «Спи, младенец, мой прекрасный» и держала большую куклу, укачивала ее. Во время войны ее кто-то стащил, когда мы были в Ташкенте. Дедушка слушал меня и плакал.

Светлана тоже была у нас, стих какой-то говорила.

Бывала она у нас и на праздновании Нового года на Малой Никитской. Как-то мы гадали – на подносе жгли бумагу, а потом так ставили свет, чтобы на стене появилась тень от пепла. Светлана тоже сожгла бумагу, и ей кто-то начал говорить. Разумеется, пророчил все хорошее. А когда мы за столом уже сидели, она мне шепнула: «Что он там трепался, когда явно могила с крестом была видна. Сказал бы сразу».

Чего она там увидела? Но я ее не стала расспрашивать. Сама испугалась.

Пытались ли за ней ухаживать? Нет, наоборот. Она была очень одинока.

Я всегда любила красиво одеваться. Когда работала в музее Горького, все наши сотрудники – и из архива, и экскурсоводы – прибегали ко мне. На Никитской угловой магазин тканей был, они там что-то покупали и ко мне – нарисуйте какой-нибудь фасончик. Я бы даже, наверное, могла стать модельером. Я рисовала, и у меня получалось.

Светлана модницей не была. Потому что в ателье (всем кремлевским женам шила мать Аджубея, будущего зятя Хрущева) надо было деньги платить, а у Светланы их не было. Первое платье – я помню – только в десятом классе она сшила. Пошла к папе и попросила денег на платье для выпускного. Он дал. Она в этом ателье заказала. Как сейчас помню, из темно-зеленого материала. Красивое получилось. Она его надевала, когда я на дачу к ней приехала. Целое событие было: «Подожди, я сейчас выйду».

Был ли у нее вкус? Что давали, то и носила. Она особенно не обращала на это внимание.

Когда вышла замуж за Жданова (сына сталинского соратника Юрия Жданова, руководителя Ленинграда во время войны, автора печально знаменитого постановления, фактически уничтожившего Анну Ахматову и Михаила Зощенко. – *И.О.*), у нее шуба появилась норковая. Когда стали появляться возможности, она покупала хорошие вещи.

На свадьбе я у нее не была. Не принято было людей на такие вещи приглашать. Да и после моего замужества за Серго наши пути как-то не пересекались. Но в гостях мы у нее бывали. Она нас и на елку приглашала как-то. Присутствовали только мы с Серго и она со Ждановым. Но был период, когда она на меня даже не смотрела».

Материальная жизнь дочери вождя всегда была предметом особого внимания. Не только сторонних наблюдателей, но и самого Сталина. Светлана Аллилуева вспоминала:

«Последнее время я училась в аспирантуре Академии общественных наук, где была большая стипендия, так что я была сравнительно обеспечена. Но отец все-таки изредка давал мне деньги и говорил: «А это дашь Яшиной дочке». В ту зиму он сделал много для меня. Я тогда развелась со своим вторым мужем и ушла из семьи Ждановых. Отец разрешил мне жить в городе, а не в Кремле, – мне дали квартиру, в которой я живу с детьми по сей день. Но он оговорил это право по-своему – хорошо, ты хочешь жить самостоятельно, тогда ты не будешь больше пользоваться ни казенной машиной, ни казенной дачей. «Вот тебе деньги – купи себе машину и едь сама, а твои шоферские права покажешь мне», – сказал он.

Меня это вполне устраивало. Это давало мне некоторую свободу и возможность нормально общаться с людьми, – живя снова в Кремле, в нашей старой квартире, это было бы невозможно.

Отец не возражал, когда я сказала, что ухожу от Ждановых. «Делай как хочешь», – ответил он. Но он был недоволен разводом, это было ему не по сердцу.

«Дармоедкой живешь, на всем готовом?» – спросил он как-то в раздражении. И, узнав, что я плачу за свои готовые обеды из столовой, несколько успокоился.

Когда я переехала в город в свою квартиру, – он был доволен: хватит бесплатного жилья».

Свидетельницей отношений Светланы с ее вторым мужем, сыном сталинского соратника Юрия Жданова, стала и актриса Художественного театра Кира Головкина. Зимой 1942 года я оказался у нее в гостях и, конечно же, не мог не расспросить хозяйку дома о ее встречах с Аллилуевой. Кира Николаевна, которой на тот момент исполнилось 93 года, откликнулась на мою просьбу:

– Познакомилась я со Светланой и ее тогдашним мужем Юрием Ждановым, сыном Андрея Жданова, в санатории Совета Министров в Нальчике, где они тогда отдыхали. Это был 1949 год. Запомнилось, что Светлана не носила каблуки, из-за того, что Жданов был невысокого роста и она, видимо, не хотела быть выше его. Мы очень мило пообщались, Светлана рассказывала о том, как с отцом приходила на спектакли Художественного театра. Я была беременна, и Юрий Жданов признался, что они со Светланой тоже хотят детей.

Потом, уже в Москве, мы тоже иногда оказывались в одной компании. Душой общества был Юрий Жданов, он играл на рояле, я пела. А Светлана обычно сидела где-нибудь в сторонке и вступала в разговор, только если ее кто-нибудь о чем-нибудь спрашивал.

А однажды я увидела Светлану в Серебряном Бору и была восхищена тем, как ловко она скользила по воде на специальной доске, укрепленной за катером.

Мы периодически встречались со Светланой, и во время одного из разговоров она спросила у меня, где можно найти педагога по речи. Я ответила, что продолжаю заниматься с одной женщиной, которую считаю очень хорошей преподавательницей. И, если Светлана хочет, я могла бы договориться с Софьей Андреевной – так звали педагога. Светлана тут же принялась уговаривать меня сделать это. «Мне предстоит читать лекции, а у меня от природы тихий голос».

На другой день я отправилась к Софье Андреевне, она жила на Поварской улице, тогда – улице Воровского. Когда я сказала ей, что с ней хочет заниматься дочь Сталина, Софья Андреевна особого восторга не выразила. И, как оказалось, была права.

Перед появлением в ее квартире Светланы туда нагрянули сотрудники службы охраны и перевернули все вверх дном. Их занятия продолжались несколько месяцев. И каждый раз перед появлением Светланы в доме педагога появлялись люди в штатском и устраивали почти обыск. А затем с цветами и пакетами с продуктами приходила Светлана.

Мы с ней долгое время не виделись, у каждой была своя жизнь. Пока в один из дней возле Боровицких ворот Кремля меня кто-то не окликнул. Это была Светлана Аллилуева. Это был, наверное, самый откровенный наш разговор. Светлана призналась, что ее брак с Юрием на грани развода.

Мы никогда не говорили об отце Светланы, даже не называли ее по отчеству. Но тут я спросила, говорила ли она о грядущем разводе с отцом.

«Да, – ответила Светлана. – Отец сказал, что брак – это цепь компромиссов, и мы должны сохранить отношения ради ребенка».

Но семья Светланы и Юрия все равно распалась.

В следующий раз мы увиделись много лет спустя, уже не было Сталина. Мы со Светланой были соседи по Дому на Набережной. Встретились в гостях у Андрея Яковлевича Свердлова.

Жена Андрея тут же стала уговаривать Светлану сходить во МХАТ на спектакль «Дом, где мы родились», где я играла одну из главных ролей. Но Светлана сухо ответила, что ходит только в консерваторию. И откланялась. Больше мы с ней не виделись.

Мои собеседники, рассказывавшие о встречах со Светланой Аллилуевой, могли поведать лишь об отдельных периодах жизни дочери вождя – отрезках, когда их судьбы соприкасались.

И только один человек – Марфа Пешкова – пронесла дружбу, а затем знакомство (как правило, случается наоборот, но мы ведь и говорим о человеке необычном) со Светланой Иосифовной через всю жизнь. Ей слово:

«Потом Светлана какая-то жестокая стала. Она уже в детстве была сломана как личность. Как и Вася, который стал абсолютным алкоголиком.

Я была несколько раз у него на даче. Раза два со Светланой мы заезжали – ей надо было что-то передать. Помню, обстановка была интересной – ее доставили из Германии из какого-то охотничьего дома. То ли Геринга, то ли еще кого. Ножки у мебели были сделаны как лапы животных, шкуры были всюду.

А еще запомнился эпизод, который случился в Куйбышеве.

Василий ведь почти все время был подвыпивший. Как-то пришел домой с двумя летчиками. Мы сидели в это время, обедали. Василий с друзьями присоединились к нам и попросили, чтобы принесли еще выпить.

А Галя, первая жена Василия, была в положении. Ждали, что скоро родит. И Василий говорит ей: «Расскажи тот анекдот». Она стала отказываться: «Да ты что, как я могу вслух рассказывать такой неприличный анекдот». «Нет – расскажи! Хочу, чтобы мои товарищи услышали! Я его не помню, ты его помнишь, давай рассказывай». Она твердо ответила – нет. Он тогда подошел к ней, схватил за плечи: «Расскажи!» Василий был уже заметно подшофе. Она еще и еще раз говорит: «Нет, я не буду рассказывать такие вещи, рассказывай сам!» Тогда он взял и сильно отшвырнул ее от себя.

Слава Богу, там диван стоял, и она упала прямо на этот диван. Если бы не он – все, считай, что и ребенка бы не было. Ужас!

Близким другом Василия Сталина был его названный брат, Артем Сергеев. Он вспоминал:

«Как-то сидели с ним, выпили. Он еще наливает. Говорю ему: «Вася, хватит». Он отвечает: «А что мне? У меня только два выхода: пуля или стакан. Ведь я жив, пока мой отец жив. А отец глаза закроет, меня Берия на другой день на части порвет, а Хрущев с Маленковым ему помогут, и Булганин туда же. Такого свидетеля они терпеть не будут. А ты знаешь, каково жить под топором? Вот я и ухожу от этих мыслей».

И верно он предчувствовал: отец умер в марте, а в апреле он был арестован. Поначалу Василия поместили в госпиталь, к нему можно было пройти, а он не мог выйти. Потом его осудили по двум статьям, 58–10 – «Измена Родине»: отзывался плохо о Берии, Хрущеве – вот и измена Родине. Судили и по статье 173 за злоупотребление служебным положением, финансовые нарушения. В чем было злоупотребление? Он сделал из неиспользуемых ангаров на центральном московском аэродроме манеж и конюшню. Создал конно-спортивную команду, которая после его смерти стала союзной командой.

...Он любил кавказские блюда. Не потому что это вкусно, а потому что – кавказские. Он все-таки считал себя грузином, хотя грузинский язык не знал, на грузина не был похож, в Грузии бывал мало, но считал себя грузином. Потому и любил музыку грузинскую, ансамбли, пляски.

...Детей он, конечно, любил. Пусть по-своему. Он был строг, иногда раздражителен. Его посадили в тюрьму, когда детки были маленькие. Старший, Саша, родился в октябре 1941, а Василия посадили в апреле 1953. Увидели они его уже в 1961 году, через 8 лет. Его как-то отпускали и снова посадили. Полное беззаконие: он приговорен был с направлением в лагерь, а держали-то его в тюрьме. Лагерь хоть какая-то воля. А тюрьма – клетка, там под контролем.

Выпустив, сразу сослали в Казань. В Казани поселили на 5 этаже в доме без лифта. А у него ноги были больные: ранение и сосуды очень плохие. Его после тюрьмы смотрел Александр Николаевич Бакулев и даже заплакал: «Васька, до чего тебя довели».

Прожил трагическую жизнь, и похоронили его не по-людски. Причина смерти не совсем ясна. Посмотреть на него ни жене, ни дочери толком не дали. Дочь говорила, что на теле заметили какие-то следы. Жена хотела китель поправить, так ее отогнали. И быстренько похоронили в Казани. Слава Богу, перезахоронили в 2004 году на Троекуровском кладбище в Москве. Но даже не под своей фамилией, которую носил отродясь – Сталин, а под прошлой фамилией отца – Джугашвили.

Рассказывает Марфа Пешкова:

«Такой близкой подруги, как Светлана, у меня больше не было.

Мы с ней дополняли очень друг друга. Я всегда была быстрая, не могла усидеть пяти минут на одном месте. И вообще любила заниматься всякими активными делами – теннисом, спортивными всякими вещами страшно увлекалась. А Светлана наоборот – ей бы диванчик, книжечку. Как раз то, чего мне не хватало. И я поневоле тоже бралась за книгу.

Так мы друг на друга и действовали. Я ее вытаскивала из дома, куда-то пойти, что-то сделать, на улицу там и все прочее. Поэтому мы друг другу очень подходили. Совершенно разные были, абсолютно. Но в то же время дополняли друг друга. И мне ее, конечно, не хватало.

В Барвихе рядом жила дочь министра культуры Михайлова, я потом с ней дружила. Но все уже было не то. При том, что Светланина дача находилась рядом. Но она уже со мной не здоровалась.

Проходила мимо и отворачивалась, смотрела в другую сторону. Она тогда уже была замужем, у нее был маленький мальчик, Иосиф».

Последним увлечением дочери Сталина на родине стал Баджеш Сингх, коммунист из Индии. Это уже был гражданский брак.

По воспоминаниям друзей, Светлана знала, что благодаря этой связи у нее получится уехать из Советского Союза. Официально она уехала в Индию, чтобы похоронить прах гражданского мужа.

Сингх был намного старше Светланы. Они познакомились, когда он уже был болен. Людмила Шверник (дочь последнего сталинского председателя Президиума Верховного Совета СССР Николая Шверника), которая жила в Доме на Набережной, в квартире по соседству со Светланой Аллилуевой, рассказывала знакомым страшные вещи.

Как-то она зашла к Светлане за солью. Открылась дверь и Людмила Николаевна увидела незабываемую картину: на полу в коридоре стоял таз с водой, возле него – множество сосудов с лекарствами. Над тазом сидел индийский друг Светланы, и та какой-то щеточкой омывала ему ноги. При этом, по воспоминаниям Шверник, это были ноги сильно больного человека – черного цвета, одна сплошная рана.

Сингх знал о своей смертельной болезни и потому все время пытался заглушить боль алкоголем. Но для Светланы Аллилуевой это не имело никакого значения. Для нее самым главным была возможность покинуть страну, которая у нее появилась после смерти гражданского мужа.

Марфа Максимовна продолжает:

– Как-то мы сидели со Светланой на балкончике у нас, на Малой Никитской, это моя комната была. А тогда, после войны, масса иностранцев в Москву приехала, англичан много. В этот день все они шли в дом молотовский, дом приемов МИД так называли. И тогда Светлана вдруг говорит: «Вот бы где я хотела жить».

И так она в итоге и сделала. Получается, мысль уехать возникла у нее, когда она еще девчонкой была.

О том, что Светлана осталась за границей, я, по-моему, услышала по БиБиСи.

Неожиданностью это для меня не стало. Я знала, что она несчастный человек. И патриоткой она никогда не была. Потому что видела, что происходит. Очень многое видела.

У меня хранится газета со статьей Светланы «Я всегда ненавидела советскую Россию».

Я потом думала, как же она могла оставить детей и уехать. И в конце концов ответила для себя на этот вопрос. Понимаете, мать ее была не очень душевно здорова. Брат матери просто был сумасшедший. И сестру, Анну Сергеевну, мы тоже хорошо знали. Она приходила к маме. Она вернулась из лагеря совсем больной.

Потом Светлана звонила своим детям, но они не хотели с ней разговаривать. Они так ее и не простили.

Когда Светлана в 1984 году приезжала в СССР, мы с ней не встречались. Мало того, интересный случай произошел. Я сидела на балконе на Малой Никитской. А Светлана с дочерью проходили мимо. Она девочке все время что-то рассказывала. Вижу, рукой показывает на наш дом и что-то говорит. И замечает, что я на балконе сижу. Но она даже не поздоровалась. И я, естественно, тоже промолчала. Хотя когда издали ее увидела, хотела позвать.

При том, что ссоры между нами не было. Видимо, Серго не могла мне простить. Даже спустя столько лет. Смешно даже.

Мы со Светланой после ее отъезда так больше и не поговорили. Но я читала ее книги, очень хорошие.

Да она вообще способная была. Хотела поступать на литературный факультет. Отец запретил: «Пойдешь на исторический». И она пошла.

Часто ее вспоминаю. Недавно ко мне приезжала наша общая подруга, Алла Славущая, дочь посла СССР в Японии в 1940 году.

Мы с ней сидели, о Светлане говорили. Алла очень жалела ее, говорила, что ей было плохо из-за того, что она уехала. А я не согласилась – ну почему плохо, если она этого все время хотела. И смогла избежать того, чтобы на нее пальцем показывали.

Это ее все время бесило, когда люди – она видела – шепчутся: «Смотри, смотри, там эта».

Это же ужасно. Алла считает, что Светлана большую ошибку сделала. А я считаю, что никакой ошибки не было.

Светлана прожила свою жизнь так, как считала нужным. Это был ее выбор.

В Америке Светлана прославилась, написав книгу воспоминаний «Двадцать писем другу». И неплохо, как говорили, на этом заработала – порядка двух с половиной миллионов долларов.

Ее американским мужем стал архитектор Питерс. Его предыдущая жена погибла в автокатастрофе. Каково было изумление Аллилуевой, когда на могиле первой жены своего супруга она увидела памятник, на котором было выбито ее имя – «Светлана Питерс». Дело в том, что в США Аллилуева первым делом поменяла фамилию, тем более что у нее появилось для этого законное основание. Потом уже она изменила и свое имя, сократив его до последних четырех букв.

Собственно, сам брак архитектора и эмигрантки из СССР устроила мать погибшей – женщина решила, что в облике Светланы к ней вернулась дочь. Ту ведь тоже звали Светлана.

Брак с Питерсом не оказался долгим, но его результатом стало появление на свет девочки, которую нарекли Ольгой.

В 1984 году Светлана Аллилуева приняла решение вернуться в СССР и провела здесь несколько лет. Ей немедленно было возвращено советское гражданство. Однако жизнь в Москве не заладилась, отношения с оставленными детьми восстановить так и не удалось. И дочь Сталина приняла решение уехать в Грузию.

В Тбилиси она приехала в 1985 году. Ей выделили трехкомнатную квартиру в доме для работников ЦК партии Грузии, предоставили персональную «Волгу» с водителем.

Одной из тбилисских знакомых Светланы стала Мали Кандарели-Лиу, дочь грузинки и китайца.

«Светлана захотела, чтобы ее дочь Ольга, вместе с которой она приехала из Америки, занималась живописью.

Помню, мне позвонили из ЦК партии Грузии и сказали, что я должна стать ее педагогом. Я отказалась, так как не знала, как мои занятия с внучкой Сталина скажутся на родственниках в Китае. Тогда меня уговорили преподавать Ольге на дому. И то я ездила к ней, то саму Ольгу привозил к нам закрепленный за ними водитель.

Она оказалась очень способной девочкой. Уже через год почти без акцента говорила на грузинском и свободно распевала народные песни.

А ее мать была вовсе не такой вредной и злобной женщиной, как о ней многие думают. Правда, была очень резкой. Когда во время ее первого визита в наш дом мой муж спросил, как к ней обращаться, может, Светлана Иосифовна, она довольно недружелюбно ответила: «Я никакая не «Иосифовна»! Я просто Светлана!»

Аллилуева была верующим человеком и часто ходила к нашему Католикусу. А еще ее отличала удивительная чуткость.

На одной из выставок, уже после нашего с сыном отъезда в Китай (мы тогда впервые решили навестить наших родственников), она встретила моего мужа и поинтересовалась, как мы добрались до Пекина. А услышав в ответ, что мы полгода не можем в Москве купить билеты, дала телефон, по которому надо было позвонить и нам должны были помочь. Мы так и сделали и без проблем купили билеты».

В Грузии Светлана Аллилуева тоже долго не задержалась. И снова уехала за границу.

О дальнейшем развитии событий в ее жизни можно судить по газетным и журнальным публикациям.

Говорили, что за всю свою жизнь Светлана Сталина-Аллилуева-Питерс переезжала с места на место около 40 раз. Потому, наверное, в одном из интервью и сказала, что чувствует себя улиткой, которая носит свой дом на спине.

Дочь Светланы, родная внучка Сталина, Ольга тоже в итоге сменила имя. Сегодня она Крис Эванс (фамилия – бывшего мужа, имя – в честь героини любимой американской кинокомедии), владелица небольшого магазинчика «Три обезьяны» в Портленде, штат Орегон.

Крис говорит, что в последние месяцы жизни матери регулярно созванивалась с ней. В шесть часов вечера они брали в руки по бокалу вина и говорили по телефону.

Светлана закончила свои дни в пансионе для престарелых в штате Висконсин. Читала, рисовала и писала письма.

Соседка Светланы рассказывала журналистам, что самым близким существом для дочери Сталина был кот. Его смерть она оплакивала горькими слезами. Которые соседи на ее лице увидели впервые.

Глава 5. Родные лица

(Оболенский И.В. Мемуары матери Сталина. 13 женицин Джугаишвили)

Он родился в Грузии и провел здесь детство и юность. Влюбился, женился, родил сына. И здесь же, в Тифлисе, познал первое поражение.

Может, в том числе и потому Грузии Сталин предпочитал Россию – не только в географическом отношении.

В архивах сохранилось воспоминание очевидца, который присутствовал на выступлении Сталина в железнодорожном депо Тифлиса почти сразу же после установления в Грузии Советской власти.

Поднявшись на трибуну, Сталин заговорил по-русски. Неожиданно для него собравшиеся потребовали, чтобы он говорил по-грузински.

Но Сталин ответил: «Я говорю на языке русской революции!»

Светлана Аллилуева вспоминала:

«Брат мой Василий как-то сказал мне в те дни: «А знаешь, наш отец раньше был грузином». Мне было лет 6, и я не знала, что это такое – быть грузином, и он пояснил: «Они ходили в черкесках и резали всех кинжалами». Вот и все, что мы знали тогда о своих национальных корнях. Отец безумно сердился, когда приезжали товарищи из Грузии и, как это принято – без этого грузинам невозможно! – привозили с собой щедрые дары: вино, виноград, фрукты. Все это присылалось к нам в дом и, под проклятия отца, отсылалось обратно, причем вина падала на «русскую жену» – маму. А мама сама выросла и родилась на Кавказе и любила Грузию, и знала ее прекрасно, но, действительно, в те времена как-то не поощрялась вся эта «щедрость» за казенный счет.

Для всех – для бабушки с дедушкой, для мамы – Грузия, с ее солнечным изобилием, с ее горячими чувствами, с ее изяществом, врожденным у князей и крестьян, – этот необыкновенный край, воспетый русскими поэтами, жил в нашем доме совсем не потому, что это была родина отца. Как раз он сам, быть может, меньше всех ею восхищался; он любил Россию, он полюбил Сибирь, с ее суровыми красотами и молчаливыми грубыми людьми, он терпеть не мог «феодалных почестей», оказываемых ему грузинами. Он вспомнил Грузию лишь когда постарел».

Анна Ларина, вдова расстрелянного сталинского соратника Николая Бухарина, писала:

«Сталин не щадил и грузин, уж в национализме и семейственности его никак не упрекнешь. Вот тут-то он чист перед историей. Родственников своих, Сванидзе и Аллилуевых, обрек он на самоубийства, казни и лагеря. Привыкшие к мягкому, теплему климату, грузины первыми гибли на Севере. Расстреливали их в огромном количестве. В процентном отношении репрессированных к остальному населению едва ли не первое место им-то принадлежит. Да и по проклятиям, которые слали они вождю и даже матери его, подарившей грузинскому народу такого сына, тоже брали они в лагерях первенство. С грузинским темпераментом проклинали».

Грузия платила Сталину взаимностью. Когда он отдавал предпочтение России, она тоже не особо жаловала своего сына. Тем более что оснований для любви он не давал – репрессий в отношении земляков было чрезвычайно много.

В последние годы, когда Сталин вспомнил и вновь полюбил родной край, Грузия, кажется, тоже открыла ему свое сердце. И первая встала на защиту его памяти.

При этом, надо отдать должное, во все времена своего правления Сталин жаловал художников – в самом широком смысле этого слова – из родного Тифлиса-Тбилиси. У него было несколько любимцев, с которыми он мог говорить на родном языке.

Нино Рамишвили...

В январе 1937 года в Москве состоялась декада грузинского искусства. Среди концертных номеров, которыми советская Грузия должна была покорить столичного зрителя, значился и народный танец в исполнении Илико Сухишвили и Нино Рамишвили. В последний момент Нино выйти на сцену не позволили – слишком уж неприятные ассоциации вызвала ее фамилия у коммунистического начальства. Во времена короткой независимости Грузии однофамилец танцовщицы Рамишвили был вице-президентом Грузии. В результате на выступление Нино был наложен запрет.

Однако на прием, который в Кремле для участников декады устроил Иосиф Сталин, Нино Рамишвили попала.

Как жена танцовщика Илико Сухишвили, чей номер привел вождя в восторг. Правда, в список награжденных он не вошел. Судя по всему, за то, что выбрал себе жену с такой неблагонадежной фамилией.

Когда Сталину принесли на подпись список будущих лауреатов, тот удивился: «Почему так мало людей?» И Берия принялся в буквальном смысле бегать среди гостей, внося их имена в список прямо во время приема. На сей раз обойти вниманием Илико Сухишвили уже не удалось.

Лично поздравляя получивших ордена, Сталин обходил ряды участников декады. Сухишвили представил ему свою спутницу. «Ваша фамилия Рамишвили? – переспросил женщину Сталин. – А у нас разве не все меньшевики еще арестованы?»

Дело в том, что во время первого после октябрьского переворота 1917 года приезда Сталина в Тифлис его выступление в железнодорожном депо завершилось провалом. Его буквально вытолкали из здания, а перед собравшимися блистательно выступил старейший социал-демократ Исидор Рамишвили. Взбешенный Сталин в ту же ночь покинул Тифлис.

Так что с фамилией Рамишвили у него действительно были связаны неприятные воспоминания.

«Бабушка потом рассказывала, как, услышав вопрос Сталина, испугалась, что ее арестуют прямо в зале Кремля, – рассказывает внучка Нино Рамишвили, которую в честь нее тоже называли Нино. – Несмотря на то что все обошлось, на протяжении всего банкета она ловила на себе пристальный взгляд Берии, который тот посылал в ее сторону из-под своего пенсне».

Через несколько лет Рамишвили поймет причину такого внимания могущественного начальника сталинских чекистов. Берия пригласил Рамишвили в номер гостиницы «Националь», который всегда был закреплен за хозяином Лубянки. Посадил гостью за накрытый стол и принялся открыто ухаживать за ней.

«Почему вы позволяете себе так вести со мной? – поставила его на свое место Нино. – Потому что вы Берия? Вы забыли, что перед вами замужняя женщина?»

К счастью, никаких последствий подобная отповедь для нее не имела. «Не нажимайте на мою больную мозоль, – только и ответил ей Берия. – Вы же не думаете, что все женщины благосклонны со мной только из-за моей фамилии?»

Впрочем, причина безнаказанности Рамишвили была вовсе не в великодушии Берии или везении танцовщицы. К тому времени грузинские танцы в исполнении Илико Сухишвили уже пользовались любовью Сталина. И обижать жену любимца вождя хитрый палач не решился.

Благосклонность Сталина к Сухишвили проявилась уже во время того январского приема в Кремле. После ужина Илико исполнил для высоких гостей один из своих номеров, который пришелся его всесильному земляку (Сухишвили, как и Сталин, тоже родился в Гори) по душе.

«Как ты образован в ногах! – сказал ему вождь. – Я сегодня добрый, проси чего хочешь!»

Помощники уже приготовились записывать перечень просьб Илико – квартиру, дачу, машину. Традиционный список, с которым новоявленные фавориты обычно обращались к Ста-

лину. У Сухишвили на тот момент не было ничего из перечисленного – вместе с молодой женой и ее родственниками они жили в двух комнатах коммунальной квартиры в Тбилиси.

Но ответ танцора оказался для всех неожиданным: «Я хотел бы получить фотографию с вашим автографом». Сталин внимательно посмотрел на Сухишвили, похлопал его по плечу и произнес: «А ты молодец, парень!»

И уже на следующий день в гостиничный номер, в котором остановились Илико и Нино, явились посыльные из Кремля и вручили посылку – портрет вождя с его подписью на грузинском: «Илико Сухишвили от Иосифа Сталина».

Время показало, что выбор Илико был более чем верен. Фото Сталина с автографом, висящее на самом видном месте в квартире Сухишвили и Рамишвили, не раз выручало хозяев, когда к ним приходили непрошенные гости из грозных организаций. Видя в коридоре документальное свидетельство дружбы адресатов с самим Сталиным, люди в форме уходили ни с чем.

А награды от них все равно никуда не делись. Когда несколько лет спустя Сталину принесли на подпись очередной список лауреатов Сталинской премии и он увидел фамилию своих грузинских любимцев в перечне представленных на вторую степень, то спросил помощника: «А почему Сухишвили и Рамишвили получают только вторую степень?» Услышав в ответ, что для получения премии первой степени им не хватило двух голосов членов государственной комиссии, Сталин кивнул в сторону сидящего в его кабинете Ворошилова: «Надеюсь, моего голоса и голоса Климента будет достаточно?»

И танцоры стали лауреатами Сталинской премии первой степени и громадной по тем временам суммы денег – 100 тысяч рублей.

В 1935 году на международном фестивале танца, проходившем в лондонском Альберт-холле, Илико Сухишвили был удостоен золотой медали. Которую получил из рук королевы Англии, супруги Георга Шестого, в Букингемском дворце. Нино Рамишвили на торжестве мужа присутствовать не могла, так как считалась «невъездной». Об аудиенции Илико у королевы она узнала из его рассказа. Как и о встрече со Сталиным, который то ли в шутку, то ли всерьез спросил Сухишвили, зачем тот поцеловал королеву.

«Ну откуда же мне, деревенщине, было знать, как надо обращаться с монархами», – нашелся что ответить Сухишвили.

Илико и Нино прожили долгую и успешную жизнь.

Сухишвили не стало в 1985 году, а его Нино спустя 15 лет.

Тамара Цицишвили...

Еще одной землячкой Сталина, покоровшей Москву на декаде 1937 года, была актриса Тамара Цицишвили. Настоящей звездой она стала после выхода на экраны фильма «Дарико».

Историю легендарной грузинской красавицы актрисы мне поведала ее дочь, Манана Гедеванишвили:

– Мама рассказывала мне о своем детстве. Вспоминала, как однажды ее пригласил в гости крестный, приближенный к царскому двору человек. Херхеулидзе его фамилия. Это случилось еще до прихода к власти в Грузии большевиков в 1921 году.

Мама, ей тогда было лет 13, говорила, что гости долго не садились за стол, кого-то ждали. И вот наконец пришли два молодых человека. Правда, страшно мрачных, за весь вечер они, кажется, ни разу не улыбнулись. От одного из них мама не могла отвести взгляд, сразу влюбилась. Через полтора часа гости ушли. Когда мама спросила, кто это был, ей ответили: «Великий князь Дмитрий Павлович».

Со Сталиным мама увиделась много лет спустя. В Москве это произошло. Вообще она была филологом по образованию, работала в музее. С Рене Шмерлинг (известный искусствовед, автор многих книг об истории и росписях храмов. – *И.О.*) всю Грузию объездила, снимала копии фресок в церквях. Мама хотела даже поступить в аспирантуру.

А потом ее нашел режиссер Сико Долидзе и предложил сняться в кино. Когда на экраны вышел фильм «Дарико», Тамара Цицишвили стала звездой. Фильм шел в кинотеатрах шесть месяцев подряд, такого до этого еще не бывало. И в результате мама увлеклась кино, это стало ей интересно. Она решила стать актрисой и начала сниматься.

Ее знала и любила вся Грузия. Мама по улице не могла ходить. Один раз ее в магазине забаррикадировали – она зашла сделать покупки, а магазин снаружи обступил народ, и выйти было уже невозможно.

«Дарико, Дарико идет!» – кричали ей вслед дети, называя по имени ее самой известной героини. Мама пыталась их обмануть: «Я не Тамара Цицишвили».

В 1937 году в Москве проходила декада грузинского искусства. Мама танцевала в ансамбле у Пачкория. Это был ансамбль, представлявший Западную Грузию (регион Имеретии, Гурии, Мегрелии. – *И.О.*), а другой ансамбль, под руководством Кавсадзе, был из Кахетии, он представлял Восточную Грузию.

Мама, кстати, очень хорошо танцевала лезгинку. После концерта в Кремле устроили прием. Во время танцев мама стояла где-то в стороне.

Она рассказывала, что к ней неожиданно буквально подлетел Берия: «Идемте со мной». И подвел к Сталину, тот с трубкой стоял и смотрел на танцующих. Берия представил ему маму. Потом оказалось, что Сталин сам попросил познакомить его с Цицишвили, он ее знал по фильму «Дарико».

Вдруг к маме подошел какой-то генерал и пригласил на танец. Они станцевали, и мама снова отошла в сторону. Опять к ней подбежал Берия: «Куда я вас поставил? А вы где сейчас стоите?» Такой злой почему-то был, мама рассказывала. Он снова потащил ее и поставил возле Сталина.

Когда маму в другой раз опять пригласили на танец, она согласилась, но попросила кавалера после вернуть ее на то место, где она стояла.

Это была ее первая встреча со Сталиным. После этого Берия начал звонить ей каждый вечер. Папа – они с мамой остановились в гостинице «Москва» – боялся этих звонков, у него же всех репрессировали.

Берия просил маму о встрече, но она отказывалась. В конце концов сказала: «Я никуда не хожу без своего мужа». Главный чекист разозлился и бросил трубку. Какое-то время телефон молчал. Папа уже на чемоданах сидел, готовый к самому страшному.

Наконец Берия позвонил снова: «Через полчаса за вами заедут». Мама растерялась – как следует одеваться, теплое брать или вечернее?

Ровно через тридцать минут в номер постучал офицер и отвел родителей в лимузин. Мама глянула за окно – везут куда-то за город. Доставили к какой-то даче, как оказалось потом, этом была дача Молотова. Там был устроен банкет человек на 50. Такое было русско-грузинское застолье с песнями.

Около часа ночи к маме снова подошел офицер и сказал: «Вы с мужем встаньте и выйдите в коридор». Они опять не знали, куда и зачем их зовут.

Вышли – а в коридоре стоит Сталин. Я потом спрашивала маму, каким он был. «С трубкой, такой старый добрый дядюшка Джо», – ответила она. Почему-то мама так его называла. А сколько ему было-то на тот момент? Чуть за пятьдесят.

Сталин в тот момент, когда его увидели родители, обувал калоши. Хотя тут же машина стояла около крыльца. Мама и папа не шелохнулись, ждали, пока он вторую калошу наденет. Наконец надел и вышел. Мама и папа – следом за ним.

Опять ехали-ехали, опять оказались на какой-то даче. Зашли – в большой комнате горит камин, и возле него Сталин, который приехал раньше. Он обернулся: «А, пришли, мои дорогие? А я для вас вино нагреваю». Подал бокал маме, папе, и они начали пить. Кроме них, в комнате никого не было.

Мама неплохо потом об этом вечере отзывалась. Папа никогда хорошо не говорил. А мама вспоминала: «Лицо у него было хорошее, пел хорошо».

В это время в зал зашла девочка с белым бантом. Сталин сказал маме: «А это моя хозяйка, моя Светлана».

Постепенно стали гости собираться, человек пятнадцать их было. Опять маму рядом со Сталиным посадили. И тот предложил, раз рядом сидит Цицишвили, спеть цициановское «Мравалжамьер» (грузинская песня-пожелание долголетия. – *И.О.*)

Мама пыталась отказаться: «Это труднейшая песня, мои папа и дедушка пели, а я не могу». Сталин вздохнул: «Тоже мне, княжна».

Обратился с этим же предложением к Пачкория и Кавсадзе. Но и они отказались. «Тоже мне певцы! – воскликнул Сталин. – Тогда я вам спою».

И действительно спел – от начала и до конца. Мама говорила, что у него был очень хороший голос, ни одной ошибки не сделал.

За столом они разговаривали на русском и грузинском. Сталин спросил у мамы, как поживает Леван Цицишвили, ее дядя.

– Он первым мне рассказал о марксизме. Я иногда десять километров проходил пешком, чтобы его послушать, – сказал хозяин дома.

Мама ответила, что Левана расстреляли. Сталин удивился:

– Как?!

– Да, убили.

Сталин стукнул кулаком по столу.

– Как можно убивать таких людей, как Илья Чавчавадзе, Леван Цицишвили?

Мама очень хорошо его показывала, когда об этом рассказывала. Затем Сталин обратился к Сандро Кавсадзе:

– Ты почему проиграл Пачкория на декаде?

Тот побледнел:

– Так самых лучших моих запевал арестовали.

– Кого именно?

За столом повисло молчание, никто не называл фамилии. Тут мама говорит: «Я знаю кого. Двоих стариков». И назвала их имена. Берия так на нее посмотрел, что у папы мурашки по коже пошли.

Сталин тут же повернулся к Берии: «Лаврентий, запиши эти фамилии». Тот достал какую-то толстую тетрадь, но Сталин поправил: «Не туда запиши, а вот сюда». Достал из кармана маленькую красную книжицу и сказал: «В эту запиши».

А Берия, видно, просто не хотел допустить, чтобы на декаде проиграли мегрелы. Он же сам был мегрел.

Папа на протяжении того вечера находился в полуобморочном состоянии.

Когда грузинская делегация вернулась в Тбилиси, Сандро Кавсадзе пригласил родителей на концерт. И там уже присутствовали эти старики, которых освободили из лагеря. Когда мама зашла за кулисы, все стали кричать: «Тамара пришла, Тамара пришла».

А Сталин в тот раз маме часы подарил. На них было написано: «От ЦИК».

Семья Кавсадзе...

Сандро Кавсадзе, чье имя упоминала дочь Тамары Цицишвили, был близким другом Сталина. Историю своей семьи мне рассказал внук главного героя, популярный актер Кахи Кавсадзе:

– Моего деда звали Александр, Сандро. Он родился в 1873 году и был на пять лет старше Сталина, с которым вместе учился в Горийском духовном училище. Для детей пять лет – это большая разница. Если вам семь, а мне двенадцать – то между нами пропасть. Маленький Сталин пел в хоре, которым руководил мой дед. И воспринимал Сандро как учителя.

Когда в 1937 году в Москве проходила декада грузинского искусства, то на гастроли поехал и коллектив деда. После выступления артистов пригласили на банкет в Кремле. Дед рассказывал, что Сталин вышел к гостям с небольшим опозданием. Все это было, конечно, красиво срежиссировано. Едва он появился в дверях, как весь зал взорвался криками восторга и аплодисментами.

Сталин пару секунду послушал обрушившуюся в свою честь лавину народной любви и поднял правую руку, ладонь которой была обращена к собравшимся. Как по мановению, зал тут же погрузился в тишину. Все не то что говорить, дышать боялись. И вот в этой тишине Сталин тихо произнес: «Сандро здесь?» Он искал моего деда.

Толпа расступилась. Образовался живой коридор, с одной стороны которого стоял Сталин, а с другой – мой дед. И оба не двигались с места. Дед же был старше Сталина, к тому же являлся его учителем. Но и положение Сталина тоже было непростым – он ведь был вождь. В итоге они оба пошли навстречу друг другу и встретились аккурат в центре этого образованного из артистов коридора.

Сталин обнял деда со словами: «Какой красавец!» На что дед ответил: «Я всегда был красивее тебя». Все замерли. А Сталин рассмеялся: «Ты совсем не изменился», и пригласил деда к своему столу.

Когда было поднято несколько тостов, Сталин обратился к деду с предложением: «Проси, чего хочешь!» И дед попросил – трубку, которую в тот момент курил Сталин. Вождь опять улыбнулся. И со словами: «А ты и правду все такой же», положил трубку в чехол и протянул деду.

Все это и сейчас хранится у меня дома. Чуть рваный чехол, который таким и был у Сталина, и трубка, которая потом долгие годы сохраняла аромат сталинского табака.

Незадолго до смерти деда положили в кремлевскую больницу. В один из дней ему принесли письмо Сталина. На грузинском языке тот писал: «Мне сказали, что вы больны – это плохо. Но говорят, что должны поправиться – это хорошо. Живите тысячу лет, ваш Сосо». Годы спустя это письмо очень поможет нашей семье.

Деда не стало в 1939 году. Его место в ансамбле занял мой отец Давид, который был не только замечательным певцом, но и очень хорошим руководителем.

Я храню большую фотографию, на которой запечатлен весь коллектив под руководством Давида Кавсадзе. На первом плане – отец и тогдашний председатель комитета по культуре Грузии. Только отец стоит на несколько сантиметров впереди него. Подобная вольность стоила отцу жизни.

Когда началась война, все танцоры и певцы ансамбля Кавсадзе получили бронь. Не было ее только у руководителя, моего отца. И его призвали на фронт. Потом выяснилось, что бронь на него, конечно же, была. Вот только по каким-то причинам ее не смогли вовремя обнаружить. Понятно, что таким образом председатель комитета по культуре отомстил отцу.

В 1942 году под Керчью было страшное сражение. Очевидцы рассказывали, что даже море горело. Причем в буквальном смысле – была разлита нефть и все вокруг поыхало. Отец принял участие в той битве. Она напоминала гражданскую войну, так как на стороне немцев воевали грузины, вступившие в ряды отряда «Белый Георгий», которым обещали, что после победы Гитлера Грузии будет возвращена независимость.

К нам в Тбилиси пришла похоронка. Целый год мама получала дополнительную пенсию. А потом оказалось, что отец жив.

На самом деле он попал в плен. Немцы тогда предложили всем пленным грузинам: «Если у вас за границей есть родственники или знакомые, пусть они напишут нам и мы вас освободим». Фашисты настолько были уверены в своей скорой победе, что иногда совершали такие вот неожиданные поступки.

У отца родственников за границей не было. Но друзья были – те, кто покинул Грузию в 1921 году после того, как страна потеряла свою независимость и стала одной из советских республик.

Имя Давида Кавсадзе знали за границей, и кто-то написал письмо, что готов взять отца к себе. И его не только освободили, но и предложили создать из пленных такой же ансамбль, каким отец руководил в Грузии. Он ходил по лагерям смерти и искал грузин. Заходил в барак, обитатели которого вот-вот должны были отправиться в газовую камеру, и по-грузински говорил: «Если есть грузины, выходите». И ему порой отвечали: «Я армянин из Авлабара», «Я азербайджанец из Кахети», «Я еврей из Кутаиси», «Я русский из Сололаки». И всем им отец говорил: «Выходи».

Когда какой-то немецкий офицер выразил неудовольствие, зачем отцу так много народа, папа ответил: «Сначала надо собрать людей, а потом уже решим – кто способный, а кто – нет». И если из пленных кто-то действительно не мог петь, отец помогал ему подлечиться и бежать.

Когда я уже стал актером и приехал на гастроли в Австралию, ко мне подошел один человек. «Вы ведь сын Давида Кавсадзе? Ваш отец спас мне жизнь». Он пригласил меня в гости и за накрытым столом поведал историю своего спасения. «Я вышел из строя, но честно признался, что петь не умею. И ваш отец сказал, чтобы я не переживал, а поправлялся и бежал при первой возможности. Так я в итоге и оказался в Австралии».

Одним словом, отец создал ансамбль. Новоявленных артистов одели в грузинские национальные костюмы и позволяли устраивать концерты. А нам в Тбилиси сообщили, что наш отец не пал смертью храбрых, а попал в плен. А это означает, что он – изменник Родины и никакая пенсия нам не полагается.

Мало того, маму обязали вернуть те деньги, которые она успела получить за то время, пока отец считался погибшим. Я хорошо помню, мне тогда было семь лет, как мама из своей и без того скудной зарплаты возвращала деньги. Мы едва могли сводить концы с концами. Но все равно мы были счастливы – наш отец был жив.

Однажды ночью в дверь кто-то постучал. Мама открыла дверь, но никого не увидела. Лишь на коврике белел маленький лист бумаги. Оказалось, это была фотография, на которой был изображен отец и его новый коллектив.

Окончание войны в 1945 году отец встретил в Париже, где его ансамбль пользовался большим успехом. Их уже собирались отправить на гастроли в Америку, как к отцу явился какой-то человек и принялся убеждать его вернуться в Советский Союз. Там, мол, его давно простили и он сможет воссоединиться со своей семьей и трудиться на благо родины. И отец поверил этим обещаниям.

Приехав в Москву, он первым делом отправился к Михаилу Чиаурели (знаменитому кинорежиссеру, снявшему несколько фильмов о Сталине. – *И.О.*). Тот попытался убедить отца не ездить в Тбилиси. Один из любимцев Сталина, Чиаурели знал, что в Грузии отца обязательно арестуют. Но прямо сказать об этом он не мог. Равно как и уговорить отца остаться в Москве.

А случись это, вся его жизнь могла бы сложиться иначе. Чиаурели мог бы взять его на одну из встреч с вождем и там представить как сына того самого Сандро Кавсадзе, которого так любил Сталин. После этого отца бы никто пальцем тронуть не посмел. Но все произошло именно так, как произошло.

Из Москвы папа позвонил нам: «Встречайте, поезд такой-то, вагон такой-то». В назначенный день мы примчались на вокзал, но отца в вагоне не было. Как потом оказалось, его арестовали в Сочи. А мы смогли увидеть его уже только в КГБ, когда нам позволили свидание.

Мы вошли в комнату и увидели поседевшего усталого мужчину, в котором с трудом узнали отца. Первое, что ему сказала мать: «Это твои дети», и указала на меня с братом. Мне

тогда было десять лет, а брату восемь. Папа посадил нас к себе на колени и первым делом спросил: «Музыке учиться?» Конечно, мы учились.

Потом отца приговорили к ссылке в Свердловскую область. Мы об этом узнали, когда в очередной раз принесли передачу в тюрьму и у нас отказались ее принять. «А вот оттуда он уже не вернется», – горько произнесла мама.

У нас дома в тот же день устроили обыск – мы уже официально считались членами семьи врага народа. Вся квартира была перевернута вверх дном. «Вы что, письма Гитлера ищите?» – спросила у солдат мать.

Как мы потом поняли, они искали ту самую фотографию, которую нам сумел переслать отец во время войны. А мать, как только раздался стук в дверь и она догадалась, зачем к нам пришли, спрятала это фото у себя на груди. Там искать энкавэдэшники не осмелились. И эта фотография у нас сохранилась.

В результате обыск ничем не закончился, но нас фактически лишили квартиры – две комнаты из трех были опечатаны. И тогда мать отправилась в Москву, к Сталину. Чтобы добиться встречи с вождем, она позвонила Эгнаташвили, коменданту Кремля, который, как все говорили, приходился Сталину родным братом по отцу.

Тот принял маму, но сказал, что встречу со Сталиным он может попытаться организовать лишь через несколько месяцев. Так долго оставаться в Москве мама не могла – в Тбилиси же были мы с братом. И тогда она показала Эгнаташвили то самое письмо, которое деду прислал в больницу Сталин.

Письмо произвело впечатление, и Эгнаташвили устроил маме встречу с одним из больших чиновников КГБ. Тот бережно достал письмо из конверта (на нем по-русски было написано: «Товарищу Александру Кавсадзе от И. Сталина») и нежно, словно боясь причинить ему боль, обеими руками положил листок на стол перед собой.

«На своем пишет», – прокомментировал он, увидев грузинские слова. А потом продолжил: «Вы даже не представляете, что вы имеете! С освобождением мужа я вам ничем помочь не могу, это не входит в мою компетенцию. А вот с квартирой мы вопрос решим сегодня же».

И правда, мама находилась еще в Москве, когда к нам пришли офицеры и сорвали с запертых дверей печати.

Отец прожил в ссылке семь лет. Мама лишь один раз смогла съездить к нему. Устроившись проводником товарного состава, она оставила нас с братом у своей сестры и поехала к отцу. Только в один конец дорога занимала больше месяца.

А так мы обменивались с отцом письмами и фотографиями. Он все удивлялся – неужели на самом деле мы с братом так быстро растем? Мы отправляли ему карточки: на одной стою я, затем мама и, наконец, самый маленький по росту, мой брат. На другом фото уже другая композиция: я, мой брат и самая маленькая – мама.

В 1952 году мы хоронили сестру матери. Помню, было очень жарко на улице, и вдруг у меня началась какая-то дикая истерика: я принялся рыдать и не мог остановиться. Потом мы узнали, что аккуратно в это мгновение в ссылке умер мой отец. Спустя время нам вернули его вещи – письма и наши фотографии, которые он хранил.

Мамы не стало, когда ей было 68 лет. Она умерла у меня на руках. Никогда не забуду, как она изогнулась, ее глаза потеряли фокус, а с уст сорвалось имя отца: «Даташка». И она ушла навсегда.

25 февраля 1956 года в Москве на XX съезде партии был прочитан доклад Хрущева о культе личности, а уже в начале марта о нем знала вся Грузия. Поначалу митинги собирались у памятника Сталину и носили мирный характер. Я с друзьями тоже был там, мы даже принесли к памятнику огромный венок из цветов.

Толпа была громадная, наверное, в несколько тысяч человек. Памятник стоял на двух мраморных плитах, обрамлявших постамент справа и слева. На одну из этих плит, как на сцену, поднялся очередной выступающий и говорил речь.

Помню, рядом со мной в толпе стоял один мой знакомый. И вдруг он, почти не размыкая губ, говорит мне: «Хочешь, я сейчас всю толпу поставлю на колени?» А надо заметить, он был прирожденным трибуном, у него даже рот, когда он начинал говорить, словно складывался в трубочку-рупор. Но одно дело пламенно и громко произносить речи, а другое – поставить на колени тысячи человек, да еще возле памятника Сталину.

Разумеется, я ему не поверил. И тогда Илико, хитро посмотрев на меня, зычно произнес: «Да здравствует товарищ Сталин, человек, которому мы верили, вместе с которым победили в войне», и далее в этом духе. И когда толпа уже полностью была под обаянием его выступления, он неожиданно закричал: «На колени!» И тысячи человек опустились на колени. Это было очень страшное зрелище! Чем вообще страшен митинг? Там нельзя выражать мнения, отличного от точки зрения собравшегося большинства. И если бы кто-то позволил себе в тот момент не встать на колени, его бы просто разорвали на месте.

Мой приятель трижды то поднимал толпу с колен, то заставлял на них опуститься. Когда все закончилось, он хитро посмотрел на меня. Вот, мол, а ты сомневался. С тех пор я никогда не хожу на митинги. А когда их вижу, то начинаю искать в толпе человека, который может в любой момент крикнуть: «На колени!»

Митинги продолжались несколько дней, народ даже на ночь не расходился. По городу ездили грузовые машины, на открытых кузовах которых стояли переодетые в костюмы Ленина и Сталина артисты. И когда машины делали остановку, толпа скандировала: «Ленин, поцелуй Сталина!» И артист в костюме Ильича целовал своего облаченного в наряд вождя всех времен и народов коллегу. Потом команда менялась: «Сталин, поцелуй Ленина!» И артисты опять исполняли волю собравшихся.

Числа 8 марта среди митингующих стали звучать такие разговоры: «Надо отправить Хрущева в отставку и поставить на его место Молотова!» Кто-то предлагал послать телеграмму Мао Цзе Дуну и попросить у него вооруженную помощь. Из уст в уста передавали, что Мао Цзе Дун уже прислал ответную телеграмму и вот-вот отправит железнодорожный состав с войсками.

Ну, этого власти уже допустить, конечно же, не могли. И на улицы Тбилиси были выведены войска. В нашей компании было пять человек. Четверым удалось спастись, а один наш друг был убит в уличной перестрелке. Мой брат в те дни пел в Опере – отменять спектакли никто не решился, это было бы равноценно объявлению чрезвычайного положения.

9 марта, когда противостояние достигло пика, мы с братом от здания Оперы, расположенного на проспекте Руставели, с трудом добрались до дома. Наши окна выходили аккуратно на набережную Куры, где стоял памятник Сталину.

Солдаты сбрасывали трупы молодых людей в реку, и она была красной от крови. Все это происходило, заметьте, в 1956 году! Когда мы потом рассказывали о том, что пережили, все удивлялись – о событиях в Тбилиси никто ничего не знал.

Все было обставлено в тайне. Родственникам даже не позволили нормально похоронить своих расстрелянных детей – возле гроба позволили остаться только отцу или матери. Потом уже, спустя годы, было дано разрешение по-человечески перезахоронить этих несчастных ребят.

Когда мы с братом пришли в ту ночь домой, наша мать открыла нам дверь и, не впуская в дом, сказала: «На улице убивают ваших друзей! Вы должны быть со своим народом!» И фактически выставила нас за порог.

Мы, конечно, не пошли на улицу, это было физически невозможно: там ходили солдаты и стреляли. Мы отсиделись в подъезде и под утро вернулись домой.

С мамой о том дне мы никогда не говорили.

Один из самых популярных среди туристов домов современного Тбилиси – здание Музея искусств Грузии. Но не только уникальная коллекция картин выдающихся грузинских мастеров привлекает внимание каждого, кто оказывается в районе улицы Пушкина. Здесь в конце XIX – начале XX века располагалась Духовная семинария, в которой несколько лет проучился Сталин.

Раньше об этом гласила мемориальная доска. Сегодня ее, конечно же, нет. Но словосочетание «здесь учился Сталин» раздается возле музея каждый раз, когда там оказываются туристы.

Среди священнослужителей Грузии к бывшему семинаристу отношение разное. Во время встреч со Святейшим Католикос-Патриархом Всея Грузии Илией Вторым я не мог не затронуть тему личности Сталина.

– Именно благодаря Сталину в 1943 году грузинская церковь вновь стала автокефальной, – сказал Католикос-Патриарх. – Он не только к грузинской, но и к русской церкви относился с почтением. Нашим ректором (московской Духовной академии. – *И.О.*) был протоиерей Ружицкий, очень известный богослов. И он рассказывал нам со слов Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия Первого следующую историю.

Алексий Первый во время войны был митрополитом Ленинградским. Он участвовал во встрече, когда Сталин принял митрополита Сергия (местоблюстителя патриаршего престола, в будущем – Патриарха Московского и Всея Руси. – *И.О.*). На встрече был еще митрополит Крутицкий и Коломенский Николай.

С каким уважением их принял Сталин! И когда он спросил, чем помочь русской церкви, митрополит Сергий ответил: «Мы имеем право открывать храмы, и этого достаточно». На что Сталин сказал: «Нет, этого недостаточно. Открывайте духовные семинарии».

И то же самое происходило в отношении грузинской церкви. Тогда не существовало еще общения между русской и грузинской церквями. И Сталин обратился к представителю русской церкви с вопросом: «До каких пор вы будете в таком состоянии?»

Когда Сталин приезжал в Тбилиси провести мать, та сказала ему, что лучше бы он стал священником. Думаю, что если бы он все-таки стал духовным лицом, то был бы патриархом. А когда мать ему сказала те слова, он ими гордился.

Мог ли этот человек любить кого-нибудь? Мог! Но он был очень занят государственными делами. И ставил их выше всех личных.

Я его несколько раз видел во сне. Какие-то вещие сны были. Один вам расскажу.

Снилось мне, будто я нахожусь во дворе Кремля. И там могила – примерно полтора метра глубиной – обложена травяными плитками, дерном. Я стою возле нее. Много людей рядом. Одна женщина подошла и начала сбрасывать дерн. И другие тоже подошли. И вдруг стал виден Сталин, без гроба. На нем коричневый костюм, из ткани, в которой раньше ходили. И когда он уже стал виден, люди прекратили сбрасывать дерн. Я смотрю на его лицо и вижу складку – от лба до подбородка. Я подумал – наверное, это от холода и мороза. И вдруг он начал двигаться. И стал живым, поднялся. Сел. И первое, что он сделал, – перекрестился. Я говорю: «Бог да Благословит Вас». Он обратился ко мне: «Ваши молитвы очень, очень помогли мне».

Я подумал – это правительство повернется лицом к народу. И так оно и случилось. Я видел этот сон уже в начале девяностых.

Мераб Квиташвили...

Воспоминаниями о Сталине делились сотни, если не тысячи людей, некоторые из которых хотя бы мельком лицезрели советского правителя.

Мне же было интересно познакомиться с рассказами тех, кто мог понять Сталина, как никто иной, – его земляков. Несколько лет я собирал их свидетельства. И кажется, потратил время не зря.

Следующий рассказчик – Мераб Квиташвили, очевидец того, каким Сталин бывал в неформальной обстановке, во время Тегеранской конференции 1943 года.

Сам Квиташвили оставил Грузию в 1919 году и уехал в Англию на учебу. В 1943 году в Иране он, уже в чине капитана британской армии, отвечал за безопасность премьер-министра Англии Черчилля и президента США Рузвельта.

«Папа не хотел публиковать мемуары, которые закончил в конце жизни, – рассказывала его дочь, Элисо Квиташвили. – Записи он делал на английском языке для нас, членов семьи. Он вообще не любил вспоминать о своем прошлом разведчика. И если и рассказывал что-то, то только о Грузии и о том, как инженером объездил весь мир».

По прошествии лет Элисо Квиташвили позволила мне при работе над этой книгой использовать отрывки из воспоминаний ее отца.

«В среду, 24 ноября 1943 года, в 10 утра я работал в своем кабинете в посольстве Британии в Иране, когда ко мне подошел полковник Райен. Первым делом он предупредил, что все, что он собирается мне сказать, находится под грифом «совершенно секретно». И далее сообщил, что в ближайшие дни в Тегеране должна состояться встреча на высшем уровне. Всеми вопросами безопасности занимается он, а меня назначает своим адъютантом.

Все участники должны были приехать в Тегеран 27 ноября. Длительность конференции не знал никто. Все было в тайне.

Вскоре в английское посольство явились советский генерал-майор Аркадьев и два офицера. Военный атташе Британии генерал-лейтенант Фрейзер, который дружил с моей родственницей Кето Микеладзе и был влюблен в нее, прислал их ко мне. Так как только я мог говорить по-русски, именно мне предстояло переводить.

«Вы, наверное, понимаете, что если что-то случится с Черчиллем или Рузвельтом, то допустившего это офицера будут судить и накажут, – обратился ко мне Аркадьев. – Но если что-то произойдет со Сталиным, то нас расстреляют на месте».

И он сделал красноречивый жест – поднес руку к горлу.

Я отвечал за все. Поначалу приходилось сложно, так как не было субординации. Однажды американские и английские офицеры чуть не перестреляли друг друга. Звучало много жалоб, в основном – на меня. Хуже всех себя вели советские офицеры, они все время смотрели на нас с подозрением. Единственным нормальным человеком был генерал Шалва Церетели, начальник охраны Сталина. Очень воспитанный, он произвел на всех хорошее впечатление.

Он был очень интересным человеком, намного голов выше остальных советских офицеров, которые находились в Тегеране. Один из них, генерал-майор Начхепия, был человеком гигантской высоты, но у меня было впечатление, что он все время чего-то боится. Один раз я увидел, как Берия ругал его. Это было очень жалкое зрелище. Начхепия был генералом, а Берия вел себя, будто перед ним находился раб. Вообще Берия очень унижал своих подчиненных.

На глазах британских офицеров кричал и материл советских генералов и не считал их за людей.

Ко мне Берия относился вежливо и даже по-дружески. Он был экстраординарной личностью, настоящим лидером, которого боялись и ненавидели, но в то же время уважали.

Черчилль и британская делегация приехали в Иран 27 ноября. За премьер-министром отправили три машины одной и той же марки, окна которых были нарочно испачканы грязью. Это сделали для того, чтобы нельзя было разглядеть, кто в них находится. Никто не знал, в какой именно машине будет Черчилль.

У советской стороны никаких проблем с организацией безопасности не было. Они привезли в Тегеран батальон солдат, который перекрыл проход Сталина и в результате к нему никто не мог подойти.

А президент Рузвельт был в ужасе от того, как обстояло дело с обеспечением его безопасности. В то время посольство США в Тегеране находилось в старом районе, и попасть туда

можно было только продвигаясь по узким улицам, заполненным народом. По дороге из аэропорта машину Рузвельта даже пришлось остановить, чтобы пропустить людей. Американский президент посчитал, что его жизни грозит опасность. И это так и было – любой мог бросить в него лимонку. Рузвельт был так возмущен, что, прибыв в посольство, тут же освободил от должности посла США. И отказался там останавливаться.

Сталин, узнав про решение Рузвельта, предложил ему переехать в посольство СССР, которое было самым большим по размеру. Рузвельт согласился и был благодарен Сталину за заботу. Черчилль же интерпретировал это по-своему: «Советские больше волновались за себя, чем за безопасность американцев. Ведь Сталину для того, чтобы встретиться с Рузвельтом, самому бы приходилось приезжать в посольство США по той узкой и опасной дороге.

...29 ноября Черчилль должен был передать Сталину меч за победу в Сталинградской битве. На церемонии должно было присутствовать только несколько человек. Мое имя внесли в список в последний момент.

Черчилль сказал тогда, что он восхищен проявленной доблестью советских солдат в битве за Сталинград и по поручению короля Англии передает русскому народу меч. Сталин достал его из ножен, поцеловал, а затем передал Ворошилову. Тот чуть не уронил меч, его едва успели поймать.

Во время одной из встреч я видел, как Черчилль поднялся из-за стола после предложения Сталина расстрелять 50 тысяч немецких офицеров. Черчилля настолько возмутило предложение Сталина, что он вышел в соседнюю комнату и сел в кресло. Я все это видел своими глазами. Сталин в ответ тоже поднялся из-за стола, подошел к Черчиллю, положил руку ему на плечо и с улыбкой сказал, что пошутил и что ему и в голову не придет расстрелять столько людей. Он произнес это так, будто в Советском Союзе с его ведома не расстреливали миллионы невинных. Переводчик Павлов так растерялся, услышав эти слова, что еле смог их перевести. А стоявший рядом с ними Молотов улыбался: «Мы просто шутим».

...30 ноября Черчиллю исполнилось 69 лет. На свой день рождения Черчилль пригласил всех участников конференции. Обед должен был состояться в британском посольстве.

В назначенный час начали приходить гости. Черчилль лично встречал их. Президент Рузвельт попал в здание в инвалидной коляске через специальный вход. Вскоре появились Молотов, Ворошилов и Сталин.

Сталина охраняло двенадцать человек личной охраны, все были грузины. Таких мерзких людей я не видел – они были похожи на убийц, а может, и были ими на самом деле. Сталин вышел из машины и пошел к лестнице, где его ждал Черчилль.

Они тепло встретились, пожали друг другу руку и вошли в здание. Я вошел внутрь с Церетели, а Начхепия остался снаружи. Всего на банкете было 30 человек: послы, маршалы, генералы. Среди них центральной фигурой был грузин: Сталин-Джугашвили.

Обед прошел удачно. Черчилль был в хорошем настроении, и все были довольны. Среди гостей присутствовала только одна женщина – дочь Черчилля леди Сара Черчилль Оливер. Она и ее брат Рандольф не были приглашены, но все равно пришли, хоть и с опозданием. Когда Сталину представили леди Сару, он галантно поцеловал ей руку, что меня удивило.

Звучало много тостов. Тост Черчилля заключался в том, что Сталин не только для России, но и для всего мира является одним из самых великих людей. И потому заслуживает права называться «великим Сталиным». Сталин ответил, что титул «великий» принадлежит не ему, а русскому народу. И руководить такой нацией несложно.

Во время обеда Черчилль несколько раз прошел по залу, чтобы со всеми чокнуться. В конце вечера гости и он несколько раз заходили в комнату, где находились мы с Церетели. Увидев нас, Черчилль попросил шампанского и предложил выпить. Я представил ему Церетели и сказал, что он грузин. Черчилль заметил: «Похоже, мы окружены грузинами».

Он и гости долго беседовали со мной и Церетели, спрашивали про Грузию и грузин. Черчилль вспомнил и мою анкету про возможное будущее Кавказа. «Вы хотите восстановить свое старое царство? – спросил он. – Вам мало того, что один грузин управляет всей Российской империей?»

В своей книге Черчилль пишет, что Сталин тоже выходил из зала. Но я его не видел.

Несмотря на то что Сталин много пил, не было заметно, что он пьян. Он пребывал в хорошем настроении.

Произносил тосты, размышлял и много улыбался. Особенно когда говорил с детьми Черчилля. Я очень хотел, чтобы меня ему представили. Но сам не посмел попросить.

Первым ушел Рузвельт. Вслед за ним вечер покинули другие американцы, а затем и Сталин со своей свитой. Банкет закончился в 2 часа ночи.

А на следующий день завершилась и сама конференция. К счастью, ничего неожиданного не случилось».

Рамаз Чхиквадзе...

Когда я переступил порог дома легендарного грузинского актера Рамаза Чхиквадзе, то первое, что увидел, – фотографию Сталина на стене. Честно признаюсь, был удивлен.

Но все быстро разъяснилось: оказалось, на фото изображен сам хозяин дома в гриме вождя. Чхиквадзе несколько раз играл Сталина в кино и на протяжении всей жизни собирал истории о нем.

Незадолго до смерти Рамаза Чхиквадзе мне удалось записать его воспоминания.

– Я никогда не был сталинистом. Просто несколько раз играя его в кино, встречался с людьми, которые Сталина близко знали, изучал много закрытых документов и понял для себя, что Иосиф Виссарионович вовсе не был таким демоном, каким его принято изображать.

Он был очень умным человеком. Модно писать о том, что он не предусмотрел начало войны с Гитлером. А я уверен, что он прекрасно знал о том, что война будет. Просто не мог допустить провокации. Для этого и не стягивал войска к границе. Да и что бы это дало? Сталин же отдавал себе отчет, что в военном отношении немцам на тот момент не было равных.

Сталин этого допустить не мог. Я играл его в фильме, который как раз рассказывал о жизни СССР до июня 1941 года. (Речь идет о фильме Евгения Матвеева «Победа», вышедшем на экраны в 1985 году. – *И.О.*). Советского посла в Германии играл покойный Владислав Стржельчик. Он говорил Сталину, что война с немцем неизбежна, об этом свидетельствуют и донесения Зорге, и действия самих немцев возле границы. Но Сталин не соглашался. А потом вдруг произносил: «Вы, думаете, один такой умный? В это просто нельзя верить СЕЙЧАС». Этот кадр из фильма вырезали. А я запомнил.

Зато потом, когда немцев подпустили к Москве, Сталин вызвал сибиряков. И когда вдали морозы и немцы погибали от холода, наши солдаты у них на глазах обтирались снегом и сводили их с ума.

А знаете, почему он подписал приказ сажать в лагеря тех, кто сдался в плен? Да потому что очень часто в плен сдавались те, кто не хотел жить при Советской власти. И эти люди с удовольствием сотрудничали с немцами.

Разумеется, расстреливать всех подряд было недопустимо. Но что Сталин мог сделать? Он же не знал о тех диких перегибах, которые допускались. Зато когда ему об этом становилось известно, он жестоко карал.

У наркома НКВД Ежова, как оказалось, существовала специальная разнарядка – сколько должно было быть репрессировано в каждом регионе СССР. То есть казнили не потому, что человек действительно был виноват, а для того, чтобы просто выполнить план. Так Сталин, когда узнал об этом, приказал Ежова расстрелять.

Мой отец работал в тбилисской консерватории. Когда директора арестовали, отец исполнял его обязанности. После того как начальника освободили, папа начал сочувствовать ему. А директор ответил: «Нет, они все правильно сделали, это я дураком оказался».

Его посадили за то, что он в компании рассказал политический анекдот. Да, это страшно, когда сажают за анекдоты. Но ведь таковы были реалии тогдашней жизни, и он об этом знал. Но все равно рассказывал такие анекдоты.

Поэтому и винил только себя, а не Сталина.

Зато Сталин сумел заставить Англию и Америку присоединиться к антигитлеровской коалиции. Заметьте, они сами его об этом попросили. Я прочел об этом в мемуарах Черчилля.

И кому мне прикажете верить? Черчиллю и какому-нибудь Суворову или другому автору, чьих родственников репрессировали и их пером движет обида на Сталина?

Я лично предпочитаю верить Черчиллю. И людям, которые близко знали Сталина.

Наш фильм снимали на подмосковной даче Сталина. Любопытно, что в то же время там снимались фильмы, в которых представляли Дзержинский, Горький, Молотов. Во время перерыва мы все шли в буфет что-то покушать. В очереди стояли все эти артисты.

Как только появлялся я, раздавался крик буфетчицы: «Пропустите товарища Сталина!» И меня обслуживали вне очереди. Мне неудобно было, я постою, говорю. «Ничего-ничего, товарищ Сталин. Что вы хотите? Гречиху? Гречиху товарищу Сталину!»

А как-то ехали на машине, я уже был в гриме. В Кунцево нас остановил милиционер. Увидев меня, он закричал и чуть с ума не сошел, так испугался.

Вообще была комедия! Ко мне подходили бывшие военные, которые снимались в массовых сценах. Они строевым шагом приближались и делали доклад: «Мы, товарищ Сталин, врагов били и ваши приказания исполняли!» Мне даже неудобно было.

Почитание Сталина, как я заметил, есть у русских. И оно до сих пор не то что прошло, а, наоборот, лишь растет.

Да и не был Сталин врагом. Вот я не могу понять логику: у меня дома работают 8 человек. И если они хорошо работают, помогают мне по-настоящему, зачем я буду их арестовывать? Я что, враг самому себе, что ли?

Матвеев, кстати, в своем фильме не снялся. Он должен был играть генерала, который докладывал Сталину о том, что его сын Яков убит. И не смог отсняться! Начиная плакать. Подойдет ко мне, начинает говорить, а у самого слезы. «Стоп!» – сам себе командует. Так и выбросили эту сцену из сценария.

Удивительное дело, но Сталин лично следил за тем, что происходит в кино. Когда ему принесли список картин, которые собираются снимать в Грузии, он лично вписал «Кето и Котэ», популярную тогда оперу. Фильм сняли, только получилась не опера, а музыкальная комедия.

В результате этот фильм Сталину показывать испугались – вдруг бы он спросил, почему сняли не оперу. Хотя фильм хороший получился, ему бы наверняка понравился.

Я близко дружил с Михаилом Чиаурели, и тот рассказывал мне, как Сталин смотрел его фильм «Великое зарево».

В этой картине роль Сталина играл Михаил Геловани.

В просмотровом зале на даче Сталина собралось все Политбюро, сам Миша сидел на последнем ряду. Наконец фильм закончился, все ждут, что скажет Сталин. А надо сказать, что в этом фильме Геловани изобразил вождя как безусловно положительного человека, просто ангела.

Включили свет, Сталин поднялся со своего места и молча пошел к выходу. Все Политбюро молчит и на всякий случай строго смотрит в сторону Чиаурели. Наконец Сталин произнес: «Нормальное кино, нужное». И все тут же бросились поздравлять Мишу: «Нужное, очень

нужное кино». А Сталин через минуту продолжил: «Только товарищ Сталин не такой красивый. И не такой глупый».

Геловани действительно изображал Сталина таким живым божеством. Но что вы хотите, таковы были требования времени.

Миша рассказывал, как однажды Сталин вызвал Геловани к себе да дачу. Когда за актером пришли и сказали, что его хочет видеть товарищ Сталин, Геловани не поверил. И решив, что его разыгрывают, сказал, что готов ехать к вождю немедленно. «Прямо в пижаме?» – спросили у него. «В пижаме!» – ответил Геловани, все еще не веря, что его правда повезут к Сталину.

О том, что все серьезно, он понял только тогда, когда лимузин въехал на территорию строго охраняемой дачи вождя. Но, что называется, уже было поздно.

Сталин сделал вид, что не замечает неподобающей одежды Геловани, и пригласил того к столу, за которым уже сидели другие актеры. Геловани сел рядом с Чиаурели и, выпив несколько бокалов вина, почувствовал наконец себя настолько свободно, что захотел сказать тост за Сталина. Но сколько бы раз он ни поднимался, Чиаурели усаживал его на место, а Сталин делал вид, что ничего не замечает.

В конце концов Геловани не выдержал и прямо обратился к Сталину: «Товарищ Сталин, я хочу выпить за вас, а Чиаурели не дает мне слова сказать!» Сталин посмотрел на Геловани и произнес: «Значит, товарищу Чиаурели виднее!»

Был такой актер – Алексей Дикий, очень хороший. И однажды ему тоже предложили сыграть роль Сталина. Понятно, что от таких предложений не отказываются. Вот только внешне Дикий был абсолютно не похож на Сталина. И каких бы усов ему ни приклеивали, сходства все равно не появлялось. Но фильм все-таки сняли, и он вышел на экраны.

Через несколько дней после премьеры на квартиру Дикого явился генерал и сказал, что актера приглашает товарищ Сталин: «У вас есть полчаса, чтобы собраться».

Дикий страшно испугался, что Сталин начнет ругать его за то, как он сыграл. И еще неизвестно, куда его потом повезут из Кремля. Чтобы как-то справиться со страхом, Дикий решил немного выпить, он вообще любил это дело. Открыл бутылку коньяка, налил себе рюмочку, выпил и сел возле дверей.

Наконец появляется тот же генерал и говорит, что товарищ Сталин занят и встреча переносится на более позднее время. Дикий увидел в этом дурной знак и, ожидая встречи со Сталиным, ту самую бутылку коньяку прикончил. Чего, мол, терять время, когда эта бутылка может оказаться последней в его жизни.

В результате в Кремль он приехал изрядно выпившим. Секретарь Сталина Поскребышев попытался было привести его в чувство, но не успел – Сталин просил пригласить Дикого.

Когда тот вошел в кабинет Сталина, вождь сидел за столом и работал. Увидев актера, поднялся ему навстречу и, пригласив к столу заседаний, предложил сесть и сам сел напротив него. Все это происходило в полном молчании.

Через полчаса Сталин вызвал Поскребышева, что-то сказал ему и опять замолчал. Еще через полчаса секретарь вошел в кабинет, поставил на стол бутылку коньяка, лимон и два стакана.

Дикий начал успокаиваться – если коньяком собираются угостить, значит, ругать не будут. А Сталин тем временем взял бутылку, налил себе, выпил и закусил лимончиком. Дикий сидит и не знает, что делать. Неужели ему самому надо наливать себе? И это при грузине?

А Сталин наливает себе вторую рюмку, выпивает, закусывает и опять молча продолжает смотреть на Дикого. Только после того, как Сталин выпил четыре рюмки, молчание было нарушено. «Вот теперь мы можем и поговорить», – сказал Сталин Дикому.

Из Кремля Дикий вернулся домой и очень счастливым. Оказалось, что Сталину его исполнение очень понравилось. А пил он один из-за того, что Дикий уже был заметно под-

шофе. «Как бы мы стали разговаривать – вы пьяны, а я трезв?» – объяснил в конце встречи свое поведение Сталин.

О съемках фильма, в котором Алексей Дикий сыграл Сталина, есть еще одна история. Она осталась в архиве писателя Юлиана Семенова, включившего ее в раздел «Ненаписанные романы»:

«...во время съемок очередной картины о Сталине заехавший на «Мосфильм» Роман Кармен увидел поразительную картину: народный артист Советского Союза Геловани, утвержденный решением Политбюро для исполнения роли генералиссимуса, шел перед камерой, а за ним, на корточках, семенили Зубов, игравший Молотова, и Толубеев, исполнявший роль Ворошилова. Изумленный Кармен спросил Чиаурели: «Миша, в чем дело?!» Тот ответил шепотом: «Никто не имеет права быть выше Сталина». Видимо, об этом стало известно генералиссимусу, потому что он вызвал министра кинематографии Большакова и сказал: «Сталин – русский человек, и играть его надлежит русскому. Мне нравится Алексей Дикий. Товарищ Каганович находит, что мы похожи, пусть он играет Сталина в новых картинах».

Превозмогая дерзостный страх, Большаков ответил: «Но ведь Дикий в свое время был репрессирован, товарищ Сталин! – «В свое время я тоже был репрессирован охранкой, – усмехнулся Сталин. – А ведь ничего, народ простил».

После появления на экране в образе Сталина, Алексей Дикий не стал актером одной роли. Он остался в восприятии зрителя и коллег прежде всего великим театральным актером. Об этом мне рассказывала народная артистка России Римма Маркова, для которой именно одобрение ее театральной работы со стороны Дикого было самой важной оценкой.

– А вообще для актера сыграть роль Сталина означало стать заложником одной роли, – продолжал народный артист СССР Рамаз Чхиквадзе. – Или же ему позволяли играть только положительных персонажей.

Мне в этом отношении повезло. Мало того, случались и курьезные случаи. Как-то наш театр имени Руставели приехал на гастроли в Москву со спектаклем про Великую Отечественную, в котором я играл роль Гитлера. А как раз в это время на экраны вышел фильм «Победа», в котором я играл Сталина. Причем так получилось, что мы гастролировали на сцене Малого театра, а в соседнем кинотеатре шла лента «Победа».

А я каждый раз, когда приезжал в Москву, звонил Филиппу Ермашу (председателю Государственного комитета СССР по кинематографии. – *И.О.*), он очень ко мне хорошо относился. Вот и в тот раз я набрал его номер.

– Филипп Тимофеевич, приходите на наш спектакль, я Гитлера играю.

Он чуть дар речи не потерял.

– Ты что творишь? – закричал в телефонную трубку. – Как ты смеешь?! Ты же только что Сталина сыграл! А теперь люди будут думать, что он такой же отрицательный герой, как и Гитлер, раз его один и тот же актер играет. Я тебе запрещаю играть Гитлера.

Но я, разумеется, все-таки вышел на сцену. Что мог мне сделать Ермаш? Я ему объяснил, что являюсь артистом и даже лягушку могу сыграть.

Во МХАТе мне играть не предлагали. Я даже и не думал об этом. Там один грузин уже был, Геловани, который играл Сталина. Ему же запретили играть другие роли. Только в «Кремлевских курантах» и выходил на сцену.

При том, что был неплохой артист. В грузинском кино даже вредителя успел сыграть. Но после того, как сыграл Сталина, все остальное играть запретили.

Я же вам говорю, такое время было. Такие глупости делали, что Сталин, узнав о них, посмеялся бы. Мне повезло – время изменилось.

На родине Сталина не очень почитали, потому что для Грузии он ничего особенного не сделал. Он был умный человек и никого не выделял. Следил, чтобы все было поровну.

Рассказывали, что когда Алексей Толстой писал «Петра Первого», то пришел к Сталину, который попросил документацию, о чем тот собирается писать. Толстой пришел и решил обрадовать вождя: мол, есть данные, что Петр был грузин по отцу.

Сталин пришел в негодование: «Вы что, с ума сошли? Единственный умный царь и того грузином делаете? Достаточно одного грузина. А то, может, вы еще Ивана Грозного грузином сделаете!»

При Хрущеве в Грузии запретили изучать родную речь и всех перевели на русский язык (На самом деле запрет на грузинский язык был введен еще в конце XIX века, когда все занятия в учебных заведениях должны были вестись строго на русском. Грузинский язык считался как «собачий» и преследовался. Студенты восприняли подобное решение правительства как унижение. Слушатель Духовной семинарии Тифлиса Иосиф Лагиашвили в 1886 году даже совершил убийство ректора Чудецкого. Подобный способ решения проблем вызвал у молодого семинариста Джугашвили восхищение. – *И.О.*)

У Хрущева ума не было совсем, он расколол общество. В Грузии прошло выступление в защиту Сталина. Не против СССР, а именно за Сталина и Ленина. Эти демонстрации были огромны, в них даже стреляли. В подземных переходах лежали трупы студентов – девушки и юноши прижимали к себе портреты советских вождей, которые были проткнуты солдатскими штыками. Стрельба началась на проспекте Руставели – рядом с нашим театром находится здание радиокомитета, куда, видимо, ребята хотели проникнуть. Мы слышали стрельбу и побежали туда из театра. Много погибших было. Было очень страшно. Тогда и случилось, наверное, одно из первых серьезных разочарований в советском строе.

В сталинские времена бывали, конечно, перегибы. Однажды человек не смог осушить литровый рог с вином, хотя тост был провозглашен за Сталина. Отговорился тем, что у него была операция на желудке. А кто-то потом узнал, что операцию тот человек не делал. И написал на него донос: мол, тот так не хотел выпить за Сталина, что даже операцию себе придумал. В результате несчастному дали 8 лет лагерей.

Если бы Сталин узнал, из-за чего этого человека арестовали, он бы наказал всех. Он же страшно не любил подхалимаж. Его самая любимая фраза была, когда он слышал похвалы в свой адрес: «К делу!»

Можно задаться вопросом: не любил подхалимаж, а как же Сталинград, который в честь него назвали? На эту тему даже Фейхтвангер писал. Он спросил Сталина об этом, и тот ему ответил: «Это не я, это люди придумали. А если им нравится, я не против». Он знал, как важно заставить людей полюбить главу государства.

И мы разве его не любили? Еще как! Что творилось, когда он умер! С какими распухшими от слез глазами шли мимо гроба. При этом никого же не заставляли идти прощаться со Сталиным.

И разве плохо, что любили? Лучше, чтобы презирали, как мы сейчас всех презираем?

В молодости Сталин был настоящим вором. С Камо они были мастера – нападали на инкассаторов и все награбленное отправляли Ленину. При этом сам Сталин ходил в драной шинели.

После революции Камо уничтожили. Тот хотел стать вторым человеком в ЦК, но на это не тянул. И его убрали. В Тифлисе случилась странная автокатастрофа – на велосипед Камо наехала едва ли не единственная в городе машине. Почти как у Шекспира в «Ричарде Третьем». Как все повторяется, да?

Сталин ведь и Бухарина простил, хотя все другие соратники были арестованы. Отправил во Францию, называл «Бухарчиком». А тот уехал и стал встречаться за границей с белогвардейцами и болтать лишнее. Сталину, разумеется, обо всем тут же донесли. И когда Бухарин вернулся, его арестовали и посадили. Тут уже Сталин ничего делать не стал. Было поздно. Мне кажется, все честно.

Личная жизнь Сталина была непростая. Первая жена от болезни умерла. Несчастливая женщина была. А со второй вот какая история получилась. Она очень хорошей женщиной была. Из такой семьи происходила, что если бы Сталин был неинтересным человеком, вряд ли она вышла за него.

Он был ростом маленький, ему на Мавзолее подставку ставили. А она яркая женщина была. Они хорошо жили. Но она стала влезать в партийные дела. А он этого терпеть не мог. Предупреждал ее: «Не лезь в это дело!»

Когда она приставала к нему с расспросами, почему он это делает так, а не так, Сталин ответил: «Не могу сейчас сказать, потом поймешь». Но Аллилуева продолжала лезть в политику.

В последний вечер на ужине у Ворошилова он ее по-горийски окликнул: «Э-эй», а ее это обидело. «Я тебе не эй!» – ответила она. Когда пришли домой, стали обиженно что-то выяснять. Перед сном принесла два стакана чая, он взял себе ее стакан, а свой отдал ей: «Не верю тебе».

И это ее совсем убило – ночью Надежда Аллилуева застрелилась.

Майя Кавтарадзе...

Впервые это имя я услышал осенью 1998 года в Москве, в доме актера Михаила Казакова. Говорили мы с ним о многом – театре, кино, литературе. Неожиданно Михаил Михайлович заговорил о Грузии.

Впервые в Тбилиси он оказался летом 1961 года во время гастролей театра «Современник», в котором тогда служил. Как водится, московских актеров каждый вечер приглашали в гости, угощали – развлекали. Кому было интересно, рассказывали о былом.

В один из вечеров Казаков оказался в гостях у знаменитого грузинского революционера, после советизации Грузии – председателя Совета народных комиссаров республики Серго Кавтарадзе. Его рассказы потрясли молодого актера. И дело было не в титулах нового знакомого, а в дружбе со Сталиным. Тогда же Михаил Казаков познакомился и с дочерью Серго – Майей.

Она была совсем юной девочкой, когда решилась вступить в переписку со Сталиным. О ней, дочери революционера и бывшей фрейлины императрицы Марии Федоровны княжны Софии Вачнадзе, мне и хочется написать.

В эту книгу она войдет под именем, которым подписывала свои письма Сталину, – «пионерки Майи Кавтарадзе».

Ее историю я буду рассказывать, основываясь на впечатлениях Михаила Казакова и воспоминаниях ближайшей подруги Майи Кавтарадзе Татули Гвиниашвили.

Ровесница Майи, Татули Гвиниашвили рассказывала:

– Серго был другом Сталина, они вместе учились в семинарии.

Еще до 1917 года между Сталиным и Кавтарадзе случилась ссора. Суть конфликта заключалась в споре, кому доверить партийную кассу. Серго считал, что деньги можно оставить одному честному человеку. Сталин был другого мнения и говорил, что кассу должен хранить только большевик.

Когда видный грузинский революционер Миха Цхакая тоже высказался за то, что деньги вполне можно оставить у пусть и не партийного, но верного человека, Сталин тут же переменял точку зрения и заявил, что сам считает так же. И именно в этом безуспешно пытался убедить Кавтарадзе.

Серго был обескуражен беспринципностью Сталина и, не сдержав эмоции, ударил товарища по лицу.

Придя спустя годы к власти, почти всех своих друзей Сталин перестрелял. А Сергея оставил в живых.

Он затем и поэта Шалву Нуцубидзе освободил. Для того чтобы тот сделал перевод Шота Руставели. Сталин показывал миру, что он появился на свет не в какой-нибудь дикой стране, а в Грузии, где уже в средние века жили и творили такие гении, как Руставели.

У нас была одна компания – Майя Кавтарадзе, я и Манана Кикодзе, тоже дочь сталинского друга юности Геронтия Кикодзе.

В 1937 году Серго Кавтарадзе арестовали. Как говорили, от гибели его спасла закорючка, которую Сталин поставил напротив его имени в расстрельном списке. Берия не смог понять, что имел в виду Сталин, а расспросить не решился.

Несколько лет Серго Кавтарадзе провел в сталинских лагерях. Сидела и его жена. А Майю определили в дом для беспризорных, ей 11 лет было. Все годы, пока не было отца, она писала письма Сталину. И подписывала их: «Пионерка Майя Кавтарадзе».

И однажды случилось чудо. Как иначе назвать то, что Серго Кавтарадзе был освобожден? Михаил Казаков, слышавший эту историю из первых уст, вспоминал:

– Бывшего сталинского друга назначили работать в книжное издательство. В ближайших планах был выпуск поэмы «Витязь в тигровой шкуре» в переводе Шалвы Нуцубидзе.

В тот вечер Кавтарадзе уже ложился спать, когда его неожиданно вызвали в Кремль. Войдя в кабинет Сталина, он приветствовал вождя, как водится, по имени-отчеству и с приставкой «товарищ». Сталин поднял голову из-за стола и возмутился: «Ты с ума сошел? Какой я тебе «товарищ Сталин»? Я для тебя – Коба, а ты для меня – Того».

Надо заметить, что еще во времена подпольной работы Сталин предложил Серго взять себе кличку в честь одного японского адмирала.

Хозяин кабинета пригласил Кавтарадзе к столу и принялся расспрашивать о том, как обстоят дела у него на работе.

Татули Гвиниашвили историю встречи двух революционеров слышала от дочери Серго:

– Сталин спросил у Кавтарадзе: «Где ты был все это время?» Тот ответил: «Сидел». – «Нашел время сидеть», – будто бы недовольно произнес Сталин.

После этого разговор пошел так, будто ничего не случилось.

Однако по грузинским обычаям примирение только тогда считается состоявшимся, когда обиженный приглашает обидчика в свой дом. Сталин, конечно же, помнил об этом и спросил, отчего Серго не приглашает его в гости.

Кавтарадзе с женой и дочерью жили в коммуналке, и принимать там столь высокого гостя было неудобно. Он попытался отсрочить приглашение, но, заметив обиду Сталина, сказал, что будет рад видеть Кобу в любое удобное для него время.

«Едем сейчас», – тут же ответил Сталин. И уже через несколько минут – Кавтарадзе жили на улице Горького, рядом с Кремлем – лимузины доставили друзей на место.

В изложении Казакова сцена появления Сталина в коммуналке вполне могла стать основой для фильма.

– Когда Серго позвонил в дверь, ему открыла заспанная соседка. Увидев на лестничной площадке Сталина, она в ужасе скрылась в своей комнате. А наутро рассказывала во дворе, что ее грузинский сосед так напился минувшей ночью, что заявился домой с портретом Сталина.

А Кавтарадзе, перешагнув порог своей комнаты, разбудил жену и сказал, что у них гость – Сталин. Женщина тоже не сразу поверила в происходящее. Сталин же, подойдя к ней, обнял и произнес: «Сколько ты вытерпела!» Потом было застолье, на которое доставили продукты из расположенного неподалеку ресторана «Арагви».

Майя Кавтарадзе, конечно же, запомнила ту ночь. И рассказывала о ней своей подруге. Слово Татули Гвиниашвили:

– Сталин спросил у Серго, где находится его дочь. Когда мать вывела Майю, Сталин потрепал ее по щеке и сказал: «А вот и пионерка Майя Кавтарадзе. Помню-помню».

Когда в Тбилиси в восьмидесятых годах приезжала Светлана Аллилуева, в качестве сопровождающих дочь Сталина была назначена Майя Кавтарадзе. Через несколько лет одна из газет написала, что к дочери Сталина была приставлена «полковник КГБ Кавтарадзе». Майя обиделась: «Почему полковник, если я давно генерал?» Как еще было реагировать на такую глупость?

Майя преподавала французский язык в Пушкинском институте в Тбилиси. Очень была приятная женщина, интеллигентная.

А ее двоих родных братьев расстреляли. И потом в Тбилиси удивлялись, как Серго мог простить Сталину гибель двоих сыновей? Кстати, в квартире Майи снимали фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние».

Великий фильм грузинского режиссера вышел на экраны в 1987 году, хотя был снят тремя годами раньше. Впервые в Советском Союзе с экрана звучала история о реалиях сталинских лет. Татули Гвиниашвили говорила, что во время демонстрации фильма в Москве возле кинотеатров стояли кареты «скорой помощи», которые почти никогда не пустовали.

В основу фильма Тенгиз Абуладзе взял несколько реальных историй. Одна из них рассказывала о выдающемся грузинском дирижере Евгении Микеладзе и его супруге Кетеван Орахелашвили.

Кетеван была дочерью председателя правительства Советской Грузии Мамии Орахелашвили, сменившего на этом посту ближайшего друга Сталина Серго Орджоникидзе.

Близость к Ленину и Сталину уберегла Мамию Орахелашвили от репрессий после выхода в 1926 году брошюры «Путь грузинского жирондиста», в которой он называл грузинских меньшевиков истинными демократами, а президента независимой Грузии Ноя Жордания – марксистом.

Однако фраза, брошенная им в 1931 году Иосифу Сталину, предложившему сделать вторым секретарем ЦК Грузии Лаврентия Берию: «Коба, я, наверное, ослышался? Мы не можем таким назначением удивить партийцев!», уже не прошла бесследно.

Берия пост получил, а Мамия Орахелашвили из руководителя республики был разжалован в научные сотрудники тбилисского Института марксизма-ленинизма. А в 1937 году арестован и расстрелян.

Мать Кетеван, Мариам Орахелашвили, после отставки мужа продолжала оставаться наркомом просвещения Грузии. В один из дней она увидела из окна, как с ее дочерью на улице разговаривает какой-то мужчина, в котором она, присмотревшись, узнала Лаврентия Берию. Выбежав из дома, Мариам увела дочь, сказав, что с такими людьми, как Берия, нельзя не только разговаривать, но даже здороваться.

В 1938 году Мариам Орахелашвили была арестована. Во время допроса, который вел сам Берия, она не выдержала и, схватив со стола следователя стеклянную пепельницу, запустила ее в главного чекиста. Берия достал пистолет и застрелил Орахелашвили.

Судьба ее дочери Кетеван была предрешена. Хотя поначалу все складывалось более чем счастливо. Знаменитая тбилисская красавица стала женой дирижера Евгения Микеладзе, художественного руководителя Тбилисского театра оперы и балета.

После возвращения с московских гастролей, во время которых работу артистов театра похвалил сам Сталин, Микеладзе приступил к репетициям новой оперы. Премьера прошла успешно. А вскоре Евгений Микеладзе уже сидел на первом допросе.

Кетеван Орахелашвили тоже арестовали. Спустя годы она вспоминала, как после очередного допроса ее вели в камеру и в тюремном коридоре она увидела двоих чекистов, на руках которых висело обезжизненное тело избитого арестованного. Лица его не было видно. Кетеван взглянула на волосы несчастного и вздрогнула – перед ней пронесли ее мужа. Лишь по буйной шевелюре она смогла узнать его. Больше своего Евгения она не видела.

В один из дней в тюрьму, где содержался Евгений Микеладзе, приехал Лаврентий Берия. Сталинскому любимцу вообще нравилось присутствовать на допросах. При этом свое появление палач каждый раз обставлял, словно играл в забавную игру. По воспоминаниям дочери Сталина Светланы Аллилуевой, для того, чтобы оставаться неузнанным, Берия надевал парик. В этот раз он был без грима. И тому были причины.

Описание последнего допроса великого дирижера оставил Юлиан Семенов в документальной книге «Ненапечатанные рассказы». Сын Евгения Микеладзе Вахтанг, ставший режиссером-документалистом, в своем фильме о Лаврентии Берии «Убийца моей семьи» приводит цитату из этой книги: «Ослепленного на допросах Микеладзе втащили в кабинет Берии. И тот сказал: «Дирижер, вас изобличили подельцы. У нас достаточно материалов, чтобы расстрелять вас и без официального признания. Но неужели вы не хотите облегчить совесть, выскоблить себя перед народом?» – «Товарищ Берия, – ответил великий музыкант. – Я ни в чем не виноват, и вам об этом прекрасно известно». – «Откуда ты узнал, что я Берия? Ты же слеп!» – «У меня абсолютный слух, Лаврентий Павлович, я узнаю любого человека по голосу».

И тогда Берия сказал тем, кто привез к нему гения грузинского народа: «Так вбейте ему гвозди в уши, чтобы он не мог никого узнавать по голосу!» И это сделали с Микеладзе. И Родина потеряла одного из лучших своих сынов».

Жена дирижера Кетеван Орахелашвили была сослана в АЛЖИР – Акмолинский лагерь жен изменников Родины. Вернувшись домой после семнадцати лет заключения, на жизнь Кетеван зарабатывала тем, что готовила торты, которые украшала замысловатыми узорами из крема. В фильме «Покаяние» режиссер Тенгиз Абуладзе почти дословно экранизировал эпизоды из жизни женщины.

Во время финального кадра, когда героиня Верико Анджапаридзе задает свой великий вопрос: «Зачем нужна дорога, если она не ведет к храму?», прототип Кетеван Орахелашвили как раз украшает праздничный торт кремовой фигуркой православного храма.

В 1956 году в Грузии начались процессы, на которых были реабилитированы незаконно осужденные жертвы. Бабушка моей жены, знаменитый грузинский врач София Буачидзе, не пропустила ни одного из этих страшных заседаний. Приходя домой, она пересказывала домашним реалии происходящего в стране всего несколько лет назад.

Ее саму тоже задела кровавая машина. Двоюродный брат Алексей, который учился в школе, случайно порвал портрет наркома НКВД Ежова. На перемене ребята рассматривали изображение главного чекиста и Алеша, попросив дать и ему взглянуть на «иконописный», как писали литераторы того времени, лик наркома, потянул фотографию к себе. И случайно оторвал уголок.

Ставшая свидетелем этого учительница тут же доложила о случившемся в органы, и школьник Буачидзе был арестован. Его продержали в тюрьме до 16 лет – возраста, с которого были разрешены расстрелы. И в день рождения юноши привели приговор в исполнение.

А Татули Гвиниашвили продолжает:

– После того сталинского визита в коммуналку на улице Горького семья Кавтарадзе получила отдельную огромную квартиру. А Серго был назначен заместителем министра иностранных дел СССР.

Что он чувствовал, никто не знает. Удивлялись, как Серго мог простить смерть сыновей. Но Майя никогда об этом не говорили. Видимо, такая для нее это была больная тема.

По воспоминаниям внука Серго Малхаза Жвания, после Великой Отечественной в Кремле состоялся прием, во время которого Сталин вдруг обратился к Кавтарадзе по-грузински: «А помнишь, как ты меня ударил? Еще лампа керосиновая разбилась, ведь пожар мог начаться». И засмеялся.

Всю ночь семья Кавтарадзе ждала ареста. Но все обошлось. А Серго назначили послом СССР в Румынии. Майя рассказывала мне, как навещала отца. Как-то ее представили королю,

и тот пригласил дочь советского посла на бал во дворец. Но Майя в тот же вечер должна была улетать в Москву. Расстроившись, она топнула ножкой: «Вы не могли мне об этом сказать хотя бы вчера?»

Серго Кавтарадзе так растерялся, что смог только и сказать дочери по-грузински: «Майя, перед тобой же король!»

Родной брат Серго, Петре Кавтарадзе, был составителем грузинского словаря. Его женой была красавица Анико, первая женщина-врач Грузии. Католикос-Патриарх Всея Грузии Калистрат сказал мне как-то: «В ложе стояла Анико, на ней был ободок, и она была очень красива!» Меня так удивили эти слова, услышанные от Католикоса.

Серго и Анико вместе учились в институте в Петербурге. Как-то в перерыве между занятиями они заглянули в кафе. В это же время туда зашли муж с женой, страшно убитые горем, заказали кушанья, но так и не дотронулись до них.

Серго и Анико говорили друг с другом по-грузински. И та пара не могла от них отвести глаз. Когда они уже позавтракали и встали, муж с женой решились к ним обратиться: «На каком языке вы говорите? У нас страшное горе: нам сказали, что жизнь нашего единственного сына висит на волоске. Ваша красота на несколько минут позволила нам забыть о своем горе, и мы вас благодарим за это».

Петре Кавтарадзе потом расстреляли, а Анико выслали.

Михаил Казаков оказался связан с красавицей Анико родственными узами – он женился на ее внучке. А потому не раз виделся с Серго Кавтарадзе и после первой памятной встречи в 1961 году.

Вновь и вновь Кавтарадзе рассказывал ему о встречах со Сталиным. И каждый раз, как отмечал Михаил Михайлович, воспоминания были полны уважением к вождю.

Так получилось, что именно Грузия явила миру Сталина. И парадокс – именно в этой стране, кажется, не осталось ни одной семьи, в которой не было бы пострадавших от репрессий, творимых всесильным земляком. Но еще большая загадка для меня заключается в отношении грузин к палачу их родных и близких.

Дочь художника Кирилла Зданевича, первооткрывателя и биографа Пиросмани, поведала мне удивительные истории о своей семье. Ее родной дядя Илья эмигрировал из Грузии и, оказавшись в Париже, стал директором фабрики Коко Шанель. А отец, художник-футурист Кирилл Зданевич, был репрессирован. За то, что в его доме нашли бутылку из-под виски.

Органами был сделан «соответствующий» вывод – если есть виски, значит, бывают иностранцы, а раз так, значит, хозяин дома – иностранный шпион. Зданевич несколько лет провел в лагере в Воркуте.

Сомнений в его невиновности, конечно же, ни у кого не было. По политической статье в те годы сидели десятки тысяч. При этом когда Мирель Кирилловна рассказывала мне о заключениях отца, она неизменно добавляла: «Но Сталина я осуждать не буду. Что хотите со мной делайте, но у меня к нему неизменно хорошее отношение. Можете меня за это даже арестовать».

Впрочем, конечно же, говорить о том, что все грузины боготворят своего земляка, будет большой неправдой.

Тамара Гвиниашвили, дочь четырежды (!!!) репрессированной княжны Бабо Дадияни и расстрелянного Александра Масхарашвили, рассказывала:

– К Сталину, как ни странно, многие относятся хорошо. Такое случается даже в семьях репрессированных.

Говорят о том, каким Сталин был великим и как умело правил огромной страной.

Да он потому и правил, что сумел насадить жуткий страх, который парализовал волю миллионов.

Я лично слышала историю, которую рассказал близкий друг Сталина. Они, тогда ученики семинарии, пришли на Куру. Вода еще была холодной, несмотря на май, и ребята стали просто во что-то играть на берегу.

На другой стороне реки на только что взошедшей зеленой траве паслись коровы. Вокруг одной бегал теленок маленький – отбежит, пощиплет траву, возвращается к матери, и так по кругу. Сталин смотрел-смотрел на это, а потом разделся, переплыл реку, схватил теленка и все ноги ему перебил.

Это ли не варварство? Вот вам и великий Сталин.

Рассуждать о «величии» Сталина с грузинами мне приходилось не раз. Помню, я оказался за столом в компании увенчанных званиями и народной любовью грузинских ученых и писателей. И задал вопрос, кого они считают самым великим грузином в мире – за всю историю своей страны.

Ответы были различны – Шота Руставели, царица Тамара, Илья Чавчавадзе, Нико Пиромани. Имя Сталина не назвал никто. Оно прозвучало из моих уст: «Если бы самым великим грузином был Руставели, мы жили бы в другом мире. Разве не Сталин самый великий и известный в мире грузин?»

На меня ополчился весь стол. Однако в завершении трапезы едва ли не половина из присутствующих на ней подошла ко мне и тихо призналась: «Пожалуй, вы правы. Только не говорите об этом моей жене/ соседу/ другу/ знакомому».

Что же такое с нами происходит, если мы, зная обо всем, что случилось в роковые для миллионов 30–40–50-е, все равно считаем Сталина самым великим грузином?

Под «нами» имею в виду все национальности – не только главного героя этой книги и ее автора. Мне рассказывали, как несколько лет назад в Грузию приехали представители Дома Романовых, не стану уточнять, кто именно, ибо история была передана практически из первых уст.

Тамадой был назначен известный грузинский политик, которого то и дело подзуживали произнести тост за Сталина. Мужчина, надо отдать ему должное, отказался. Однако когда он предоставил слово для завершающего тоста гостям, великая княгиня – к удовольствию большинства присутствующих – вдруг предложила выпить за Сталина. Потому что даже в восприятии членов Царского Дома он является императором, ибо значительно увеличил земли бывшей Российской империи.

И в заключение еще одна история, которую мне поведали на родине Сталина. Это готовый сюжет для художественного рассказа, но только все, что в нем будет изложено, – правда.

Нина Н. родилась и всю жизнь прожила в Батуми. В школу пошла в 1952 году. Всем первоклашкам учителя говорили, что если они станут хорошо учиться, их отправят в Москву. А там, в Кремле, дедушка Сталин самых лучших возьмет на руки.

Нина сразу представила, как убежденный сединой вождь (у ее дедушки были точно такие же усы, как у Сталина) именно на нее обратит свое внимание, она увидит – близко-близко – его родное лицо, а еще сможет дотронуться до пуговиц на его кителе: блестящих, в которых наверняка отражается солнце, голубое небо и белые облака, плывущие над Кремлем.

5 марта 1953 года занятия в школе отменили. По радио объявили, что «скончался Сталин». Нина тогда не знала, что означает это слово, а потому не понимала, отчего так грустят и даже плачут взрослые. Потом, уже на улице, она услышала слова соседки о том, что вождь и учитель «умер».

Это слово Нина знала – на прошлой неделе у нее как раз умерла морская свинка. И мама объяснила, что больше Нина свою любимицу не увидит.

Получается, и Сталина больше нет. А значит, никто не возьмет ее на руки и она уже никогда не увидит отражение голубого неба в золотых пуговицах на мундире генералиссимуса.

Но грустно Нине не было. Потому что теперь она могла громко сказать о том, что на самом деле больше всех на свете любит не товарища Сталина, как ее учили в школе.

А своего дедушку, у которого были такие же усы, даже лучше, и который поднимал ее на руках каждый день вне зависимости от того, какие оценки она принесла из школы.

Глава 6. Ищите женщину!

(Оболенский И.В. Мемуары матери Сталина. 13 женщин Джугашвили)

В феврале 1950 года в Кремль доставили приглашение. На дорогой бумаге золотыми буквами было набрано: премьер-министр Китая приглашает на прием в гостиницу «Метрополь» генералиссимуса Сталина «с супругой».

В посольство Китая в ответ было послано уведомление о том, что господин Сталин не женат, он вдовец.

Через два года, в сентябре 1952 года, в Кремль доставили новое приглашение. На прием от имени премьер-министра Китая и вновь на имя «генералиссимуса Сталина с супругой».

Китайцы отказывались верить, что у повелителя одной шестой суши нет женщины. И правильно делали.

Генералиссимус Сталин один никогда и не был.

Роза Каганович

Согласно официальной биографии, принято считать, что самой большой любовью Сталина были две его официальные жены. При этом поговаривали, что причиной самоубийства Надежды Аллилуевой стало увлечение Сталина другой женщиной – родственницей его соратника Лазаря Кагановича Розой.

Сын Лаврентия Берия Серго прямо пишет об этом в своих мемуарах:

«Сестра или племянница Кагановича Роза не была женой Иосифа Виссарионовича, но ребенок от Сталина у нее был. Сама же она была очень красивой и очень умной женщиной и, насколько я знаю, нравилась Сталину. Их близость и стала непосредственной причиной самоубийства Надежды Аллилуевой, жены Иосифа Виссарионовича. Ребенка, росшего в семье Кагановича, я хорошо знал. Звали мальчика Юрой. Мальчишка очень походил на грузина. Мать его куда-то уехала, а он остался жить в семье Каганович».

Верить или нет сыну сталинского наркома?

Марфа Пешкова, бывшая жена Серго Берия, признает, что Серго любил иногда присочинить, а потому принимать все изложенное в его книге за стопроцентную правду нельзя.

Но что касается отношений Сталина с Розой Каганович, в их существование Марфа Максимовна как раз верила. Правда, замечала, что, скорее, подобные отношения ограничивались всего лишь физической связью.

Наталья Львова

Была в окружении Сталина и еще женщина, которая оказалась приближена к нему, как никто другой. При этом никаких плотских отношений между ними не существовало.

О Наталье Львовой мне поведала одна тбилисская старушка, попросившая не называть ее имя. Занятие моей знакомой довольно оригинально: она колдунья. Хотя в Грузии этим никого не удивишь.

Недаром даже в пьесе Михаила Булгакова «Батум», посвященной молодости Сталина, есть эпизод, когда прорицательница-цыганка предсказывает юному Сосо блестящее будущее. Почему-то у меня нет никаких сомнений в том, что такая сцена вполне могла иметь место и в реальной биографии вождя.

Наталья Львова была дочерью знаменитой петербургской прорицательницы Елены Львовой, в свое время предсказавшей гибель Российской империи в случае, если трон достанется слабовольному сыну Александра Третьего. В 1917 году пророчество сбылось.

Дальняя родственница князя Львова, председателя Временного правительства, Наталья жила в Петрограде, во время Первой мировой служила сестрой милосердия. Когда власть изменилась, она осталась в России и продолжала принимать клиентов в своей питерской квартире.

Среди ее знакомых была поэтесса Анна Ахматова, которая не раз становилась свидетельницей сеансов Львовой. Ахматова писала в своем дневнике: «Наталья Львова при мне выгрызла зубами грыжу у четырехмесячного ребенка. Это была настоящая операция плюс множество заклинаний и какой-то сложный обряд. Ребенок выздоровел».

Другим знакомым Львовой был первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии Сергей Киров, ближайший друг Сталина. Именно Сергей Миронович и доставил весной 1930 года Львову в Москву.

Хозяин Кремля верил в существование оккультных наук и мистику. Он был не единственным в руководстве партии, кто всерьез рассматривал экстрасенсов и прочих магов и колдунов как возможных помощников в партийной борьбе. В свое время сам Феликс Дзержинский, главный чекист Страны Советов, поручил своему заместителю Глебу Бокия заниматься созданием специальной парапсихологической лаборатории. Говорили, что идеей Бокия, одного из создателей ГУЛАГа, было обнаружение Шамбалы, мистической страны в Тибете, и использование ее тайн для окончательной победы коммунизма во всем мире.

Возможно, не случайно, что подобная миссия была возложена на уроженца Тифлиса. Начальник спецотдела НКВД Глеб Бокия был в курсе учений Георгия Гурджиева, знал о Елене Блаватской – биографии этих знаменитых мистиков XX столетия тоже были связаны со столицей Грузии.

Но это уже совсем другая история.

Вернемся к Наталье Львовой. Оказавшись в Москве, она не раз бывала в кремлевском кабинете Сталина и на его дачах, где проводила «чистку» помещений от дурного глаза. Говорили, что колдунья также пыталась оказать влияние на политических противников Сталина. Судя по тому, что победа в борьбе за власть и влияние осталась именно за вождем Кремля, колдунья не зря занимала огромную квартиру в центре Москвы и пользовалась всевозможными благами, которые полагались лишь первым лицам страны.

Среди прочего Львова посоветовала Сталину не указывать точную дату своего рождения, чтобы противники не могли составить его гороскоп. Не исключено, что именно после рекомендаций Львовой в биографиях вождя стали фигурировать сразу несколько дат его появления на свет.

Выросший в Грузии, где и сегодня многие верят всевозможным магам и ведуньям, Сталин отдавал должное Наталье Львовой. С ее именем связывают некоторые парадоксальные, в том числе и кадровые, решения вождя, которые почти всегда оказывались верными.

Подробности биографии самой Натальи Львовой (известно лишь, что ее не стало в 1939 году) по-прежнему овеяны тайной.

В Тбилиси мне удалось разузнать лишь несколько фактов, которые я и привел выше. Но без упоминания имени Натальи Львовой разговор о женщинах в жизни Сталина был бы неполный.

На эту тему рассуждал и великий грузинский актер Рамаз Чхиквадзе:

– Говорили, что после смерти второй жены у Сталина было много женщин. Неправда. Я видел людей, которые с ним работали. Они рассказывали, что только какое-то время, где-то полгода, к нему приходила женщина, невзрачная такая, с портфелем. «Но она настолько неинтересной была, что вряд ли между ними был роман», – говорил мне комендант сталинской дачи.

Но потом у него появилась хорошая русская баба, проверенная, про которую все знали. Она ему белье стелила, ничего не понимала в политике, не задавала никаких вопросов, а палец

покажешь – заливалась смехом. А ему и была нужна простая хохотушка. Вот с ней у него и был роман.

Сталин же был мужчиной. Когда ему доложили, что у одного из советских генералов много баб, и спросили, как с ним следует поступить, Сталин ответил: «А ему надо позавидовать!»

Валентина Истомина

Той самой женщиной-хохотушкой, о которой идет речь, была Валентина Истомина. Свою «карьеру» в ближнем круге вождя она начала в 1935 году. Ее первым местом работы стала дача в Зубалово, где Сталин бывал лишь наездами. А посему можно предположить, что выполнять особые обязанности Валентина начала лишь в последние годы жизни Сталина, когда ее перевели на Ближнюю дачу, в Кунцево.

Настоящая русская красавица, порой Истомина покидала спальню вождя в пять утра. Об этом Рамазу Чхиквадзе тоже рассказывал комендант.

Потрясающие слова об Истоминой произнес в интервью Феликсу Чуеву Вячеслав Молотов, возглавлявший Министерство иностранных дел СССР в 1939–1949 и в 1953–1956 годах:

«Валентина Истомина? Да, была такая на даче. Приносила посуду. А если и была женой, кому какое дело? Я вот читаю, как Энгельс к этому просто относился. У него не было формально жены. Он жил со своей хозяйкой-ирландкой. А жениться ему было некогда. Так почему Сталину нельзя?»

Официально должность Истоминой звучала как «сестра-хозяйка». Добрыми словами о ней вспоминала и Светлана Аллилуева:

«Молоденькая курносая Валечка, рот которой целый день не закрывался от веселого, звонкого смеха».

Светлана отмечала, что именно Истомина была тем человеком, который горше всех оплакивал смерть диктатора.

«Пришла проститься Валентина Васильевна Истомина, Валечка, как ее все звали, – экономка, работавшая у отца на этой даче лет восемнадцать. Она грохнулась на колени возле дивана, упала головой на грудь покойнику и заплакала в голос, как в деревне. Долго она не могла остановиться, и никто не мешал ей.

Все эти люди, служившие у отца, любили его. Он не был капризен в быту, – наоборот, он был непритязателен, прост и приветлив с прислугой, а если и распекал, то только «начальников» – генералов из охраны, генералов-комендантов. Прислуга же не могла пожаловаться ни на самодурство, ни на жестокость, – наоборот, часто просили у него помочь в чем-либо и никогда не получали отказа. А Валечка – как и все они – за последние годы знала о нем куда больше и видела больше, чем я, жившая далеко и отчужденно. И за этим большим столом, где она всегда прислуживала при больших застольях, повидала она людей со всего света.

Очень много видела она интересного, конечно, в рамках своего кругозора, – но рассказывает мне теперь, когда мы видимся, очень живо, ярко, с юмором. И как вся прислуга, до последних дней своих, она будет убеждена, что не было на свете человека лучше, чем мой отец. И не переубедить их всех никогда и ничем».

Светлана права – людей, взращенных «на» и «при» Сталине, переубедить часто действительно невозможно. Для большинства из поколения тех, кому сегодня за семьдесят, Иосиф Виссарионович по-прежнему Царь и Бог.

Тот же Рамаз Чхиквадзе, говоря о Сталине, рассказывал мне эпизоды, создающие святочный образ вождя всех времен и народов. При том, что сам актер в качестве предисловия открестился от звания «сталиниста», которым его могли бы наградить.

– Во время работы над фильмом «Победа» я познакомился с комендантом сталинской дачи, проработавшим много лет с самим Сталиным.

25 лет этот человек находился рядом со Сталиным, был к нему очень приближен, читал почту, еду накладывал и так далее.

Он нам очень интересные вещи рассказывал. Называл только «отец» и каждый раз со слезами на глазах. Не дай Бог что-то плохое о Сталине сказать. «Как вы можете, если не видели его в глаза? Он был самый добрый человек, думал только о том, как сделать лучше».

По его словам, Сталин был удивительно скромным человеком. Самыми любимыми его блюдами были щи и чай. Иногда просил принести ему свежую баранину, которую сам надевал на шампура и жарил в камине. Когда узнавал, что баранину ему привозили из Грузии, страшно возмущался: неужели, мол, под Москвой невозможно найти 200 грамм мяса и надо посылать за ним самолет?

На его даче было несколько комнат, в которых он попеременно спал. Брал с собой плед и мутаку – маленькую грузинскую подушку, и ложился. Причем спал очень мало, часа по четыре ночью и потом еще днем мог лечь вздремнуть на час.

Ел он тоже очень мало. Мог весь день пить чай с бутербродами, ну и один раз пообедать. И постоянно контролировал расходы на себя. Вызывал к себе коменданта и если узнавал, что вместо положенных, к слову скажем, 20 рублей на него истратили 23, приходил в негодование. Как это, мол, возможно тратить такие деньги?!

Комендант рассказывал мне, как однажды прачка забрала носки Сталина, так как на одном из носков появилась маленькая дырочка. Взамен ему положили новую пару. Когда Сталин это обнаружил, то вызвал коменданта и потребовал вернуть ему старую пару.

«Неужели нельзя заштопать маленькую дырочку?» – возмущался он.

К счастью, носки не успели выбросить – их забрала себе прачка. Срочно поехали к ней домой, привезли носки и принесли их Сталину. Он был очень доволен и потом часто говорил коменданту, что до сих пор носит те носки и они исправно ему служат. Так что в быту он был чрезвычайно скромен.

Зато когда приглашал гостей, то любил, чтобы стол был накрыт богато. Однажды у него были писатели. Сидевший рядом со Сталиным Михаил Шолохов заметил, что всем остальным наливают водку из бутылки, а Сталину – из особого графинчика. И вот, когда Сталин вышел в соседнюю комнату поговорить по телефону, Шолохов не удержался и налил себе водки из сталинского графинчика. Правда, выпить не успел, так как вернулся хозяин.

Подняли очередной тост, и Шолохов с удивлением почувствовал, что у него в рюмке налита обыкновенная вода. А Сталин, которому, конечно же, доложили о том, что писатель налил себе из его графинчика, повернулся к Шолохову и усмехнулся: «Ну что, крепкая?»

В последние годы жизни Сталин приезжал отдыхать на курорт, расположенный неподалеку от Боржоми. Однажды решил собрать там всех своих старых друзей, которых знал еще по жизни в Грузии.

Один из пришедших стариков принялся восхвалять Сталина: «Ты, Иосиф, бессмертный!» Сталин перебил его: «Бессмертный – это ты. Потому что когда тебя не станет, тебя по-доброму будут вспоминать сначала твои дети, потом внуки, а затем правнуки. А когда я умру, меня начнут проклинять. И поймут, может быть, только через полвека после смерти».

От своего другого старого друга Петре Сталин узнал, что тот строит в своей деревне дом и ему не хватает на то, чтобы перекрыть крышу. Сталин отдал ему все деньги, которые у него были при себе. А остальное, сказал он, я пришлю тебе со следующей зарплаты.

Он и соратников своих заставлял так жить. Мне рассказывали историю, как Сталин узнал о том, что летчик-герой Папанин выстроил себе под Москвой огромную дачу. «Почему же на новоселье не приглашаешь?» – спросил он Папанина. Тот, разумеется, немедленно пригласил, мол, это такая честь.

Сталин в тот же день взял с собой членов Политбюро и поехал на эту дачу. Посмотрел огромный особняк, похвалил, а потом во время застолья поднял тост: «Давайте поблагодарим товарища Папанина за этот прекрасный детский дом!»

Что было Папанину делать? Конечно же, он отдал дачу детскому дому. А потом услышал от Сталина: «Как ты посмел себе такие хоромы построить? Ты же видел, как рядом простые крестьяне живут! Что они о тебе потом говорить будут, не подумал? А надо думать!»

У писателя Юлиана Семенова была другая информация о взаимоотношении Сталина с деньгами и его заботе о крестьянах.

Однажды во время войны Верховный Главнокомандующий отправился на линию фронта. Для ночлега ему подыскали единственный уцелевший дом в пятидесяти километрах от передовой. Когда наутро следующего дня Сталин собирался в Москву, то неожиданно обратился с вопросом к своему помощнику, отблагодарили ли хозяев за то, что они предоставили свой дом ему, а сами провели ночь у соседей в землянке.

Услышав отрицательный ответ, вождь пожурил генерала:

– Очень плохо. Человек, лишенный чувства благодарности, бездуховен. Конечно, особенно баловать крестьян не следует, но отмечать доброе дело – должно. Дайте им в подарок от генерала Иванова денег.

– Слушаю, товарищ Сталин. Сколько?

– Сто рублей, пожалуй, слишком много, – задумчиво ответил Сталин. – А вот тридцать передайте им от меня – в хозяйстве пригодится.

Чтобы понять масштаб щедрости Сталина, Семенов пояснял, что в то время буханка хлеба стоила на рынке пятьсот рублей.

Так что экономный и скромный в быту товарищ Сталин бывал и таким.

Впрочем, к самым близким людям он относился точно так же. Как-то в первые недели войны Сталин и начальник Генерального штаба Василевский были заняты планированием наступательных операций Советской Армии. В дверях кремлевского кабинета вождя появился его верный секретарь Поскребышев.

– Товарищ Сталин, вам письмо от сына.

– Какого сына? У меня трое сыновей на фронте.

– От Василия, товарищ Сталин.

– Скажи коротко, что он пишет.

– Пишет, что чувствует себя хорошо, точно выполняет приказы командиров, беспощадно истребляет врага в воздухе. И что есть маленькая просьба.

– Какая просьба?

– Пусть отец пришлет немного денег. В части открылся буфет, к тому же хочет сшить новую офицерскую форму.

Василевский тут же поддержал: «Абсолютно законная просьба, товарищ Сталин! Василий заслуживает этого».

Сталин ответил: «Конечно, заслуживает». И обратился к Поскребышеву: «Пишите».

Секретарь открыл блокнот и записал: «Первое. Как известно, строевой паек офицера в военно-воздушных частях Красной Армии совершенно достаточен! Второе. Особенная форма для сына товарища Сталина не предусмотрена! Подпись – Верховный Главнокомандующий».

Приемный сын вождя Артем Сергеев (вместе с которым, по подсчетам Сталина, и выходило трое детей) замечал, что единственная привилегия, которую они ощутили на себе во время войны, заключалась в том, что Сталин позвонил в комиссариат и потребовал, чтобы его сыновей первыми призвали на фронт.

И вновь воспоминания Рамаза Чхиквадзе:

– Женщины Сталина – длинный разговор, ведя который мы можем сделать немало ошибок. О чем точно могу говорить, так это о последнем дне Сталина. Об этом мне известно от того

самого коменданта. Мне удалось вывести его на разговор о том, что стало причиной смерти Сталина.

Первое время комендант отвечал: «Сейчас я об этом не имею права говорить. Все знает Юрий Андропов. Он напишет, и всем все станет известно». И если рассказывал что-то, то исключительно подобные вещи: «Я охранял покойника, здесь вот он лежал, тот-то и тот-то приходили».

Андропов, кстати, был большим сталинистом. От него к режиссеру фильма Евгению Матвееву приходил человек и интересовался, как дела со съемками, следил, чтобы в фильме ничего не было против Сталина. Но не успели мы закончить картину, как Андропов умер. И так он ничего и не открыл про смерть Сталина. Хотя комендант говорил: «Андропов все знает. Он со мной ходил по каждой комнате и все записывал – кто был, с кем встречался и так далее».

Сам этот комендант уже был на пенсии. Говорил: «Если бы не убрали Берию, он бы меня уничтожил». Его самого после смерти Сталина выслали из Москвы, и он каждый день ждал ареста.

Много интересного нам поведал. Спал Сталин всегда в разных комнатах, боялся. Видимо, все люди, облеченные большой властью, становятся параноиками. Боятся убийства и своих старших сыновей.

Когда приходили гости, Сталин сам ставил тарелки, проверял – вкусно или нет. А гости бывали самые разные – от научных работников до педагогов и писателей.

Никогда не начинал деловых разговоров, пока гости 3–4 бокала не выпивали и не становились более свободными. Тогда уже начинался разговор по делу.

Как-то Сталин пригласил гостей и поблагодарил каждого. Только одному молодому наркомуну заметил: «А у вас плохие показатели». И расписал, в чем причина такой плохой работы.

После этого предложил: «А сейчас давайте отдохнем, пока хозяйки нам накроют чай. Кто из вас в бильярд играет?»

Оказалось, что только этот молодой человек. А Сталин, как оказалось, играл неплохо. И они вдвоем стали играть – разумеется, выигрывает Сталин. Кладет шары и говорит: «Вот, вы такой же нарком, как бильярдист». 8–3 счет был.

А вторую партию этот парень выиграл. Сталин положил кий и сказал: «Вот и видно, что вы в министерстве больше ничем, кроме бильярда, не занимаетесь».

И все-таки комендант нам одну историю рассказал. Только говорить об этом нельзя. Нельзя писать, потому что слышали эту историю четыре человека – оператор фильма, Евгений Матвеев и я с моей женой Наташей. Или рассказать? Ну, слушайте.

«Я, – вспоминал комендант, – проверял помещения второго этажа. Вдруг слышу – крик Сталина. Я ничего не понял! Он даже во время войны не кричал, говорил строго, но не громко. У меня чуть инфаркт не случился, еле дотасил ноги до каминной комнаты. Там сидел Берия и стоял Сталин, кулаком затыкавший ему рот: «Убирайся отсюда, я тебя в порошок сотру». Через неделю Сталин умер».

Мы стали интересоваться, как это произошло. Тем более что комендант говорил, что Сталин хорошо выглядел, когда в последний раз у него Хрущев и другие члены Политбюро были.

Мужчина ответил: «Книга у него была и одеяло. Вошел он в комнату, мы поставили караул у дверей. Обычно он мало спал, иногда просил что-то принести. А тут молчит. Мы заглянули и увидели, что он на полу лежит. Тогда мы и начали трубить».

А потом добавил: «Все подробности я рассказал только Андропову, а меня об этом не спрашивают».

Единственное, что сказал: «В последнюю ночь он взял с собой книгу. Он же в день по 400 страниц читал. А страницы переворачивал, смачивая палец во рту».

Больше комендант ничего не сказал. Но мы подумали – может, книга была отравлена? Раз Берия с Хрущевым уже дрожали, что Сталин их может раздраконить.

Глава 7. «Переплавка» Кобы

(Троцкий Л. Сталин. Опыт политической биографии. Том 1)

Обратимся к любопытной книге Л. Троцкого «Сталин. Опыт политической биографии». Воспоминания и размышления этого политического деятеля ценны тем, что образ Сталина дается в них с учетом масштабного и весьма противоречивого исторического контекста. Итак, вот что пишет автор в одной из глав: «1917 год... Это был самый важный год в жизни страны и особенно того поколения профессиональных революционеров, к которому принадлежал Иосиф Джугашвили. На оселке этого года испытывались идеи, партии и люди.

Сталин застал в Петербурге, переименованном в Петроград, обстановку, которой он не ждал и не предвидел. Накануне войны большевизм господствовал в рабочем движении, особенно в столице. В марте 1917 года большевики оказались в Советах в ничтожном меньшинстве. Как это случилось? В движении 1911–1914 гг. участвовали значительные массы, но они составляли все же лишь небольшую часть рабочего класса. Революция подняла на ноги не сотни тысяч, а миллионы. Состав рабочих обновился к тому же благодаря мобилизации чуть ли не на 40 %. Передовые рабочие играли на фронте роль революционного бродила, но на заводах их заменили серые выходцы из деревни, женщины, подростки. Этим свежим слоям понадобилось, хоть вкратце, повторить тот политический опыт, который авангард проделал в предшествующий период. Февральским восстанием в Петрограде руководили передовые рабочие, преимущественно большевики, но не большевистская партия. Руководство рядовых большевиков могло обеспечить победу восстания, но не завоевание политической власти. В провинции дело обстояло еще менее благоприятно. Волна жизнерадостных иллюзий и всеобщего братания при политической неграмотности впервые пробужденных масс создала естественные условия для господства мелкобуржуазных социалистов: меньшевиков и народников. Рабочие, а за ними и солдаты, выбирали в Совет тех, которые, по крайней мере на словах, были не только против монархии, но и против буржуазии. Меньшевики и народники, собравшие в своих рядах чуть ли не всю интеллигенцию, располагали неисчислимыми кадрами агитаторов, которые звали к единству, братству и подобным привлекательным вещам. От лица армии говорили преимущественно эсеры, традиционные опекуны крестьянства, что не могло не повышать авторитет этой партии в глазах свежих слоев пролетариата. В результате господство соглашательских партий казалось, по крайней мере им самим, неизбежным.

Хуже всего было, однако, то, что большевистская партия оказалась событиями застигнута врасплох. Опытных и авторитетных вождей в Петрограде не было. Бюро ЦК состояло из двух рабочих, Шляпникова и Залуцкого, и студента Молотова (первые два стали впоследствии жертвами чистки, последний – главой правительства). В «Манифесте», изданном ими после февральской победы от имени Центрального Комитета, говорилось, что «рабочие фабрик и заводов, а также восставшие войска должны немедленно выбрать своих представителей во Временное революционное правительство». Но сами авторы «Манифеста» не придавали своему лозунгу практического значения. Они совсем не собирались открыть самостоятельную борьбу за власть, а готовились в течение целой эпохи играть роль левой оппозиции».

Проследим за мыслью Троцкого далее: «Массы с самого начала решительно отказывали либеральной буржуазии в доверии, не отделяя ее от дворянства и бюрократии. Не могло быть, например, и речи о том, чтоб рабочие или солдаты подали голос за кадета. Власть оказалась полностью в руках социалистов-соглашателей, за которыми стоял вооруженный народ. Но не доверяющие самим себе соглашатели добровольно передали власть ненавистной массам и политически изолированной буржуазии. Весь режим оказался основан на *qui pro quo*. Рабочие, притом не только большевики, относились к Временному правительству, как к врагу. На заводских митингах почти единогласно принимались резолюции в пользу власти Советов.

Активный участник этой агитации, большевик Дингельштедт, позднейшая жертва чистки, свидетельствует: «Не было ни одного рабочего собрания, которое отклонило бы нашу резолюцию такого содержания...» Но Петроградский Комитет под давлением соглашателей приостановил эту кампанию. Передовые рабочие из всех сил стремились сбросить опеку оппортунистических верхов, но не знали, как парировать ученые доводы о буржуазном характере революции. Различные оттенки в большевизме сталкивались друг с другом, не доводя своих мыслей до конца. Партия была глубоко растеряна. «Каковы лозунги большевиков, – вспоминал позже видный саратовский большевик Антонов, – никто не знал... Картина была очень неприятная...»

Двадцать два дня между прибытием Сталина из Сибири (12 марта) и прибытием Ленина из Швейцарии (3 апреля) представляют для оценки политической физиономии Сталина исключительное значение. Перед ним сразу открывается широкая арена. Ни Ленина, ни Зиновьева в Петрограде нет. Есть Каменев, известный своими оппортунистическими тенденциями и скомпрометированный своим поведением на суде. Есть молодой и малоизвестный партии Свердлов, больше организатор, чем политик. Неистового Спандарьяна нет: он умер в Сибири. Как в 1912 году, так и теперь, Сталин оказывается на время если не первой, то одной из двух первых большевистских фигур в Петрограде. Растерянная партия ждет ясного слова; отмолчаться невозможно. Сталин вынужден давать ответы на самые жгучие вопросы: о Советах, о власти, о войне, о земле. Ответы напечатаны и говорят сами за себя.

Немедленно по приезде в Петроград, представлявший в те дни один сплошной митинг, Сталин направляется в большевистский штаб. Три члена бюро ЦК в сотрудничестве с несколькими литераторами определяли физиономию «Правды». Они делали это беспомощно, но руководство партией было в их руках. Пусть другие надрывают голоса на рабочих и солдатских митингах, Сталин окопается в штабе. Свыше четырех лет назад, после Пражской конференции, он был кооптирован в ЦК. После того много воды утекло. Но ссыльный из Курейки умеет держаться за аппарат и продолжает считать свой мандат непогашенным. При помощи Каменева и Муранова он первым делом отстранил от руководства слишком «левое» Бюро ЦК и редакцию «Правды». Он сделал это достаточно грубо, не опасаясь сопротивления и торопясь показать твердую руку.

«Прибывшие товарищи, – писал впоследствии Шляпников, – были настроены критически и отрицательно к нашей работе». Ее порок они видели не в нерешительности и бесцветности, а, наоборот, в чрезмерном стремлении отмежеваться от соглашателей. Сталин, как и Каменев, стоял гораздо ближе к советскому большинству. Уже с 15 марта «Правда», перешедшая в руки новой редакции, заявила, что большевики будут решительно поддерживать Временное правительство, «поскольку оно борется с реакцией или контрреволюцией...». Парадокс этого заявления состоял в том, что единственным серьезным штабом контрреволюции являлось именно Временное правительство. Того же типа был ответ насчет войны: пока германская армия повинется своему императору, русский солдат должен «стойко стоять на своем посту, на пулю отвечать пулей и на снаряд – снарядом...». Статья принадлежала Каменеву, но Сталин не противопоставил ей никакой другой точки зрения. От Каменева он вообще отличался в этот период разве лишь большей уклончивостью. «Всякое пораженчество, – писала «Правда», – а вернее то, что неразборчивая печать под охраной царской цензуры клеймила этим именем, умерло в тот момент, когда на улицах Петрограда показался первый революционный полк». Это было прямым отмежеванием от Ленина, который проповедовал пораженчество вне досягаемости для царской цензуры, и подтверждением заявлений Каменева на процессе думской фракции, но на этот раз также и от имени Сталина. Что касается «первого революционного полка», то появление его означало лишь шаг от византийского варварства к империалистской цивилизации.

«День выхода преобразованной “Правды”, – рассказывает Шляпников, – был днем оборонческого ликования. Весь Таврический дворец, от дельцов Комитета Государственной думы

до самого сердца революционной демократии, Исполнительного комитета, был преисполнен одной новостью: победой умеренных благоразумных большевиков над крайними. В самом Исполнительном комитете нас встретили ядовитыми улыбками... Когда этот номер “Правды” был получен на заводах, там он вызвал полное недоумение среди членов нашей партии и сочувствовавших нам и язвительное удовольствие у наших противников... Негодование в районах было огромное, а когда пролетарии узнали, что “Правда” была захвачена приехавшими из Сибири тремя бывшими руководителями “Правды”, то потребовали исключения их из партии». Изложение Шляпникова перерабатывалось им в духе смягчения под давлением Сталина, Каменева и Зиновьева в 1925 г., когда эта «тройка» господствовала в партии. Но оно все же достаточно ярко рисует первые шаги Сталина на арене революции, как и отклик передовых рабочих. Резкий протест выборжцев, который «Правде» пришлось вскоре напечатать на своих столбцах, побудил редакцию стать осторожнее в формулировках, но не изменить курс.

Политика Советов была насквозь пропитана духом условности и двусмысленности. Массы больше всего нуждались в том, чтобы кто-нибудь назвал вещи их настоящим именем: в этом, собственно, и состоит революционная политика. Но никто этого не делал, боясь потрясти хрупкое здание двоевластия. Наибольше фальши скопилось вокруг вопроса о войне. 14 марта Исполнительный комитет внес в Совет проект манифеста «К народам всего мира». Рабочих Германии и Австро-Венгрии этот документ призывал отказаться «служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров». Тем временем сами вожди Совета совсем не собирались рвать с королями Великобритании и Бельгии, с императором Японии, с помещиками и банкирами, своими собственными и всех стран Антанты. Газета министра иностранных дел Милюкова с удовлетворением писала, что «воззвание разворачивается в идеологию, общую нам со всеми нашими союзниками». Это было совершенно верно: в таком именно духе действовали французские министры-социалисты с начала войны. Почти в те же часы Ленин писал в Петроград через Стокгольм об угрожающей революции опасности прикрытия старой империалистической политики новыми революционными фразами: «Я даже предпочту раскол с кем бы то ни было из нашей партии, чем уступлю социал-патриотизму». Но идеи Ленина не нашли в те дни ни одного защитника.

Единогласное принятие манифеста в Петроградском Совете означало не только торжество империалиста Милюкова над мелкобуржуазной демократией, но и торжество Сталина и Каменева над левыми большевиками. Все склонились перед дисциплиной патриотической фальши. «Нельзя не приветствовать, – писал Сталин в «Правде», – вчерашнее воззвание Совета... Воззвание это, если оно дойдет до широких масс, без сомнения вернет сотни и тысячи рабочих к забытому лозунгу: *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»*» На самом деле в подобных воззваниях на Западе недостатка не было, и они лишь помогали правящим классам поддерживать мираж войны за демократию.

Посвященная манифесту статья Сталина в высшей степени характерна не только для его позиции в данном конкретном вопросе, но и для его метода мышления вообще. Его органический оппортунизм, вынужденный, благодаря условиям среды и эпохи, временно искать прикрытия в абстрактных революционных принципах, обращается с ними, на деле, без церемонии. В начале статьи автор почти дословно повторяет рассуждения Ленина о том, что и после низвержения царизма война на стороне России сохраняет империалистский характер. Однако при переходе к практическим выводам он не только приветствует с двусмысленными оговорками социал-патриотический манифест, но и отвергает, вслед за Каменевым, революционную мобилизацию масс против войны. «Прежде всего несомненно, – пишет он, – что голый лозунг: долой войну! совершенно непригоден как практический путь». На вопрос: где же выход? он отвечает: «Давление на Временное правительство с требованием изъяснения своего согласия немедленно открыть мирные переговоры...» При помощи дружественного «давления» на буржуазию, для которой весь смысл войны в завоеваниях, Сталин хочет достигнуть мира «на нача-

лах самоопределения народов». Против подобного филистерского утопизма Ленин направлял главные свои удары с начала войны. Путем «давления» нельзя добиться того, чтоб буржуазия перестала быть буржуазией: ее необходимо свергнуть. Но перед этим выводом Сталин останавливался в испуге, как и соглашатели.

Не менее знаменательна статья Сталина «Об отмене национальных ограничений» («Правда», 25 марта). Основная идея автора, воспринятая им еще из пропагандистских брошюр времен тифлисской семинарии, состоит в том, что национальный гнет есть пережиток Средневековья. Империализм, как господство сильных наций над слабыми, совершенно не входит в его поле зрения. «Социальной основой национального гнета, – пишет он, – силой, одухотворяющей его, является отживающая земельная аристократия... В Англии, где земельная аристократия делит власть с буржуазией, национальный гнет более мягок, менее бесчеловечен, если, конечно, не принимать во внимание того обстоятельства, что в ходе войны, когда власть перешла в руки лендлордов, национальный гнет значительно усилился (преследование ирландцев, индусов)».

Ряд диковинных утверждений, которыми переполнена статья – будто в демократиях обеспечено национальное и расовое равенство; будто в Англии власть во время войны перешла к лендлордам; будто ликвидация феодальной аристократии означает уничтожение национального гнета, – насквозь проникнуты духом вульгарной демократии и захолустной ограниченности. Ни слова о том, что империализм довел национальный гнет до таких масштабов, на которые феодализм, уже в силу своего ленивого провинциального склада, был совершенно не способен. Автор не продвинулся теоретически вперед с начала столетия; более того, он как бы совершенно позабыл собственную работу по национальному вопросу, написанную в начале 1913 г. под указку Ленина.

«Поскольку русская революция победила, – заключает статья, – она уже создала этим фактические условия для национальной свободы, ниспровергнув феодально-крепостническую власть». Для нашего автора революция остается уже полностью позади. Впереди, совершенно в духе Милюкова и Церетели, – «оформление прав» и «законодательное их закрепление». Между тем не только капиталистическая эксплуатация, о низвержении которой Сталин и не думал, но помещичье землевладение, которое он сам объявил основой национального гнета, оставались еще незатронутыми. У власти стояли русские лендлорды типа Родзянко и князя Львова. Такова была – трудно поверить и сейчас! – историческая и политическая концепция Сталина за десять дней до того, как Ленин провозгласил курс на социалистическую революцию.

28 марта, одновременно с совещанием представителей важнейших Советов России, открылось в Петрограде Всероссийское совещание большевиков, созванное бюро ЦК. Несмотря на месяц, протекший после переворота, в партии царил совершенная растерянность, которую руководство последних двух недель только усугубило. Никакого размежевания течений еще не произошло. В ссылке для этого понадобился приезд Спандарьяна; теперь партии пришлось дожидаться Ленина. Крайние патриоты, вроде Войтинского, Элиавы и др., продолжали называть себя большевиками и участвовали в партийном совещании наряду с теми, кто считал себя интернационалистами. Патриоты выступали гораздо более решительно и смело, чем полупатриоты, которые отступали и оправдывались. Большинство делегатов принадлежало к болоту и, естественно, нашло в Сталине своего выразителя. «Отношение к Временному правительству у всех одинаковое», – говорил саратовский делегат Васильев. «Разногласий в практических шагах между Сталиным и Войтинским нет», – с удовлетворением утверждал Крестинский. Через день Войтинский перейдет в ряды меньшевиков, а через семь месяцев поведет казачьи части против большевиков.

Поведение Каменева на суде не было, видимо, забыто. Возможно, что среди делегатов шли разговоры также и о таинственной телеграмме великому князю. Исподтишка Сталин мог

напоминать об этих ошибках своего друга. Во всяком случае, главный политический доклад об отношении к Временному правительству был поручен не Каменеву, а менее известному Сталину. Протокольная запись доклада сохранилась и представляет собой для историка и биографа неоценимый документ: дело идет о центральной проблеме революции, именно, о взаимоотношении между Советами, опиравшимися непосредственно на вооруженных рабочих и солдат, и буржуазным правительством, опиравшимся только на услужливость советских вождей. «Власть поделилась между двумя органами, – говорил на совещании Сталин, – из которых ни один не имеет полноты власти... Совет фактически взял почин революционных преобразований; Совет – революционный вождь восставшего народа, орган, контролирующий Временное правительство. Временное правительство взяло фактически роль закрепителя завоеваний революционного народа. Совет мобилизует силы, контролирует. Временное же правительство, упираясь, путаясь, берет роль закрепителя тех завоеваний народа, которые уже фактически взяты им». Эта цитата стоит целой программы!

Взаимоотношения между двумя основными классами общества докладчик изображает как разделение труда между двумя «органами»: Советы, т. е. рабочие и солдаты, совершают революцию; правительство, т. е. капиталисты и либеральные помещики, «закрепляют» ее. В 1905–1907 гг. сам Сталин не раз писал, повторяя Ленина: «Русская буржуазия антиреволюционна, она не может быть ни двигателем, ни тем более вождем революции, она является заклятым врагом революции, и с ней надо вести упорную борьбу». Эта руководящая политическая идея большевизма отнюдь не была опровергнута ходом Февральской революции. Милюков, вождь либеральной буржуазии, говорил за несколько дней до переворота на конференции своей партии: «Мы ходим по вулкану... Какова бы ни была власть, – худа или хороша, – но сейчас твердая власть необходима более, чем когда-либо». После того как переворот вопреки сопротивлению буржуазии разразился, либералам не оставалось ничего другого, как встать на почву, созданную его победой. Именно Милюков, объявлявший накануне, что даже распутинская монархия лучше, чем низвержение вулкана, руководил ныне Временным правительством, которое должно было, по Сталину, «закреплять» завоевания революции, но которое в действительности стремилось задушить ее. Для восставших масс смысл революции состоял в уничтожении старых форм собственности, тех самых, на защиту которых встало Временное правительство. Непримируемую классовую борьбу, которая, несмотря на усилия соглашателей, каждый день стремилась превратиться в гражданскую войну, Сталин изображал как простое разделение труда между двумя аппаратами. Так не поставил бы вопроса даже левый меньшевик Мартов. Это есть теория Церетели, оракула соглашателей, в ее наиболее вульгарном выражении: на арене демократии действуют «умеренные» и более «решительные» силы и разделяют между собою работу: одни завоевывают, другие закрепляют. Мы имеем здесь перед собою в готовом виде схему будущей сталинской политики в Китае (1924–1927), в Испании (1934–1939), как и всех вообще злополучных «народных фронтов».

«Нам невыгодно форсировать сейчас события, – продолжал докладчик, – ускоряя процесс откалывания буржуазных слоев... Нам необходимо выиграть время, затормозив откалывание среднебуржуазных слоев, чтобы подготовиться к борьбе с Временным правительством». Делегаты слушали эти доводы со смутной тревогой. «Не отпугивать буржуазию» – было всегда лозунгом Плеханова, а на Кавказе – Жордания. На ожесточенной борьбе с этим ходом идей вырос большевизм. «Затормозить откалывание» буржуазии нельзя иначе, как затормозив классовую борьбу пролетариата; это, по существу, две стороны одного и того же процесса. «Разговоры о незапугивании буржуазии, – писал сам Сталин в 1913 г., незадолго до своего ареста, – вызывали лишь улыбку, ибо было ясно, что социал-демократии предстояло не только «запугать», но и сбросить с позиции эту самую буржуазию в лице ее адвокатов – кадетов». Трудно даже понять, как мог старый большевик до такой степени позабыть четырнадцатилетнюю историю своей фракции, чтоб в самый критический момент прибегнуть к наиболее одиозным фор-

мулам меньшевизма. Объяснение кроется в том, что мысль Сталина невосприимчива к общим идеям и память его не удерживает их. Он пользуется ими по мере надобности, от случая к случаю, и отбрасывает без сожаления, почти автоматически. В статье 1913 года дело шло о выборах в Думу. «Сбросить с позиции» буржуазию значило попросту отнять у либералов мандат. Теперь дело шло о революционном низвержении буржуазии. Эту задачу Сталин относил к далекому будущему. Сейчас он совершенно так же, как и меньшевики, считал необходимым «не отпугивать буржуазию».

Огласив резолюцию ЦК, составлявшуюся при его участии, Сталин неожиданно заявляет, что «не совсем согласен с нею и скорее присоединяется к резолюции Красноярского Совета». Закулисная сторона этого маневра неясна. В выработке резолюции для Красноярского Совета мог участвовать сам Сталин по пути из Сибири. Возможно, что прощупав ныне настроение делегатов, он пытается слегка отодвинуться от Каменева. Однако красноярская резолюция стоит по уровню еще ниже петербургского документа. «...Со всей полнотой выяснить, что единственный источник власти и авторитета Временного правительства есть воля народа, которому Временное правительство обязано всецело повиноваться, и поддерживать Временное правительство... лишь постольку, поскольку оно идет по пути удовлетворения требований рабочего класса и революционного крестьянства». Вывезенный из Сибири секрет оказывается очень прост: буржуазия «обязана всецело повиноваться» народу и «идти по пути» рабочих и крестьян.

Через несколько недель формула о поддержке буржуазии «постольку-поскольку» станет в среде большевиков предметом всеобщего издевательства. Однако уже и сейчас некоторые из делегатов протестуют против поддержки правительства князя Львова: эта идея слишком шла вразрез со всей традицией большевизма.

На следующий день социал-демократ Стеклов, сам сторонник формулы «постольку-поскольку», но близкий к правящим сферам в качестве члена «контактной комиссии» неосторожно нарисовал на совещании Советов такую картину деятельности Временного правительства – сопротивление социальным реформам, борьба за монархию, борьба за аннексии, – что совещание большевиков в тревоге отшатнулось от формулы поддержки. «Ясно, что не о поддержке, – так формулировал настроение многих делегат умеренных Ногин, – а о противодействии должна теперь идти речь». Ту же мысль выразил делегат Скрыпник, принадлежавший к левому крылу: «После вчерашнего доклада Сталина многое изменилось... Идет заговор Временного правительства против народа и революции, а резолюция говорит о поддержке». Обескураженный Сталин, перспектива которого не продержалась и 24 часа, предлагает «дать директиву комиссии об изменении пункта о поддержке». Конференция идет дальше: «Большинством против 4-х пункт о поддержке из резолюции исключается».

Можно подумать, что вся схема докладчика насчет разделения труда между пролетариатом и буржуазией предана забвению. На самом деле из резолюции устранялась только фраза, но не мысль. Страх «отпугнуть буржуазию» остался целиком. Суть резолюции сводилась к призыву побуждать Временное правительство «к самой энергичной борьбе за полную ликвидацию старого режима», тогда как Временное правительство вело «самую энергичную борьбу» за восстановление монархии. Дальше дружелюбного давления на либералов конференция не шла. О самостоятельной борьбе за завоевание власти, хотя бы только во имя демократических задач, не было и речи. Как бы для того, чтобы ярче обнаружить действительный дух принятых решений, Каменев заявил на одновременно происходившем совещании Советов, что по вопросу о власти он «счастлив» присоединить голоса большевиков к официальной резолюции, которую внес и защищал лидер правых меньшевиков Дан. Раскол 1903 г., закрепленный на Пражской конференции 1913 г., должен был казаться в свете этих фактов простым недоразумением!

Не случайно поэтому на следующий день большевистская конференция обсуждала предложение лидера правых меньшевиков Церетели об объединении обеих партий. Сталин отнесся

к предложению наиболее сочувственно: «Мы должны пойти. Необходимо определить наши предложения о линии объединения. Возможно объединение по линии Циммервальда-Кинталя». Дело шло о «линии» двух социалистических конференций в Швейцарии, с преобладанием умеренных пацифистов. Молотов, пострадавший две недели назад за левизну, выступил с робкими возражениями: «Церетели желает объединить разношерстные элементы... объединение по этой линии неправильно». Более решительно протестует Залуцкий, одна из будущих жертв чистки: «Исходить из простого желания объединения может мещанин, а не социал-демократ... По внешнему циммервальдско-кинтальскому признаку объединиться невозможно... Необходимо выставить определенную платформу». Но Сталин, названный мещанином, стоял на своем: «Забегать вперед и предупреждать разногласия не следует. Без разногласий нет партийной жизни. Внутри партии мы будем изживать мелкие разногласия». Трудно верить глазам: разногласия с Церетели, вдохновителем правящего советского блока, Сталин объявляет мелкими разногласиями, которые можно «изживать» внутри партии. Прения происходили 1-го апреля. Через три дня Ленин объявит Церетели смертельную войну. Через два месяца Церетели будет разоружать и арестовывать большевиков.

Мартовское совещание 1917 г. чрезвычайно важно для оценки состояния умов верхнего слоя большевистской партии сейчас же после Февральской революции и, в частности, Сталина, каким он вернулся из Сибири после четырех лет самостоятельных размышлений. Он выступает перед нами из скупых записей протоколов как плебейский демократ и ограниченный провинциал, которого условия эпохи заставили принять марксистскую окраску. Его статьи и речи за эти недели бросают безошибочный свет на его позицию за годы войны: если б он в Сибири хоть сколько-нибудь приблизился к идеям Ленина, как клянутся написанные двадцать лет спустя воспоминания, он не мог бы в марте 1917 г. так безнадежно увязнуть в оппортунизме. Отсутствие Ленина и влияние Каменева позволили Сталину проявить на заре революции свои наиболее органические черты: недоверие к массам, отсутствие воображения, короткий прицел, поиски линии наименьшего сопротивления. Эти качества его мы увидим позже во всех больших событиях, в которых Сталину доведется играть руководящую роль. Немудрено, если мартовское совещание, где политик Сталин раскрыл себя до конца, ныне вычеркнуто из истории партии и протоколы его держатся под семью замками. В 1923 г. были секретно изготовлены три копии для членов «тройки»: Сталина, Зиновьева, Каменева. Только в 1926 г., когда Зиновьев и Каменев перешли в оппозицию к Сталину, я получил от них этот замечательный документ, что дало мне затем возможность опубликовать его за границей на русском и английском языках.

В конце концов протоколы ничем существенным не отличаются от статей в «Правде», а только дополняют их. Не осталось вообще от тех дней ни одного заявления, предложения, протеста, в которых Сталин сколько-нибудь членораздельно противопоставил бы большевистскую точку зрения политике мелкобуржуазной демократии. Один из бытописателей того периода, левый меньшевик Суханов, автор упомянутого выше манифеста «К трудящимся всего мира», говорит в своих незаменимых «Записках о революции»: «У большевиков в это время, кроме Каменева, появился в Исполнительном комитете Сталин... За время своей скромной деятельности... он производил – не на одного меня – впечатление серого пятна, иногда маячившего тускло и бесследно. Больше о нем, собственно, нечего сказать». За этот отзыв, который нельзя не признать односторонним, Суханов поплатился впоследствии жизнью».

Наступает апрель, события начинают развиваться стремительней: «3 апреля, пересекши неприятельскую Германию, прибыли в Петроград через финляндскую границу Ленин, Крупская, Зиновьев и другие... Группа большевиков во главе с Каменевым выехала встречать Ленина в Финляндию. Сталина в их числе не было, и этот маленький факт лучше всего другого показывает, что между ним и Лениным не было ничего, похожего на личную близость. «Едва войдя и усевшись на диван, – рассказывает Раскольников, офицер флота, впоследствии совет-

ский дипломат, – Владимир Ильич тотчас же накидывается на Каменева: что у вас пишется в «Правде»? Мы видели несколько номеров и здорово вас ругали...» За годы совместной работы за границей Каменев достаточно привык к таким холодным душам, и они не мешали ему не просто любить Ленина, а обожать его всего целиком, его страстность, его глубину, его простоту, его прибаутки, которым Каменев смеялся заранее, и его почерк, которому он невольно подражал. Много лет спустя кто-то вспомнил, что Ленин в пути справился о Сталине. Этот естественный вопрос (Ленин, несомненно, справлялся о всех членах старого большевистского штаба) послужил впоследствии завязкой советского фильма.

По поводу первого выступления Ленина перед собранием большевиков внимательный и добросовестный летописец революции писал: «Мне не забыть этой громоподобной речи, потрясшей и изумившей не одного меня, случайно забредшего еретика, но и всех правоверных. Я утверждаю, что никто не ожидал ничего подобного». Дело шло не об ораторских громах, на которые Ленин был скуп, а обо всем направлении мысли. «Не надо нам парламентарной республики, не надо нам буржуазной демократии, не надо нам никакого правительства, кроме Советов рабочих, солдатских и батрацких депутатов!» В коалиции социалистов с либеральной буржуазией, т. е. в тогдашнем «народном фронте», Ленин не видел ничего, кроме измены народу. Он свирепо издевался над ходким словечком «революционная демократия», включавшим одновременно рабочих и мелкую буржуазию: народников, меньшевиков и большевиков. В соглашательских партиях, господствовавших в Советах, он видел не союзников, а непримиримых противников. «Одного этого, – замечает Суханов, – в те времена было достаточно, чтобы у слушателя закружилась голова!»

Партия оказалась застигнута Лениным врасплох не менее, чем Февральским переворотом. Критерии, лозунги, обороты речи, успевшие сложиться за пять недель революции, летели прахом. «Он решительным образом напал на тактику, которую проводили руководящие партийные группы и отдельные товарищи до его приезда», – пишет Раскольников; речь идет в первую голову о Сталине и Каменеве. Здесь были представлены наиболее ответственные работники партии. Но и для них речь Ильича явилась настоящим открытием. Она проложила рубикон между тактикой вчерашнего и сегодняшнего дня». Прений не было. Все были слишком ошеломлены. Никому не хотелось подставлять себя под удары этого неистового вождя. Промеж себя, в углах, шушукались, что Ильич засиделся за границей, оторвался от России, не знает обстановки, хуже того, что он перешел на позиции троцкизма. Сталин, вчерашний докладчик на партийной конференции, молчал. Он понял, что страшно промахнулся, гораздо серьезнее, чем некогда на Стокгольмском съезде, когда защищал раздел земли, или годом позже, когда не вовремя оказался бойкотистом. Нет, лучше всего отойти сейчас в тень. Никто не спрашивал себя, что думает по этому поводу Сталин. Никто в мемуарах не вспоминает о его поведении в ближайшие недели.

Тем временем Ленин не сидел без дела: он зорко всматривался в обстановку, допрашивал с пристрастием друзей, прощупывал пульс рабочих. Уже на другой день он представил партии краткое резюме своих взглядов, которое стало важнейшим документом революции под именем «Тезисов 4 апреля». Ленин не боялся «отпугнуть» не только либералов, но и членов ЦК большевиков. Он не играл в прятки с претенциозными вождями советских партий, а вскрывал логику движения классов. Отшвырнув трусливо-бессильную формулу «постольку-поскольку», он поставил перед партией задачу: завоевать власть.

Прежде всего надо, однако, определить действительного врага. Черносотенные монархисты, попрятавшиеся по щелям, не имеют никакого значения. Штабом буржуазной контрреволюции является ЦК кадетской партии и вдохновляемое им Временное правительство. Но оно существует по доверенности эсеров и меньшевиков, которые, в свою очередь, держатся доверчивостью народных масс. При этих условиях не может быть и речи о применении революционного насилия. Нужно завоевать предварительно массы. Не объединяться и не браться с

народниками и меньшевиками, а разоблачать их перед рабочими, солдатами и крестьянами как агентов буржуазии. «Настоящее правительство – Совет Рабочих Депутатов... В Совете наша партия – в меньшинстве... Ничего не поделаешь! Нам остается лишь разяснять терпеливо, настойчиво, систематически ошибочность их тактики. Пока мы в меньшинстве – мы ведем работу критики, дабы избавить массы от обмана». Все было просто и надежно в этой программе, и каждый гвоздь вколочен крепко. Под тезисами стояла одна-единственная подпись: Ленин. Ни ЦК, ни редакция «Правды» не присоединились к этому взрывчатому документу.

В тот же день, 4-го апреля, Ленин появился на том самом партийном совещании, на котором Сталин излагал теорию мирного разделения труда между Временным правительством и Советами. Контраст был слишком жесток. Чтоб смягчить его, Ленин, вопреки своему обыкновению, не подверг анализу уже принятые резолюции, а просто повернулся к ним спиной. Он приподнял конференцию на более высокий уровень и заставил ее увидеть новые перспективы, о которых временные вожди вовсе не догадывались. «Почему не взяли власть?» – спрашивал новый докладчик и перечислял ходячие объяснения: революция-де буржуазная, она проходит только через первый этап, война создает особые трудности и пр. «Это вздор. Дело в том, что пролетариат недостаточно сознателен и недостаточно организован. Это надо признать. Материальная сила в руках пролетариата, а буржуазия оказалась сознательной и подготовленной». Из сферы мнимого объективизма, куда пытались укрыться от задач революции Сталин, Каменев и другие, Ленин перенес вопрос в сферу сознания и действия. Пролетариат не взял власти в феврале не потому, что это запрещено социологией, а потому, что он дал соглашателям обмануть себя в интересах буржуазии. Только и всего! «Даже наши большевики, – продолжал он, не называя пока никого по имени, – обнаруживают доверчивость к правительству. Объяснить это можно только угаром революции. Это гибель социализма... Если так, нам не по пути. Пусть лучше останусь в меньшинстве». Сталин и Каменев без труда узнали себя. Все совещание понимало, о ком идет речь. Делегаты не сомневались, что, угрожая разрывом, Ленин не шутит. Как все это было далеко от «постольку-поскольку» и вообще от доморощенной политики предшествующих дней!

Не менее решительно оказалась передвинута ось вопроса о войне. Николай Романов низвергнут. Временное правительство наполовину обещало республику. Но разве это изменило природу войны? Во Франции республика существует давно, притом не в первый раз, тем не менее война с ее стороны остается империалистической. Природа войны определяется природой господствующего класса. «Когда массы заявляют, что не хотят завоеваний, я им верю. Когда Гучков и Львов говорят, что не хотят завоеваний, – они обманщики». Этот простой критерий глубоко научен и в то же время доступен каждому солдату в окопах. Тут Ленин наносит открытый удар, называя по имени «Правду». «Требовать от правительства капиталистов, чтоб оно отказалось от аннексий, – чепуха, вопиющая издевка». Эти слова прямоком бьют по Сталину. «Кончить войну не насильническим миром нельзя без свержения капитала». Между тем соглашатели поддерживают капитал, «Правда» поддерживает соглашателей. «Воззвание Совета – там нет ни слова, проникнутого классовым сознанием. Там – сплошная фраза». Речь идет о том самом манифесте, который приветствовался Сталиным как голос интернационализма. Пацифистские фразы при сохранении старых союзов, старых договоров, старых целей – только средство обмана масс. «Что своеобразно в России, это – гигантский быстрый переход от дикого насилия к самому тонкому обману».

Три дня тому назад Сталин заявлял о своей готовности объединиться с партией Церетели. «Я слышу, – говорил Ленин, – что в России идет объединительная тенденция; объединение с оборонцами – это предательство социализма. Я думаю, что лучше остаться одному, как Либкнехт. Один против 110! Недопустимо даже носить дольше общее с меньшевиками имя социал-демократии. Лично от себя предлагаю переменить название партии, назваться Коммунистической партией». Ни один из участников совещания, даже приехавший с Лениным Зиновьев

вьев, не поддержал этого предложения, которое казалось святотатственным разрывом с собственным прошлым.

«Правда», которую продолжали редактировать Каменев и Сталин, заявила, что тезисы Ленина – его личное мнение, что бюро ЦК их не разделяет и что сама «Правда» остается на старых позициях. Заявление писал Каменев. Сталин поддержал его молча. Отныне ему придется молчать долго. Идеи Ленина кажутся ему эмигрантской фантастикой. Но он выжидает, как будет реагировать партийный аппарат. «Надо открыто признать, – писал впоследствии большевик Ангарский, проделавший ту же эволюцию, что и другие, – что огромное число старых большевиков... по вопросу о характере революции 1917 года придерживалось старых большевистских взглядов 1905 г. и что отказ от этих взглядов, их изживание совершалось не так легко». Дело шло, на самом деле, не об «огромном числе старых большевиков», а обо всех без исключения.

На мартовском совещании, где собрались кадры партии со всей страны, не раздалось ни одного голоса в пользу борьбы за власть Советов. Всем пришлось перевооружаться. Из шестнадцати членов Петроградского Комитета лишь двое присоединились к тезисам и то не сразу. «Многие из товарищей указывали, – вспоминает Цихон, – что Ленин оторвался от России, не учитывает данного момента и т. д.» Провинциальный большевик Лебедев рассказывает, как осуждалась первоначально большевиками агитация Ленина, «казавшаяся утопической, объяснявшаяся его долгой оторванностью от русской жизни». Одним из вдохновителей таких суждений был, несомненно, Сталин, всегда третировавший «заграницу» свысока. Через несколько лет Раскольников вспоминал: «Приезд Владимира Ильича положил резкий Рубикон в тактике нашей партии. Нужно признать, что до его приезда в партии была довольна большая сумятица... Задача овладения государственной властью рисовалась в форме отдаленного идеала... Считалась достаточной поддержка Временного правительства... с теми или иными оговорками. Партия не имела авторитетного лидера, который мог бы спаять ее воедино и повести за собой». В 1922 году Раскольникову не могло прийти в голову видеть «авторитетного лидера» в Сталине.

«Наши руководители, – пишет уральский рабочий Марков, которого революция застала за токарным станком, – до приезда Владимира Ильича шли ощупью... позиция нашей партии стала проясняться с появлением его знаменитых тезисов». «Вспомните, какая встреча была оказана апрельским тезисам Владимира Ильича, – говорил вскоре после смерти Ленина Бухарин, – когда часть нашей собственной партии увидела в этом чуть ли ни измену обычной марксистской идеологии». «Часть нашей собственной партии» – это был весь ее руководящий слой без единого исключения. «С приездом Ленина в Россию 1917 года, – писал в 1924 году Молотов, – наша партия почувствовала под ногами твердую почву. До этого момента партия только слабо и неуверенно нащупывала свой путь. У партии не было достаточно ясности и решительности, которой требовал революционный момент».

Раньше других, точнее и ярче определила происшедшую перемену Людмила Сталь: «Все товарищи до приезда Ленина бродили в темноте, – говорила она 14 апреля 1917 года, в самый острый момент партийного кризиса. – Видя самостоятельное творчество народа, мы не могли его учесть... Наши товарищи смогли только ограничиться подготовкой к Учредительному собранию парламентским способом и совершенно не учли возможности идти дальше. Приняв лозунги Ленина, мы сделаем то, что нам подсказывает сама жизнь».

Троцкий продолжает: «Лично для Сталина апрельское перевооружение партии имело крайне унижительный характер. Из Сибири он приехал с авторитетом старого большевика, со званием члена ЦК, с поддержкой Каменева и Муранова. Он тоже начал со своего рода «перевооружения», отвергнув политику местных руководителей как слишком радикальную и связав себя рядом статей в «Правде», докладом на совещании, резолюцией Красноярского Совета. В самый разгар этой работы, которая по характеру своему была работой вождя, появился Ленин.

Он вошел на совещание, точно инспектор в классную комнату, и, схватив на лету несколько фраз, повернулся спиной к учителю и мокрой губкой стер с доски все его беспомощные каракули. У делегатов чувства изумления и протеста растворялись в чувстве восхищения.

У Сталина восхищения не было. Были острая обида, сознание бессилия и желтая зависть. Он был посрамлен перед лицом всей партии неизмеримо более тяжело, чем на тесном Краковском совещании после его злополучного руководства «Правдой». Бороться было бы бесполезно: ведь он тоже увидел новые горизонты, о которых не догадывался вчера. Оставалось стиснуть зубы и замолчать. Воспоминание о перевороте, произведенном Лениным в апреле 1917 г., навсегда вошло в сознание Сталина острой занозой. Он овладел протоколами мартовского совещания и попытался скрыть их от партии и от истории. Но это еще не решало дела. В библиотеках оставались комплекты «Правды» за 1917 г. Она была вскоре даже переиздана сборником: статьи Сталина говорили сами за себя. Многочисленные воспоминания об апрельском кризисе заполняли в первые годы исторические журналы и юбилейные номера газет. Все это нужно было изымать постепенно из обращения, заменять, подменять. Самое слово «переворужение» партии, употребленное мною мимоходом в 1922 г., стало впоследствии предметом все более ожесточенных атак со стороны Сталина и его историков.

Правда, в 1924 г. сам Сталин считал еще благоразумным признать, со всей необходимой мягкостью по отношению к самому себе, ошибочность своей позиции в начале революции. «Партия, – писал он, – приняла политику давления Советов на Временное правительство в вопросе о мире и не решилась сразу сделать шаг вперед... к новому лозунгу о власти Советов... Это была глубоко ошибочная позиция, ибо она плодила пацифистские иллюзии, лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс. Эту ошибочную позицию я разделял тогда еще с другими товарищами по партии и отказался от нее полностью лишь в середине апреля, присоединившись к тезисам Ленина».

Это публичное признание, необходимое для прикрытия собственного тыла в начинавшейся тогда борьбе против троцкизма, уже через два года стало стеснительным. Сталин категорически отрицал в 1926 г. оппортунистический характер своей политики в марте 1917 г.: «Это неверно, товарищи, это сплетня», – и допускал лишь, что у него были «некоторые колебания... Но у кого из нас не бывали мимолетные колебания?»

Еще через четыре года Ярославский, упомянувший в качестве историка о том, что Сталин в начале революции занимал «ошибочную позицию», подвергся свирепой травле со всех сторон. Теперь нельзя уже было заикаться и о «мимолетных колебаниях». Идол престижа – прожорливое чудовище! Наконец, в изданной им самим «Истории партии» Сталин приписывает себе позицию Ленина, а свои собственные взгляды делает уделом своих врагов. «Каменев и некоторые работники Московской организации, например, Рыков, Бубнов, Ногин, – гласит эта необыкновенная «История», – стояли на полуменьшевистской позиции условной поддержки Временного правительства и политики оборонцев. Сталин, который только что вернулся из ссылки, Молотов и другие вместе с большинством партии отстаивали политику недоверия Временному правительству, выступали против оборончества» и пр. Так, путем последовательных сдвигов от факта к вымыслу черное было превращено в белое. Этот метод, который Каменев называл «дозированьем лжи», проходит через всю биографию Сталина, чтоб найти свое высшее выражение, и вместе с тем свое крушение, в Московских процессах.

Анализируя концепции обеих фракций социал-демократии в 1909 г., автор этой книги писал: «Антиреволюционные стороны меньшевизма сказываются во всей силе уже теперь; антиреволюционные черты большевизма грозят огромной опасностью только в случае революционной победы». В марте 1917 г., после низвержения царизма, старые кадры партии довели эти антиреволюционные черты большевизма до их крайнего выражения: самый водораздел между большевизмом и меньшевизмом казался утерян. Понадобилось радикальное перевоору-

жение партии, которое Ленин – только ему была по плечу эта задача – произвел в течение апреля.

Сталин, видимо, ни разу не выступил публично против Ленина, но и ни разу за него. Он бесшумно отодвинулся от Каменева, как десять лет тому назад он отошел от бойкотистов, как на Краковском совещании молчаливо предоставил примиренцев их собственной участи. Не в его нравах было защищать идею, если она не сулила непосредственно успеха. С 14 по 22 апреля заседала конференция Петроградской организации. Влияние Ленина на ней было уже преобладающим, но прения имели еще моментами острый характер. Среди участников встречаем имена Зиновьева, Каменева, Томского, Молотова и других известных большевиков. Сталин не появлялся вовсе. Он, видимо, хотел, чтоб о нем на время забыли.

24 апреля собралась в Петрограде Всероссийская конференция, которая должна была окончательно ликвидировать наследство мартовского совещания. Около полутора ста делегатов представляли 79 тысяч членов партии; из них 15 000 приходилось на столицу. Для антипатриотической партии, вчера лишь вышедшей из подполья, это было совсем неплохо. Победа Ленина стала ясна уже при выборе пятичленного президиума, в состав которого не были включены ни Каменев, ни Сталин, ответственные за оппортунистическую политику в марте. Каменев нашел в себе достаточно мужества, чтобы потребовать для себя на конференции содоклада. «Признавая, что формально и фактически классический остаток феодализма, помещичье землевладение, еще не ликвидирован... рано говорить, что буржуазная демократия исчерпала все свои возможности». Такова была основная мысль Каменева и его единомышленников: Рыкова, Ногина, Дзержинского, Ангарского и других. «Толчок к социальной революции, – говорил Рыков, – должен быть дан с Запада». Демократическая революция не закончилась, настаивали вслед за Каменевым ораторы оппозиции. Это было верно. Но ведь миссия Временного правительства состояла не в том, чтобы закончить ее, а в том, чтобы отбросить ее назад. Именно отсюда и вытекало, что довершить демократическую революцию возможно лишь при господстве рабочего класса. Прения носили оживленный, но мирный характер, так как вопрос был по существу предreshен, и Ленин делал все возможное, чтоб облегчить противникам отступление.

Сталин выступил в этих прениях с короткой репликой против своего вчерашнего союзника. «Если мы не призываем к немедленному низвержению Временного правительства, – говорил в своем содокладе Каменев, – то мы должны требовать контроля над ним, иначе массы нас не поймут». Ленин возражал, что «контроль» пролетариата над буржуазным правительством, особенно в условиях революции, либо имеет фиктивный характер, либо сводится к сотрудничеству с ним. Сталин счел своевременным показать свое несогласие с Каменевым. Чтоб дать подобие объяснения перемены собственной позиции, он воспользовался изданной 19 апреля министром иностранных дел Милюковым нотой, которая своей излишней империалистской откровенностью толкнула солдат на улицу и породила правительственный кризис. Ленинская концепция революции исходила не из отдельной дипломатической ноты, мало отличавшейся от других правительственных актов, а из соотношения классов. Но Сталина интересовала не общая концепция; ему нужен был внешний повод для поворота с наименьшим ущербом для самолюбия. Он «дозировал» свое отступление. В первый период, по его словам, «Совет намечал программу, а теперь намечает ее Временное правительство». После ноты Милюкова «правительство наступает на Совет, Совет отступает. Говорить после этого о контроле – значит говорить впустую». Все это звучало искусственно и ложно. Но непосредственная цель была достигнута: Сталин успел вовремя отмежеваться от оппозиции, которая при голосованиях собирала не более семи голосов.

В докладе по национальному вопросу Сталин сделал, что мог, чтоб проложить мост от своего мартовского доклада, который источник национального гнета усматривал исключительно в земельной аристократии, к новой позиции, которую усваивала ныне партия. «Национальный гнет, – говорил он, полемизируя по неизбежности с самим собой, – поддерживается

не только земельной аристократией. Наряду с ней существует другая сила – империалистические группы, которые методы порабощения народностей, усвоенные в колониях, переносят и во внутрь своей страны. К тому же крупная буржуазия ведет за собой «мелкую буржуазию, часть интеллигенции, часть рабочей верхушки, которые также пользуются плодами грабежа». Это та тема, которую Ленин настойчиво развивал в годы войны. «Таким образом, – продолжает докладчик, – получается целый хор социальных сил, поддерживающий национальный гнет». Чтоб покончить с гнетом, надо «убрать этот хор с политической сцены». Поставив у власти империалистскую буржуазию, Февральская революция вовсе еще не создала условий национальной свободы. Так, Временное правительство из всех сил противилось простому расширению автономии Финляндии. «На чью сторону должны мы стать? Очевидно, на сторону финляндского народа».

Украинец Пятаков и поляк Дзержинский выступали против программы национального самоопределения как утопической и реакционной. «Нам не следует выдвигать национального вопроса, – наивно говорил Дзержинский, – ибо это отодвигает момент социальной революции. Я предложил бы поэтому вопрос о независимости Польши из резолюции выкинуть». «Социал-демократия, – возражал им докладчик, – поскольку она держит курс на социалистическую революцию, должна поддерживать революционное движение народов, направленное против империализма». Сталин впервые в своей жизни упомянул здесь о «курсе на социалистическую революцию». На листке юлианского календаря значилось: 29 апреля 1917 года.

Присвоив себе права съезда, конференция выбрала новый Центральный Комитет, в который вошли: Ленин, Зиновьев, Каменев, Милютин, Ногин, Свердлов, Смирнов, Сталин, Федоров; в качестве кандидатов: Теодорович, Бубнов, Глебов-Авилов и Правдин. Из 133 делегатов с решающим голосом участвовали в тайном голосовании почему-то лишь 109; возможно, что часть успела разъехаться. За Ленина подано 104 голоса (был ли Сталин в числе пяти делегатов, отказавшихся поддержать Ленина?), за Зиновьева – 101, за Сталина – 97, за Каменева – 95. Сталин впервые был выбран в ЦК в нормальном партийном порядке. Ему шел 38-й год. Рыкову, Зиновьеву и Каменеву было по 23–24 года, когда съезды впервые избирали их в состав большевистского штаба.

На конференции сделана была попытка оставить за порогом Центрального Комитета Свердлова. Об этом после смерти первого Председателя советской республики рассказывал Ленин, как о своей вопиющей ошибке. «К счастью, – прибавлял он, – снизу нас поправили». У самого Ленина вряд ли могли быть основания восстать против кандидатуры Свердлова, которого он знал по переписке как неутомимого профессионального революционера. Вероятнее всего, сопротивление исходило от Сталина, который не забыл, как Свердлов наводил после него порядок в Петербурге, реформируя «Правду»; совместная жизнь в Курейке только усилила в нем чувство неприязни. Сталин ничего не прощал.

На конференции он, видимо, пытался взять реванш и сумел какими-то путями, о которых мы можем лишь строить догадки, завоевать поддержку Ленина. Однако покушение не удалось. Если в 1912 г. Ленин натолкнулся на сопротивление делегатов, когда пытался ввести Сталина в Центральный Комитет, то теперь он встретил не меньший отпор при попытке оставить Свердлова за бортом. Из состава ЦК, избранного на апрельской конференции, успели своевременно умереть Свердлов и Ленин. Все остальные – за вычетом, конечно, самого Сталина, – как и все четыре кандидата, подверглись в последние годы опале и либо официально расстреляны, либо таинственно исчезли с горизонта.

Никто без Ленина не оказался способен разобраться в новой действительности, все оказались пленниками старой формулы. Между тем ограничиваться лозунгом демократической диктатуры значило теперь, как писал Ленин, «перейти на деле к мелкой буржуазии». Преимущество Сталина над другими состояло, пожалуй, в том, что он не испугался этого перехода и

взял курс на сближение с соглашателями и слияние с меньшевиками. Им руководило отнюдь не преклонение перед старыми формулами. Идеальный фетишизм был чужд ему: так, он без труда отказался от привычной мысли о контрреволюционной роли русской буржуазии. Как всегда, Сталин действовал эмпирически, под влиянием своего органического оппортунизма, который всегда толкал его искать линии наименьшего сопротивления. Но он стоял не одиноко; в течение трех недель он давал выражение скрытым тенденциям целого слоя «старых большевиков».

Нельзя забывать, что в аппарате большевистской партии преобладала интеллигенция, мелкобуржуазная по происхождению и условиям жизни, марксистская по идеям и связям с пролетариатом. Рабочие, которые становились профессиональными революционерами, с головой уходили в эту среду и растворялись в ней. Особый социальный состав аппарата и его командное положение по отношению к пролетариату – и то и другое – не случайность, а железная историческая необходимость – были не раз причиной шатаний в партии и стали в конце концов источником ее вырождения. Марксистская доктрина, на которую опиралась партия, выражала исторические интересы пролетариата в целом; но люди аппарата усваивали ее по частям, соответственно со своим, сравнительно ограниченным, опытом. Нередко они, как жаловался Ленин, просто заучивали готовые формулы и закрывали глаза на перемену условий. Им не хватало в большинстве случаев как синтетического понимания исторического процесса, так и непосредственной повседневной связи с рабочими массами. Оттого они оставались открыты влиянию других классов. Во время войны верхний слой партии был в значительной мере захвачен примиренческими настроениями, шедшими из буржуазных кругов, в отличие от рядовых рабочих-большевиков, которые оказались гораздо более устойчивы по отношению к патристическому поветрию.

Открыв широкую арену демократии, революция дала «профессиональным революционерам» всех партий неизмеримо большее удовлетворение, чем солдатам в окопах, крестьянам в деревнях и рабочим на военных заводах. Вчерашние подпольщики сразу стали играть крупную роль. Советы заменяли им парламенты, где можно было свободно обсуждать и решать. В их сознании основные классовые противоречия, породившие революцию, начали как бы таять в лучах демократического солнца. В результате большевики и меньшевики объединяются почти во всей стране, а там, где они остаются разъединенными, как в Петербурге, стремление к единству сильно сказывается в обеих организациях. Тем временем в окопах, в деревнях и на заводах застарелые антагонизмы принимают все более открытый и ожесточенный характер, предвещая не единство, а гражданскую войну. Движение классов и интересы партийных аппаратов пришли, как нередко, в острое противоречие. Даже партийные кадры большевизма, успевшие приобрести исключительный революционный закал, обнаружили на второй день после низвержения монархии явственную тенденцию обособиться от массы и принимать свои собственные интересы за интересы рабочего класса. Что же будет, когда эти кадры превратятся во всемогущую бюрократию государства? Сталин об этом вряд ли задумывался. Он был плотью от плоти аппарата и самой твердой из его костей.

Каким, однако, чудом Ленину удалось в течение немногих недель повернуть партию на новую дорогу? Разгадку надо искать одновременно в двух направлениях: в личных качествах Ленина и в объективной обстановке. Ленин был силен тем, что не только понимал законы классовой борьбы, но и умел подслушать живые массы. Он представлял не аппарат, а авангард пролетариата. Он был заранее убежден, что из того рабочего слоя, который вынес на себе подпольную партию, найдутся многие тысячи, которые поддержат его. Массы сейчас революционнее партии; партия – революционнее аппарата. Уже в течение марта действительные чувства и взгляды рабочих и солдат успели во многих случаях бурно прорваться наружу, в вопиющем несоответствии с указаниями партий, в том числе и большевистской. Авторитет Ленина не был абсолютен, но он был велик, ибо подтвержден всем опытом прошлого. С другой стороны, авторитет аппарата, как и его консерватизм, только еще складывались. Натиск Ленина не был

индивидуальным актом его темперамента; он выражал давление класса на партию, партии – на аппарат. Кто пытался в этих условиях сопротивляться, тот скоро терял почву под ногами. Колеблющиеся равнялись по передовым, осторожные – по большинству. Так Ленину удалось ценою сравнительно небольших потерь своевременно изменить ориентировку партии и подготовить ее к новой революции.

Но тут возникает новое затруднение. Оставаясь без Ленина, большевистское руководство делает каждый раз ошибки, преимущественно вправо. Ленин появляется, как бог, из машины, чтобы указать правильный путь. Значит, в большевистской партии Ленин – все, остальные – ничто? Этот взгляд, довольно широко распространенный в демократических кругах, крайне односторонен и потому ложен. Ведь то же самое можно сказать о науке: без Ньютона – механика, без Дарвина – биология на многие годы – ничто. Это верно, и это ложно. Нужна была работа тысяч рядовых ученых, чтобы собрать факты, сгруппировать их, поставить вопросы и подготовить почву для синтетического ответа Ньютона или Дарвина. Этот ответ наложил, в свою очередь, неизгладимую печать на новые тысячи рядовых исследователей. Гении не творят науку из себя, а лишь ускоряют движение коллективной мысли. Большевистская партия имела гениального вождя. Это не было случайно. Революционер такого склада и размаха, как Ленин, мог быть вождем только наиболее бесстрашной партии, которая свои мысли и действия доводит до конца. Однако гениальность сама по себе есть редчайшее исключение. Гениальный вождь ориентируется скорее, оценивает обстановку глубже, видит дальше. Между гениальным вождем и ближайшими соратниками открывалась неизбежно большая дистанция. Можно даже признать, что могущество мысли Ленина до известной степени тормозило самостоятельность развития его сотрудников. Но это все же не значит, что Ленин был «все» и что партия без Ленина была ничто. Без партии Ленин был бы бессилен, как Ньютон и Дарвин – без коллективной научной работы. Дело идет, следовательно, не об особых пороках большевизма, обусловленных будто бы централизацией, дисциплиной и пр., а о проблеме гениальности в историческом процессе. Писатели, которые пытаются принизить большевизм на том основании, что большевистской партии посчастливилось иметь гениального вождя, только обнаруживают свою умственную вульгарность.

Без Ленина большевистское руководство лишь постепенно, ценою трений и внутренней борьбы, искало бы правильную линию действия. Классовые конфликты продолжали бы свою работу, компенсируя и отменяя бесформенные лозунги «старых большевиков». Сталину, Каменеву и другим фигурам второй категории пришлось бы либо дать членораздельное выражение тенденциям пролетарского авангарда, либо же попросту перейти на другую сторону баррикады... Не забудем, что Шляпников, Залуцкий, Молотов пытались с самого начала взять более левый курс.

Это не значит, однако, что правильный путь был бы во всяком случае найден. Фактор времени играет в политике, особенно в революции, решающую роль. Ход классовой борьбы отнюдь не предоставляет политическому руководству неограниченный срок для правильной ориентировки. Значение гениального вождя в том и состоит, что, сокращая этапы наглядного обучения, он дает партии возможность вмешаться в события в нужный момент. Если бы Ленину не удалось приехать в начале апреля, партия несомненно толкалась бы на тот путь, который Ленин возвестил в своих «тезисах». Сумели бы, однако, другие вожди заменить Ленина настолько, чтобы своевременно подготовить партию к Октябрьской развязке? На этот вопрос невозможно дать категорический ответ. Одно можно сказать с уверенностью: в этой работе, которая требовала решимости противопоставить живые массы и идеи косному аппарату, Сталин не мог бы проявить творческой инициативы и являлся бы скорее тормозом, чем двигателем. Его сила начинается с того момента, когда можно обуздать массы при помощи аппарата».

Затем в книге повествование развивается следующим образом: «В течение следующих двух месяцев трудно проследить деятельность Сталина. Он оказался сразу отодвинут куда-то на третий план. Редакцией «Правды» руководил Ленин, притом не издалека, как до войны, а непосредственно изо дня в день. По камертону «Правды» настраивается партия. В области агитации господствует Зиновьев. Сталин по-прежнему не выступает на митингах. Каменев, наполовину примирившийся с новой политикой, представляет партию в Центральном Исполнительном Комитете и в Совете. Сталин почти исчезает с советской арены и мало появляется в Смольном. Руководящая организационная работа сосредоточена в руках Свердлова: он распределяет работников, принимает провинциалов, улаживает конфликты. Помимо дежурства в «Правде» и участия в заседаниях ЦК, на Сталина ложатся эпизодические поручения то административного, то технического, то дипломатического порядка. Они немногочисленны. По натуре Сталин ленив. Работать напряженно он способен лишь в тех случаях, когда непосредственно затронуты его личные интересы. Иначе он предпочитает сосать трубку и ждать поворота обстановки. Он переживает период острого недомогания. Более крупные или более талантливые люди оттеснили его отовсюду. Память о марте и апреле жжет его самолюбие. Насилюя себя, он медленно перестраивает свою мысль, но добивается в конце концов лишь половинчатых результатов.

Во время бурных «апрельских дней», когда солдаты вышли на улицу с протестом против империалистской ноты Милюкова, соглашатели заняты были, как всегда, заклинаниями по адресу правительства, увещаниями по адресу масс. 21-го ЦИК отправил, за подписью Чхеидзе, одну из своих пастырских телеграмм в Кронштадт и другие гарнизоны: да, воинственная нота Милюкова не заслуживает одобрения, но «между Исполнительным Комитетом и Временным правительством начались переговоры, пока еще не законченные» (эти переговоры, по самой своей натуре, никогда не заканчивались); «признавая вред всяких разрозненных и неорганизованных выступлений, Исполнительный Комитет просит вас воздержаться» и пр.

Из официальных протоколов мы не без удивления усматриваем, что текст телеграммы составлен комиссией из двух соглашателей и одного большевика и что этот большевик – Сталин. Эпизод мелкий (крупных эпизодов за этот период вообще не найдем), но характерный. Увещательная телеграмма представляла классический образчик того «контроля», который входил необходимым элементом в механику двоевластия. Малейшую причастность большевиков к этой политике бессилия Ленин клеймил особенно беспощадно. Если выступление кронштадтцев было нецелесообразно, нужно им было это сказать от имени партии, своими словами, а не брать на себя ответственность за «переговоры» между Чхеидзе и князем Львовым. Соглашатели включили Сталина в комиссию потому, что авторитетом в Кронштадте пользовались только большевики. Тем больше оснований было отказаться. Но Сталин не отказался. Через три дня после увещательной телеграммы он выступил на партийной конференции против Каменева, причем как раз конфликт вокруг ноты Милюкова избрал как особо яркое доказательство бессмысленности «контроля». Логические противоречия никогда не тревожили этого эмпирика.

На конференции большевистской военной организации в июне, после основных политических речей Ленина и Зиновьева, Сталин докладывал о «национальном движении и национальных полках». Под влиянием пробуждения угнетенных национальностей в действующей армии началось самочинное переформирование частей по национальному признаку: возникли украинские, мусульманские, польские полки и пр. Временное правительство открыло борьбу против «дезорганизации армии»; большевики в этой области встали на защиту угнетенных национальностей. Записи доклада Сталина не сохранилось. Вряд ли, впрочем, он вносил что-либо новое.

Первый Всероссийский съезд Советов, открывшийся 3-го июня, тянулся почти три недели. Несколько десятков провинциальных делегатов-большевиков, тонувших в массе согла-

шателей, представляли довольно разношерстную группу, далеко еще не освободившуюся от мартовских настроений. Руководить ими было нелегко. Именно к этому моменту относится интересное замечание уже знакомого нам народника, наблюдавшего некогда Кобу в бакинской тюрьме. «Я всячески хотел понять роль Сталина и Свердлова в большевистской партии, – писал Верещак в 1928 г. – В то время, как за столом президиума съезда сидели Каменев, Зиновьев, Ногин и Крыленко и, в качестве ораторов, выступали Ленин, Зиновьев и Каменев, Свердлов и Сталин молча дирижировали большевистской фракцией. Это была тактическая сила. Вот здесь я впервые почувствовал все значение этих людей». Верещак не ошибся. В закулисной работе по подготовке фракции к голосованиям Сталин был очень ценен. Он не всегда прибегал к принципиальным доводам, но он умел быть убедительным для среднего командного состава, особенно для провинциалов. Однако и в этой работе первое место принадлежало Свердлову, неизменному председателю большевистской фракции съезда.

В армии велась тем временем «моральная» подготовка наступления, которая нервировала массы не только на фронте, но и в тылу. Большевистская фракция решительно протестовала против военной авантюры, заранее предрекая катастрофу. Большинство съезда поддерживало Керенского. Большевики сделали попытку ответить уличной демонстрацией. При обсуждении вопроса обнаружились разногласия. Володарский, главная сила Петроградского комитета, не был уверен, выйдут ли на улицу рабочие. Представители военной организации утверждали, что солдаты не выступят без оружия. Сталин считал, что «брожение среди солдат – факт; среди рабочих такого определенного настроения нет», но полагал все же, что необходимо дать правительству отпор. В конце концов демонстрация была назначена на воскресенье, 10 июня. Соглашатели всполошились. Но испугавшись впечатления, произведенного запретом на массы, съезд сам назначил общую демонстрацию на 18 июня. Результат получился неожиданный: все заводы и все полки вышли с большевистскими плакатами. Авторитету съезда был нанесен непоправимый удар. Рабочие и солдаты столицы почувствовали свою силу. Через две недели они попытались реализовать ее. Так выросли «июльские дни», важнейший рубеж между двумя революциями.

4-го мая Сталин писал в «Правде»: «Революция растет вширь и вглубь... Во главе движения идет провинция. Если в первые дни революции Петроград шел впереди, то теперь он начинает отставать». Ровно через два месяца «июльские дни» обнаружили, что провинция чрезвычайно отстала от Петрограда. В своей оценке Сталин имел в виду не массы, а организации. «Столичные Советы, – отмечал Ленин еще на Апрельской конференции, – политически находятся в большей зависимости от буржуазной центральной власти, чем провинциальные». В то время как ЦИК из всех сил стремился сосредоточить власть в руках правительства, в провинции Советы, меньшевистские и эсеровские по составу, против собственной воли завладели нередко властью и даже пытались регулировать экономическую жизнь. Но «отсталость» советских учреждений в столице вытекала как раз из того, что петроградский пролетариат далеко ушел вперед и пугал мелкобуржуазную демократию радикализмом своих требований. При обсуждении вопроса об июльской демонстрации Сталин считал, что рабочие не стремились к борьбе. Июльские дни опровергли и это утверждение: против запрета соглашателей и даже против предостережения большевистской партии, пролетариат вырвался на улицу, рука об руку с гарнизоном. Обе ошибки Сталина крайне знаменательны для него: он не дышал атмосферой рабочих собраний, не был связан с массой и не доверял ей. Сведения, которыми он располагал, шли через аппарат. Между тем массы были несравненно революционнее партии, которая, в свою очередь, была революционнее своих комитетчиков. Как и в других случаях, Сталин выражал консервативную тенденцию аппарата, а не динамическую силу масс.

В начале июля Петроград был полностью на стороне большевиков. Знакомя нового французского посла с положением в столице, журналист Клод Анэ показывал ему по ту сторону

Невы Выборгский район, где сосредоточены самые большие заводы: «Ленин и Троцкий царят там, как господа». Полки гарнизона – либо большевистские, либо колеблющиеся в сторону большевиков. «Если Ленин и Троцкий захотят взять Петроград, кто им помешает в этом?» Характеристика положения была верна. Но власти брать нельзя было, ибо вопреки тому, что Сталин писал в мае, провинция значительно отставала от столицы.

2 июля на общегородской конференции большевиков, где Сталин представлял ЦК, появляются два возбужденных пулеметчика с заявлением, что их полк решил немедленно выйти на улицу с оружием в руках. Конференция рекомендует отказаться от выступления. От имени Центрального Комитета Сталин подтверждает решение конференции. Пестковский, один из сотрудников Сталина и раскayавшийся оппозиционер, вспоминал через тринадцать лет об этой конференции: «Там я впервые увидел Сталина. Комната, в которой происходила конференция, не могла вместить всех присутствующих: часть публики следила за ходом прений из коридора через открытую дверь. В этой части публики был и я и поэтому плохо слышал доклады... От имени ЦК выступал Сталин. Так как он говорил тихо, то я из коридора разобрал немного. Обратил внимание лишь на одно: каждая фраза Сталина была отточена и закончена, положения отличались ясностью формулировки...» Члены конференции расходятся по полкам и заводам, чтоб удержать массы от выступления. «Часов в 5, – докладывал Сталин после событий, – на заседании ЦИКа официально от имени ЦК и конференции заявили, что мы решили не выступать». Часам к 6 выступление все же развернулось. «Имела ли партия право умыть руки... и уйти в сторону?.. Как партия пролетариата мы должны были вмешаться в выступление и придать ему мирный и организованный характер, не задаваясь целью вооруженного захвата власти».

Несколько позже Сталин рассказывал об июльских днях на партийном съезде: «Партия не хотела выступления, партия хотела переждать, когда политика наступления на фронте будет дискредитирована. Тем не менее выступление стихийное, вызванное разрухой в стране, приказами Керенского, отправлением частей на фронт, состоялось». ЦК решил придать манифестации мирный характер. «На вопрос, поставленный солдатами, нельзя ли выйти вооруженными, ЦК постановил: с оружием не выходить. Солдаты, однако, говорили, что выступать невооруженными невозможно, что они возьмут оружие только для самообороны».

Здесь, однако, мы наталкиваемся на загадочное свидетельство Демьяна Бедного. В очень восторженном тоне придворный поэт рассказал в 1929 г., как в помещении «Правды» Сталин был вызван из Кронштадта по телефону и как в ответ на заданный вопрос о том, выходить ли с оружием или без оружия, Сталин ответил: «Винтовки?.. Вам, товарищи, виднее!.. Вот мы, писаки, так свое оружие, карандаш, всегда таскаем за собой... А как там вы со своим оружием, вам виднее!» Рассказ, вероятно, стилизован. Но в нем чувствуется зерно истины. Сталин был, вообще говоря, склонен преуменьшать готовность рабочих и солдат к борьбе: по отношению к массам он всегда был недоверчив. Но где борьба завязывалась, на площади ли Тифлиса, в бакинской ли тюрьме или на улицах Петрограда, он всегда стремился придать ей как можно более острый характер. Решение ЦК? Его можно было осторожно опрокинуть параболой о карандашах. Не нужно, однако, преувеличивать значение этого эпизода: запрос исходил, вероятно, от Кронштадтского комитета партии; что касается матросов, то они все равно вышли бы с оружием.

Не поднявшись до восстания, июльское движение переросло рамки демонстрации. Были провокационные выстрелы из окон и с крыш, были вооруженные столкновения, без плана и ясной цели, но со многими убитыми и ранеными, был эпизодический полузахват Петропавловской крепости кронштадтскими моряками, была осада Таврического дворца. Большевики оказались полными господами в столице, но сознательно отклонили переворот как авантюру. «Взять власть 3 и 4 июля мы могли, – говорил Сталин на Петроградской конференции. – Но на

нас поднялись бы фронт, провинция, Советы. Власть, не опирающаяся на провинцию, оказалась бы без рук и без ног». Лишенное непосредственной цели, движение стало откатываться. Рабочие возвращались на свои заводы, солдаты – в казармы.

Оставался вопрос о Петропавловке, где все еще сидели кронштадтцы. «ЦК делегировал меня в Петропавловскую крепость, – рассказывал Сталин, – где удалось уговорить присутствующих матросов не принимать боя... В качестве представителя ЦИК я еду с (меньшевиком) Богдановым к (командующему войсками) Козьмину. У него все готово к бою... Мы уговариваем его не применять вооруженной силы... Для меня очевидно, что правое крыло хотело крови, чтобы дать «урок» рабочим, солдатам и матросам. Мы помешали им выполнить свое желание». Успешное выполнение Сталиным столь деликатной миссии оказалось возможным только благодаря тому, что он не был одиозной фигурой в глазах соглашателей: их ненависть направлялась против других лиц. К тому же он умел, несомненно как никто, взять в этих переговорах тон трезвого и умеренного большевика, избегающего эксцессов и склонного к соглашениям. О своих советах матросам насчет «карандашей» он, во всяком случае, не упоминал».

Троцкий констатирует: «Вопреки очевидности соглашатели объявили июльскую манифестацию вооруженным восстанием и обвинили большевиков в заговоре. Когда движение уже закончилось, с фронта прибыли реакционные войска. В печати появилось сообщение, ссылавшееся на «документы» министра юстиции Переверзева, что Ленин и его соратники являются попросту агентами германского штаба. Настали дни клеветы, травли и смуты. «Правда» подверглась разгрому. Власть издала распоряжение об аресте Ленина, Зиновьева и других виновников «восстания». Буржуазная и соглашательская пресса грозно требовала, чтобы виновные отдали себя в руки правосудия.

В ЦК большевиков шли совещания: явиться ли Ленину к властям, чтоб дать гласный бой клевете, или скрыться? Не было недостатка в колебаниях, неизбежных при столь резком переломе обстановки. Спорный вопрос состоял в том, дойдет ли дело до открытого судебного разбирательства? В советской литературе немалое место занимает вопрос о том, кто «спас» тогда Ленина и кто хотел «погубить» его. Демьян Бедный рассказывал некогда, как он примчался к Ленину в автомобиле и уговаривал его не подражать Христу, который «сам себе в руки врагов предаде». Бонч-Бруевич, бывший управляющий делами Совнаркома, начисто опроверг своего друга, рассказав в печати, что Д. Бедный провел критические часы у него на даче в Финляндии. Многозначительный намек на то, что честь переубеждения Ленина «выпала на долю других товарищей», ясно показывал, что Бончу пришлось огорчить близкого друга, чтобы доставить удовольствие кому-то более влиятельному. В своих «Воспоминаниях» Крупская рассказывает: «7-го мы были у Ильича на квартире Аллилуевых вместе с Марией Ильиничной (сестрой Ленина). Это был как раз у Ильича момент колебаний. Он приводил доводы за необходимость явиться на суд. Мария Ильинична горячо возражала ему. «Мы с Григорием (Зиновьевым) решили явиться, пойдя, скажи об этом Каменеву», – сказал мне Ильич. Я заторопилась. «Давай попросаемся, – остановил меня Владимир Ильич, – может, не увидимся уже». Мы обнялись. Я пошла к Каменеву и передала ему поручение Владимира Ильича. Вечером Сталин и другие убедили Ильича на суд не являться и тем спасли его жизнь».

Подробнее о тех горячечных часах рассказал до Крупской Орджоникидзе. «Началась бешеная травля наших вождей... Некоторые наши товарищи ставят вопрос о том, что Ленину нельзя скрываться, он должен явиться... Так рассуждали многие видные большевики. Встречаемся со Сталиным в Таврическом дворце. Идем вместе к Ленину...» Прежде всего бросается в глаза, что в те часы, когда шла «бешеная травля нашей партии и наших вождей», Орджоникидзе и Сталин спокойно встречаются в Таврическом дворце, штабе врага, и безнаказанно покидают его. На квартире Аллилуева возобновляется все тот же спор: сдаться или скрыться?

Ленин полагал, что никакого гласного суда не будет. Категоричнее всех против сдачи высказался Сталин: «Юнкера до тюрьмы не доvezут, убьют по дороге».

В это время появляется Стасова и сообщает о вновь пущенном слухе, будто Ленин по документам департамента полиции провокатор. «Эти слова произвели на Ильича невероятно сильное впечатление. Нервная дрожь перекосила его лицо, и он со всей решительностью заявил, что надо ему сесть в тюрьму».

Орджоникидзе и Ногина посылают в Таврический дворец добиться от правящих партий гарантий, «что Ильич не будет растерзан юнкерами». Но перепуганные меньшевики искали гарантий для самих себя. В свою очередь, Сталин докладывал на Петроградской конференции: «Я лично ставил вопрос о явке перед Либером и Анисимовым (меньшевики, члены ЦИК), и они мне ответили, что никаких гарантий они дать не могут». После этой разведки в неприя- тельском лагере решено было, что Ленин уедет из Петрограда и скроется в глубоком подполье. «Сталин взялся организовать отъезд Ленина».

Насколько правы были противники сдачи Ленина властям, обнаружилось впоследствии из рассказа командующего войсками, генерала Половцева. «Офицер, отправляющийся в Тер- риоки (Финляндия) с надеждой поймать Ленина, меня спрашивает, желаю я получить этого господина в целом виде или в разобранном... Отвечаю с улыбкой, что арестованные делают очень часто попытку к побегу». Для организаторов судебного подлога дело шло не о «право- судии», а о захвате и убийстве Ленина, как это было сделано два года спустя в Германии с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург.

Мысль о неизбежности кровавой расправы сидела в голове Сталина прочнее, чем у дру- гих: такая развязка вполне отвечала складу его собственной натуры. К тому же он мало скло- нен был беспокоиться о том, что скажет «общественное мнение». Другие, в том числе Ленин и Зиновьев, колебались. Ногин и Луначарский в течение дня из сторонников сдачи стали ее противниками. Сталин держался наиболее твердо и оказался прав.

Посмотрим теперь, что сделала из этого драматического эпизода новейшая советская историография. «Меньшевики, эсеры и Троцкий, ставший впоследствии фашистским банди- том, – пишет официальное издание 1938 г., – требовали добровольной явки Ленина на суд. За явку Ленина в суд стояли ныне разоблаченные как враги народа фашистские наемники Каменев и Рыков. Им дал резкий отпор Сталин», и т. д.

На самом деле я лично в совещаниях вообще не участвовал, так как вынужден был сам в те часы скрываться. 10 июля я обратился к правительству меньшевиков и эсеров с письмен- ным заявлением о полной солидарности с Лениным, Зиновьевым и Каменевым и был 22 июля арестован. В письме к Петроградской конференции Ленин счел нужным особо отметить, что Троцкий в «тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи». Сталина не арестовали и даже формально не привлекли к делу по той причине, что политически он ни для властей, ни для общественного мнения не существовал. В бешеной травле против Ленина, Зиновьева, Каме- нева, Троцкого и других Сталин едва ли вообще назывался в печати, хотя он был редактором «Правды» и подписывал статьи своим именем. Никто не замечал этих статей и не интересо- вался их автором.

Ленин скрывался сперва на квартире Аллилуева, затем переехал в Сестрорецк к рабо- чему Емельянову, которому безусловно доверял и о котором, не называя его, упоминает с ува- жением в одной из своих статей. «Во время отъезда Владимира Ильича в Сестрорецк – это было вечером 11 июля – мы с товарищем Сталиным, – рассказывает Аллилуев, – провожали Ильича на Сестрорецкий вокзал. За время пребывания в шалаше на Разливе, а затем в Фин- ляндии, Владимир Ильич время от времени через меня посылал записки Сталину; записки приносились мне на квартиру, и так как на записки нужно было своевременно отвечать, то Сталин в августе месяце перебрался ко мне... и поселился в той же комнате, где скрывался

Владимир Ильич в июльские дни». Здесь он, видимо, познакомился со своей будущей женой, дочерью Аллилуева Надеждой, тогда еще подростком.

Другой из кадровых рабочих, Рахиа, обрусевший финн, рассказывал в печати, как Ленин поручил ему однажды «привести Сталина на следующий день вечером. Сталина я должен был найти в редакции «Правды». Они разговаривали очень долго, В.И. подробно обо всем расспрашивал». Сталин был в этот период, наряду с Крупской, важным связующим звеном между ЦК и Лениным, который питал к нему, несомненно, полное доверие, как к осторожному конспиратору. К тому же все обстоятельства естественно выдвигали Сталина на эту роль: Зиновьев скрывался, Каменев и Троцкий сидели в тюрьме, Свердлов стоял в центре организационной работы, Сталин был более свободен и менее на виду у полиции».

В период реакции после июльского движения роль Сталина вообще значительно возрастает. Уже знакомый нам Пестковский пишет в своих апологетических воспоминаниях о работе Сталина летом 1917 г.: «Широкие рабочие массы Петрограда мало знали тогда Сталина. Да он и не гонялся за популярностью. Не обладая ораторским талантом, он избегал выступлений на массовых митингах. Но никакая партийная конференция, никакое серьезное организационное совещание не обходились без политического выступления Сталина. Благодаря этому партийный актив знал его хорошо. Когда ставился вопрос о большевистских кандидатах от Петрограда в Учредительное Собрание, кандидатура Сталина была выдвинута на одно из первых мест по инициативе партийного актива». Имя Сталина стояло в петроградском списке на шестом месте... В 1930 г. считалось еще необходимым в объяснение того, почему Сталин не пользовался популярностью, указывать на отсутствие у него «ораторского таланта». Сейчас такая фраза была бы совершенно невозможна: Сталин объявлен идиолом петроградских рабочих и классиком ораторского искусства. Но верно, что не выступая перед массами, Сталин рядом со Свердловым выполнял в июле и августе крайне ответственную работу в аппарате: на совещаниях, конференциях, в сношениях с Петербургским комитетом и пр.

О руководстве партии в тот период Луначарский писал в 1923 г.: «...До июльских дней Свердлов состоял, так сказать, в главном штабе большевиков, руководя всеми событиями вместе с Лениным, Зиновьевым и Сталиным. В июльские дни он выдвинулся на передний план». Это было верно. Среди жестокого разгрома, обрушившегося на партию, этот маленький смуглый человек в пенсне держал себя так, как если бы ничего особенного не случилось: распределял по-прежнему людей, ободрял тех, кто нуждался в ободрении, давал советы, а если нужно – приказания. Он был подлинный «генеральный секретарь» революционного года, хотя и не нес этого звания. Но это был секретарь партии, бесспорным политическим руководителем которой Ленин оставался и в своем подполье. Из Финляндии он посылал статьи, письма, проекты резолюций по всем основным вопросам политики. Ошибаясь нередко на расстоянии тактически, Ленин тем более уверенно определял стратегию партии. Повседневное руководство лежало на Свердлове и Сталине, как на наиболее влиятельных членах ЦК из числа оставшихся на свободе. Массовое движение тем временем чрезвычайно ослабело. Партия наполовину ушла в подполье. Удельный вес аппарата соответственно возрос. Внутри аппарата автоматически выросла роль Сталина. Этот закон проходит неизменно через всю его политическую биографию, как бы составляя ее основную пружину.

Непосредственно поражение в июле потерпели рабочие и солдаты Петрограда, порыв которых разбился, в последнем счете, об относительную отсталость провинции. В столице упадок в массах оказался поэтому глубже, чем где-либо, но держался лишь несколько недель. Открытая агитация возобновляется уже в двадцатых числах июля, когда на небольших митингах выступают в разных частях города три мужественных революционера: Слуцкий, убитый позже белыми в Крыму, Володарский, убитый эсерами в Петрограде, и Евдокимов, убитый Сталиным в 1936 г. Потеряв кое-каких случайных попутчиков, партия в конце месяца снова начинает расти.

21–22 июля в Петрограде происходит исключительной важности совещание, оставшееся незамеченным властями и прессой. После трагически закончившейся авантюры наступления в столицу стали все чаще прибывать делегаты с фронта с протестами против удушения свобод в армии и против затягивания войны. В Исполнительный Комитет их не допускали, так как соглашателям нечего было им сказать. Фронтовики знакомились друг с другом в коридорах и приемных и крепкими солдатскими словами отзывались о вельможах из ЦИКа. Большевики, умевшие проникать всюду, посоветовали растерянным и озлобленным делегатам обменяться мыслями со столичными рабочими, солдатами и матросами. На возникшем таким образом совещании участвовали представители от 29 полков с фронта, 90 петроградских заводов, от кронштадтских моряков и окрестных гарнизонов. Фронтовики рассказывали о бессмысленном наступлении, о разгроме и о сотрудничестве соглашателей-комиссаров с реакционным офицерством, которое снова подняло голову. Несмотря на то что большинство фронтовиков продолжало, по-видимому, считать себя эсерами, резкая большевистская резолюция была принята единодушно. Из Петрограда делегаты вернулись в окопы незаменимыми агитаторами рабочей и крестьянской революции. В организации этого замечательного совещания Свердлов и Сталин принимали, видимо, руководящее участие.

Петроградская конференция, безуспешно пытавшаяся удержать массы от демонстрации, тянулась после продолжительного перерыва до ночи 20 июля. Ход ее работ очень поучителен для выяснения роли Сталина и его места в партии. Организационное руководство нес от имени ЦК Свердлов; но в области теории и больших вопросов политики он, без излишних претензий, как и без напускной скромности, уступил место другим. Главной темой конференции была оценка политического положения, как оно сложилось после июльского разгрома. Володарский, руководящий член петроградского Комитета, заявил в самом начале: «По текущему моменту докладчиком может быть только Зиновьев... Желательно выслушать Ленина». Имени Сталина никто не называл. Но, прерванная массовым движением на полуслове, конференция возобновилась лишь 16 июля. Зиновьев и Ленин скрывались, и основной политический доклад лег на Сталина, который выступал как заместитель докладчика. «Для меня ясно, – говорил он, – что в данный момент контрреволюция победила нас, изолированных, преданных меньшевиками и эсерами, оболганных...» Победа буржуазной контрреволюции составляла исходную позицию докладчика... Однако эта победа неустойчива; пока война идет, пока не преодолена хозяйственная разруха, пока крестьяне не получили земли, «неизбежно будут происходить кризисы, массы не раз будут выходить на улицу, будут происходить более решительные бои. Мирный период революции кончился...» Тем самым лозунг «власть Советам» утерял сейчас реальное содержание. Соглашательские Советы помогли военно-буржуазной контрреволюции раздавить большевиков, разоружить рабочих и солдат и тем сами лишились реальной власти. Вчера еще они могли устранить Временное правительство простым постановлением; внутри Советов большевики могли прийти к господству путем простых перевыборов. Сегодня это уже невозможно. При помощи соглашателей контрреволюция вооружилась. Да и сами Советы стали сейчас простым прикрытием контрреволюции. Смешно требовать власти для этих Советов! «Дело не в учреждениях, а в том, политику какого класса проводит это учреждение». О мирном завоевании власти не может быть более и речи. Не остается ничего другого, как готовиться к вооруженному восстанию, которое станет возможным, когда низы деревни, а с ними фронт, повернут в сторону рабочих. Этой смелой стратегической перспективе соответствовала очень осторожная тактическая директива на ближайший период. «Наша задача – собрать силы, укрепить существующие организации и держать массы от преждевременного выступления... Это общая тактическая линия ЦК».

При всей примитивности своей формы доклад давал глубокую оценку обстановки, изменившейся в несколько дней. Прения сравнительно мало прибавили к сказанному докладчиком. Редакция протоколов отмечала в 1927 г.: «Основные положения этого доклада были согласо-

ваны с Лениным и построены согласно статье Ленина «Три кризиса», которая еще не успела появиться в печати». Делегаты знали сверх того, вероятнее всего через Крупскую, что Ленин написал для докладчика особые тезисы. «Группа конферентов, – гласит протокол, – просит огласить тезисы Ленина. Сталин сообщает, что у него нет с собой этих тезисов...»

Требование делегатов слишком понятно: перемена ориентации так радикальна, что они хотят услышать подлинный голос вождя. Но зато непонятен ответ Сталина: если он просто забыл тезисы дома, то их можно доставить к следующему заседанию. Однако тезисы не были доставлены. Получается впечатление, что они были скрыты от конференции. Еще поразительнее тот факт, что «июльские тезисы» в отличие от всех других документов, написанных Лениным в подполье, вообще не дошли до нас. Так как единственный экземпляр был у Сталина, то остается предположить, что он утерял его. Однако сам он об утере ничего не говорил. Редакция протоколов высказывает предположение, что тезисы были составлены Лениным в духе его статей «Три кризиса» и «К лозунгам», написанных до конференции, но опубликованных после нее в Кронштадте, где сохранилась свобода печати. Действительно, сравнение текстов статей показывает, что доклад Сталина был лишь простым изложением этих двух статей, без единого оригинального слова от себя. Самых статей Сталин не читал и существования их, очевидно, не подозревал, но он опирался на тезисы, тождественные по ходу мыслей со статьями. И это обстоятельство достаточно объясняет, почему докладчик «забыл» принести на конференцию тезисы Ленина и почему этот документ вообще не сохранился. Характер Сталина делает эту гипотезу не только допустимой, но прямо-таки навязывает ее.

В комиссии конференции, где шла, видимо, ожесточенная борьба, Володарский, отказавшийся признать, что в июле контрреволюция одержала полную победу, собрал большинство. Вышедшую из комиссии резолюцию защищал перед конференцией уже не Сталин, а Володарский. Сталин не потребовал содоклада и не участвовал в прениях. Среди делегатов царило замешательство. Резолюцию Володарского поддержали в конце концов 28 делегатов против 3 при 28 воздержавшихся. Группа выборских делегатов мотивировала свое воздержание тем, что «не были оглашены тезисы Ленина и резолюцию защищал не докладчик». Намек на неблаговидное сокрытие тезисов был слишком явен. Сталин отмалчивался. Он потерпел двойное поражение, так как вызвал недовольство сокрытием тезисов и не сумел собрать в их пользу большинства.

Что касается Володарского, то он продолжал, в сущности, отстаивать большевистскую схему революции 1905 г.: сперва демократическая диктатура; затем неизбежный разрыв с крестьянством и, в случае победы пролетариата на Западе, борьба за социалистическую диктатуру. Сталин при поддержке Молотова и некоторых других защищал новую концепцию Ленина: только диктатура пролетариата, опирающегося на беднейших крестьян, обеспечит разрешение задач демократической революции и откроет вместе с тем эру социалистических преобразований. Сталин был прав против Володарского, но не сумел обнаружить своей правоты. С другой стороны, отказываясь признать, что буржуазная контрреволюция одержала полную победу, Володарский оказался прав против Сталина и против Ленина. Мы снова встретимся с этим спором на партийном съезде через несколько дней. Конференция закончилась принятием написанного Сталиным воззвания «Ко всем трудящимся», где, между прочим, говорилось: «... продажные наемники и трусливые клеветники осмеливаются открыто обвинять вождей нашей партии в «измене»... Никогда еще не были так дороги и близки рабочему классу имена наших вождей, как теперь, когда обнаглевшая буржуазная сволочь обливает их грязью!» Травле и преследованиям, кроме Ленина, подвергались главным образом Зиновьев, Каменев и Троцкий. Имена их были особенно дороги Сталину, когда «буржуазная сволочь» обливала их грязью.

Петроградская конференция явилась как бы репетицией партийного съезда, который собрался 26 июля. К этому моменту почти все районные Советы Петрограда были уже в руках

большевиков. В фабрично-заводских комитетах, как и в правлениях профессиональных союзов, влияние большевиков успело стать преобладающим. Организационная подготовка съезда сосредоточивалась в руках Свердлова. Политическую подготовку вел Ленин из подполья. В письмах в ЦК и в возобновившейся большевистской печати он с разных сторон освещал политическую обстановку. Им же были написаны проекты всех основных резолюций для съезда, причем доводы были тщательно взвешены на тайных свиданиях с будущими докладчиками.

Съезд созывался под именем «Объединительного», так как на нем предстояло включение в партию петроградской межрайонной организации, к которой принадлежали: Троцкий, Иоффе, Урицкий, Рязанов, Луначарский, Покровский, Мануильский, Юренев, Карахан и другие революционеры, так или иначе вошедшие в историю советской революции. «В годы войны, – говорит примечание к «Сочинениям» Ленина, – межрайонцы были близки большевистскому Петербургскому Комитету». Организация насчитывала к моменту съезда около 4000 рабочих.

Сведения о съезде, заседавшем полулегально в двух рабочих районах, проникли в печать; в правительственных сферах поговаривали о роспуске съезда, но в конце концов Керенский счел более благоразумным не соваться в Выборгский район. Для широкого общественного мнения съезд руководился анонимами. Из большевиков, получивших известность впоследствии, на съезде участвовали: Свердлов, Бухарин, Сталин, Молотов, Ворошилов, Орджоникидзе, Юренев, Мануильский... В президиум вошли Свердлов, Ольминский, Ломов, Юренев и Сталин. Даже здесь, где отсутствуют наиболее видные фигуры большевизма, имя Сталина оказывается на последнем месте. Съезд постановляет послать приветствие «Ленину, Троцкому, Зиновьеву, Луначарскому, Каменеву, Коллонтай и всем остальным арестованным и преследуемым товарищам». Их выбирают в почетный президиум. Издание 1938 г. только упоминает об избрании Ленина.

Об организационной работе ЦК отчет делал Свердлов. Со времени Апрельской конференции партия выросла с 80 до 240 тысяч членов, т. е. втрое. Рост под июльскими ударами был здоровым ростом. Тираж всей большевистской печати поражает своей незначительностью: 320 тысяч экземпляров на гигантскую страну! Но революционная среда электропроводна: идеи большевизма прокладывали себе дорогу в сознание миллионов.

Сталин повторил два своих доклада: о политической деятельности ЦК и о положении в стране. В связи с муниципальными выборами, на которых большевики завоевали в столице около 20 % голосов, Сталин докладывал: «ЦК... приложил все силы, чтобы дать бой как кадетам, основной силе контрреволюции, так и меньшевикам и эсерам, вольно или невольно пошедшим за кадетами». Много воды утекло со времени мартовского совещания, когда Сталин зачислял меньшевиков и эсеров в «революционную демократию» и возлагал на кадетов миссию «закреплять» завоевания революции.

Вопрос о войне, социал-патриотизме, крушении Второго Интернационала и группировках в мировом социализме был вопреки традиции выделен из политического доклада и поручен Бухарину, так как на международной арене Сталин совершенно не разбирался. Бухарин доказывал, что кампания за мир путем «давления» на Временное правительство и другие правительства Антанты потерпела полное крушение и что только низвержение Временного правительства способно приблизить демократическую ликвидацию войны. Вслед за Бухариным Сталин сделал доклад о задачах партии. Прения велись совместно по обоим докладам, хотя, как оказалось, между докладчиками не было полного согласия.

«Некоторые товарищи говорили, – докладывал Сталин, – что так как у нас капитализм слабо развит, то утопично ставить вопрос о социалистической революции. Они были бы правы, если бы не было войны, если бы не было разрухи, не были расшатаны основы народного хозяйства. Но эти вопросы о вмешательстве в хозяйственную сферу ставятся во всех государствах как необходимые вопросы...» К тому же «нигде у пролетариата не было таких широких органи-

заций, как Советы... Все это исключало возможность невмешательства рабочих масс в хозяйственную жизнь. В этом реальная основа постановки вопроса о социалистической революции у нас в России». Основной довод поражает явной несообразностью: если слабое развитие капитализма делает программу социалистической революции утопичной, то военное разрушение производительных сил должно не приблизить, а, наоборот, еще более отдалить эру социализма. На самом деле тенденция к превращению демократической революции в социалистическую заложена была не в военном разрушении производительных сил, а в социальной структуре русского капитализма. Эта тенденция могла быть вскрыта – и она была вскрыта – до войны и независимо от нее. Война придавала, правда, революционному процессу в массах неизмеримо более быстрые темпы, но вовсе не изменила социального содержания революции. Надо, впрочем, сказать, что Сталин заимствовал свой довод из отдельных неразвитых замечаний Ленина, которые как бы имели своей целью примирить старые кадры с необходимостью перевооружения.

В прениях Бухарин пытался отстоять частично старую схему большевизма: в первой революции русский пролетариат идет рука об руку с крестьянством во имя демократии; во второй революции – рука об руку с европейским пролетариатом во имя социализма. «В чем перспектива Бухарина? – возражал Сталин. – По его мнению, в первом этапе мы идем к крестьянской революции. Но ведь она не может... не совпасть с рабочей революцией. Не может быть, чтобы рабочий класс, составляющий авангард революции, не боролся вместе с тем за свои собственные требования. Поэтому я считаю схему Бухарина непродуманной». Это было совершенно правильно. Крестьянская революция не могла победить иначе, как поставив у власти пролетариат. Пролетариат не мог встать у власти, не начав социалистической революции. Сталин повторял против Бухарина те соображения, которые впервые были изложены в начале 1905 г. и до апреля 1917 г. объявлялись «утопизмом». Через несколько лет Сталин забудет, однако, повторенные им на 6-м съезде аргументы и возродит вместе с Бухариным формулу «демократической диктатуры», которая займет большое место в программе Коминтерна и сыграет роковую роль в революционном движении Китая и других стран.

Основная задача съезда состояла в том, чтобы заменить лозунг мирного перехода власти к Советам лозунгом подготовки вооруженного восстания. Для этого необходимо было прежде всего понять происшедший сдвиг в соотношении сил. Общее направление сдвига было очевидно: от народа – к буржуазии. Но определить размеры перемены было гораздо труднее: только новое открытое столкновение между классами могло измерить новое соотношение сил. Такой проверкой явилось в конце августа восстание генерала Корнилова, сразу обнаружившее, что за буржуазией по-прежнему нет опоры в народе или партии. Июльский сдвиг имел, следовательно, поверхностный и эпизодический характер, но он оставался тем не менее вполне реальным: отныне уже немислимо было говорить о мирном переходе власти к Советам. Формулируя новый курс, Ленин прежде всего был озабочен тем, чтобы как можно решительнее повернуть партию лицом к изменившемуся соотношению сил. В известном смысле он прибегал к преднамеренному преувеличению: недооценить силу врага опаснее, чем переоценить ее. Но преувеличенная оценка вызвала отпор на съезде, как раньше на Петроградской конференции, – тем более что Сталин придавал мыслям Ленина упрощенное выражение.

«Положение ясно, – говорил Сталин, – теперь о двоевластии никто не говорит. Если ранее Советы представляли реальную силу, то теперь это лишь органы сплочения масс, не имеющие никакой власти». Некоторые делегаты совершенно правильно возражали, что в июле временно восторжествовала реакция, но не победила контрреволюция и что двоевластие еще не ликвидировано в пользу буржуазии. На эти доводы Сталин отвечал, как и на конференции, аксиоматической фразой: «Во время революции реакции не бывает». На самом деле орбита каждой революции состоит из частых кривых подъема и спуска. Реакцию вызывают такие толчки со стороны врага или со стороны отсталости самой массы, которые приближают режим

к потребностям контрреволюционного класса, но не меняют еще носителя власти. Другое дело победа контрреволюции: она немыслима без перехода власти в руки другого класса. В июле такого решающего перехода не произошло. Советские историки и комментаторы продолжают и сегодня переписывать из книги в книгу формулы Сталина, совершенно не задаваясь вопросом: если в июле власть перешла в руки буржуазии, то почему ей в августе пришлось прибегать к восстанию? До июльских событий именовали двоевластием тот режим, при котором Временное правительство оставалось лишь призраком, тогда как реальная сила сосредоточивалась у Совета. После июльских событий часть реальной власти перешла от Совета к буржуазии, но только часть: двоевластие не исчезло. Этим и определился в дальнейшем характер Октябрьского восстания.

«Если контрреволюционерам удастся продержаться месяц-другой, – говорил Сталин далее, – то только потому, что принцип коалиции не изжит. Но поскольку развиваются силы революции, взрывы будут, и настанет момент, когда рабочие поднимут и сплотят вокруг себя бедные слои крестьянства, поднимут знамя рабочей революции и откроют эру социалистической революции на Западе». Заметим: миссия русского пролетариата – открыть «эру социалистической революции на Западе». Это – формула партии в течение ближайших лет. Во всем основном доклад Сталина дает правильную оценку обстановки и правильный прогноз: оценку и прогноз Ленина. Нельзя, однако, не отметить, что в его докладе, как всегда, отсутствует развитие мысли. Оратор утверждает, провозглашает, но не доказывает. Его оценки сделаны на глаз или заимствованы в готовом виде; они не прошли через лабораторию аналитической мысли, и между ними не установилось той органической связи, которая сама из себя порождает нужные доводы, аналогии и иллюстрации. Poleмика Сталина состоит в повторении уже высказанной мысли, иногда в виде афоризма, предполагающего доказанным то, что как раз требует доказательства. Нередко доводы сдабриваются грубостью, особенно в заключительном слове, когда нет основания опасаться возражений противника.

В издании 1928 г., посвященном 6-му съезду, читаем: «В члены ЦК избраны Ленин, Сталин, Свердлов, Дзержинский и др.» Рядом со Сталиным названы только трое умерших. Между тем протоколы съезда сообщают, что Центральный Комитет был избран в составе 21 члена и 10 кандидатов. В виду полулегального положения партии имена выбранных путем закрытого голосования лиц не оглашены на съезде, за исключением четырех, получивших наибольшее число голосов: Ленин – 133 из 134, Зиновьев – 132, Каменев – 131, Троцкий – 131. Кроме них были выбраны: Ногин, Коллонтай, Сталин, Свердлов, Рыков, Бухарин, Артем, Урицкий, Милютин, Берзин, Бубнов, Дзержинский, Крестинский, Муранов, Смирнов, Сокольников, Шаумян. Имена расположены в порядке полученного числа голосов. Из кандидатов удалось установить имена восьми: Ломов, Иоффе, Стасова, Яковлева, Джапаридзе, Киселев, Преображенский, Скрыпник. Из 29 членов и кандидатов только 4: Ленин, Свердлов, Дзержинский и Ногин умерли естественной смертью, причем Ногин был после смерти приравнен к врагам народа; 13 были приговорены официально к расстрелу и бесследно исчезли; двое, Иоффе и Скрыпник, были доведены преследованиями до самоубийства; трое: Урицкий, Шаумян и Джапаридзе не были расстреляны Сталиным только потому, что были ранее убиты врагами; один, Артем, пал жертвой несчастного случая; судьба четырех нам неизвестна. В итоге Центральный Комитет, которому суждено было руководить Октябрьским переворотом, почти на две трети состоял из «предателей», если даже оставить открытым вопрос о том, как закончили бы Ленин, Свердлов и Дзержинский».

Точность и далее остается важным достоинством книги: «3 августа закончился съезд. На другой день был освобожден из тюрьмы Каменев. Он не только выступает отныне систематически в советских учреждениях, но и оказывает несомненное влияние на общую политику партии и лично на Сталина. Они оба, хотя и в разной степени, приспособились к новому курсу.

Но им обоим не так просто освободиться от навыков собственной мысли. Где может, Каменев притупляет острые углы ленинской политики. Сталин против этого ничего не имеет; он не хочет лишь подставляться сам. Открытый конфликт вспыхивает по вопросу о социалистической конференции в Стокгольме, инициатива которой исходила от германских социал-демократов. Русские патриоты-соглашатели, склонные хвататься за соломинку, усмотрели в этой конференции важное средство «борьбы за мир». Наоборот, обвиненный в связи с германским штабом Ленин решительно восстал против участия в предприятии, за которым заведомо стояло германское правительство. В заседании ЦИК 6-го августа Каменев открыто выступил за участие в конференции. Сталин даже и не подумал встать на защиту позиции партии в «Пролетарии» (так именовалась ныне «Правда»). Наоборот, резкая статья Ленина против Каменева натолкнулась на сопротивление со стороны Сталина и появилась в печати лишь через десять дней, в результате настойчивых требований автора и его обращения к другим членам ЦК. Открыто на защиту Каменева Сталин все же не выступил.

Немедленно же после освобождения Каменева из демократического министерства юстиции был пущен в печать слух о его причастности к царской охранке. Каменев потребовал расследования. ЦК поручает Сталину «переговорить с Гоцем (один из лидеров эсеров) о комиссии по делу Каменева». Мы уже встречали поручения такого типа: «поговорить» с меньшевиком Анисимовым о гарантиях для Ленина. Оставаясь за кулисами, Сталин лучше других подходил для всякого рода щекотливых поручений. К тому же у ЦК всегда была уверенность, что в переговорах с противником Сталин не даст себя обмануть.

«Змеиное шипение контрреволюции, – пишет Сталин 13 августа по поводу клеветы на Каменева, – вновь становится громче. Из-за угла высовывает гнусная гидра реакции свое ядовитое жало. Укусит и опять спрячется в свою темную нору» – и т. д. в том же стиле тифлисских «хамелеонов». Но статья интересна не только стилистически. «Гнусная травля, вакханалия лжи и клеветы, дерзкий обман, низкий подлог и фальсификация, – продолжает автор, – приобретают размеры, доселе невиданные в истории... Сперва намеревались испытанных борцов революции объявить германскими шпионами, когда это сорвалось – их хотят сделать шпионами царскими. Так людей, которые всю сознательную жизнь посвятили делу революционной борьбы против царского режима, теперь пытаются объявить... царскими слугами... Политический смысл всего этого очевиден: контрреволюционных дел мастерам во что бы то ни стало необходимо изъять и обезвредить Каменева, как одного из признанных вождей революционного пролетариата». К сожалению, эта статья не фигурировала в материалах прокурора Вышинского во время процесса Каменева в 1936 г.

30 августа Сталин печатает без оговорок неподписанную статью Зиновьева «Чего не делать», явно направленную против подготовки восстания. «Надо смотреть правде в лицо: в Петрограде сейчас налицо много условий, благоприятствующих возникновению восстания типа Парижской Коммуны 1871 года». Не называя Зиновьева, Ленин пишет 3 сентября: «Ссылка на Коммуну очень поверхностна и даже глупа... Коммуна не могла предложить народу сразу того, что смогут предложить большевики, если станут властью, именно: землю крестьянам, немедленное предложение мира». Удар по Зиновьеву бил рикошетом по редактору газеты. Но Сталин промолчал. Он готов анонимно поддержать выступление против Ленина справа. Но он остерегается ввязываться сам. При первой опасности он отходит в сторону.

О газетной работе самого Сталина за этот период сказать почти нечего. Он был редактором центрального органа не потому, что был писателем по природе, а потому, что не был оратором и вообще не был приспособлен для открытой арены. Он не написал ни одной статьи, которая привлекла бы к себе внимание; не поставил на обсуждение ни одного нового вопроса; не ввел в оборот ни одного лозунга. Он комментировал события безличным языком в рамках взглядов, установившихся в партии. Это был скорее ответственный чиновник партии при газете, чем революционный публицист.

Прилив массового движения и возвращение к работе временно оторванных от нее членов ЦК, естественно, отбрасывают его от той выдающейся позиции, которую он занял в период июльского съезда. Его работа разворачивается в закрытом сосуде, неведомая для масс, незаметная для врагов. В 1924 г. Комиссия по истории партии выпустила в нескольких томах обильную хронику революции. На 422-х страницах IV тома, посвященных августу и сентябрю, зарегистрированы все сколько-нибудь заслуживающие внимания события, эпизоды, столкновения, резолюции, речи, статьи. Свердлов, тогда еще малоизвестный, называется в этом томе три раза, Каменев – 46 раз, Троцкий, просидевший август и начало сентября в тюрьме, – 31 раз, Ленин, находившийся в подполье, – 16 раз, Зиновьев, разделявший судьбу Ленина, – 6 раз. Сталин не упомянут вовсе. В указателе, заключающем около 500 собственных имен, имени Сталина нет. Это значит, что печать не отметила за эти два месяца ни одного из его действий, ни одной из его речей и что никто из более видных участников событий ни разу не назвал его по имени.

К счастью, по сохранившимся, правда, неполным, протоколам ЦК за семь месяцев (август 1917 г. – февраль 1918 г.) можно довольно близко проследить роль Сталина в жизни партии, вернее сказать, ее штаба. На всякого рода конференции и съезды делегируются, за отсутствием политических вождей, Милютин, Смилга, Глебов, маловлиятельные фигуры, но более приспособленные к открытым выступлениям. Имя Сталина встречается в решениях не часто. Урицкому, Сокольникову и Сталину поручается организовать комиссию по выборам в Учредительное собрание. Той же тройке поручается составить резолюцию о Стокгольмской конференции. Сталину поручаются переговоры с типографией по восстановлению центрального органа. Еще комиссия для составления резолюции и т. д. После июльского съезда принято предложение Сталина организовать работу ЦК на началах «строгого распределения функций». Однако это легче написать, чем выполнить: ход событий еще долго будет смешивать функции и опрокидывать решения. 2 сентября ЦК назначает редакционные коллегии еженедельного и ежемесячного журналов, обе с участием Сталина. 6 сентября – после освобождения из тюрьмы Троцкого – Сталин и Рязанов заменяются в редакции теоретического журнала Троцким и Каменевым. Но это решение остается лишь в протоколах. На самом деле оба журнала вышли только по одному разу, причем фактические редакции совершенно не совпадали с назначенными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.